

Мгда

В ЛЮБОВЬ И СМЕРТЬ

МАРТА БРОКЕНБРОУ

Все, что ты любишь, обратится в прах. Такова цена жизни. Такова цена любви.
И единственный конец любой правдивой истории.

Антоний и Клеопатра. Елена Троянская и Парис. Ромео и Джульетта. А теперь... Генри и Флора. Веками Любовь и Смерть выбирали себе игроков. Придумывали правила, бросали кости и держались неподалеку, готовые повлиять на ход игры, лишь бы победить. Но побеждала всегда Смерть. Всегда. Возможно ли, чтобы любовь хоть одной пары где-нибудь, когда-нибудь выбилась из этой череды?

Встречайте: Флора Саудади, темнокожая девушка, которая днем мечтает стать второй Амелией Эрхарт, а по ночам поет джазовые песни в прокуренных ночных клубах Сиэтла.

Встречайте: Генри Бишоп, который родился в паре кварталов и миллионе миров от Флоры — белый парень, наделенный всем, что позволяет не сомневаться в своем будущем: богатой приемной семьей в разгар Великой Депрессии, стипендией на учебу в школе и в университете и всеми мыслимыми возможностями.

Игроки выбраны. Кости брошены. Позиция определена. Но когда люди делают собственные шаги, последствия непредсказуемы.

До боли романтическая и потрясающе написанная, эта книга — история любви, которую вы никогда не забудете.

Марта Брокенброу «Игра в Любовь и Смерть»

Глава 1

Пятница, 13 февраля 1920 года

Силуэт в ладно скроенном костюме материализовался в детской и наклонился над спящим младенцем, вдыхая сладковатые молочные ароматы ночи. Он мог бы принять любой облик: воробья, полярной совы, даже самой обыкновенной мухи. Он часто путешествовал по миру на крыльях, но для этой работы всегда предпочитал обличье человека.

Стоя перед освинцованным окном, гость, известный как Любовь, вытащил из галстука небольшую жемчужную булавку и уколол свой палец. Выступила капелька крови, в которой отразился полумесяц луны, низко висящий в зимнем небе. Любовь наклонился над колыбелью и сунул окровавленный кончик пальца в ротик ребенка. Малыш, мальчик, попытался сосать, наморщив лоб и сжав кулачки.

— Тс-с, — прошептал Любовь. — Тс-с. — Этот игрок. Любовь не мог вспомнить никого из прежних, кого бы так любил.

Немного подождав, он высвободил палец, довольный тем, что его кровь надела ребенка преданным сердцем. Вернул на место булавку и еще раз внимательно посмотрел на ребенка. Достал из кармана книгу, нацарапал несколько строк и снова ее убрал. Когда пришла пора уходить, Любовь тихо, словно молитву, прошептал:

— Мужайся.

***

Следующей ночью в небольшом домике с зеленым фасадом свой выбор сделала его соперница. В этом домике не было ни освинцованных стекол, ни просторной детской, ни кованой колыбели. Избранный ребенок был девочкой, которая спала в ящике из-под яблок и была счастлива, поскольку пока еще не знала ничего лучшего.

В соседней комнате дремала ее бабушка, чутко прислушиваясь в ожидании любых звуков, которые дали бы ей понять, что родители внуки вернулись: скрипа двери, приглушенного шепота, легких крадущихся шагов.

Старушке пришлось бы ждать вечность, чтобы снова услышать эти звуки.

Гостя, известная как Смерть, потянулась затянутыми в перчатки из мягкой кожи руками к девочке, которая проснулась и сонно моргнула, глядя на незнакомку, склонившуюся над импровизированной кроваткой. К счастью, малышка не заплакала, а лишь удивленно вытаращила глазки. Смерть поднесла к своему лицу свечу, чтобы девочка лучше его разглядела. Та дважды моргнула, улыбнулась и потянулась к огоньку.

Довольная Смерть поставила свечу, прижала ребенка к груди и подошла к незанавешенному окну, из которого открывался вид на заснеженный квартал под серебристым февральским небом. Они вдвоем смотрели, как тихо падал снег, пока девочка не уснула на руках у Смерти.

Та сосредоточилась на своей задаче, с облегчением поняв, что наконец почувствовала нужное давление на глазницы. После некоторых усилий единственная черная слеза повисла на ресницах. Смерть зубами стянула перчатку, и та бесшумно упала на пол. Указательным пальцем гостя поймала слезу и поднесла его к чистому теплему лобику младенца.

Медленно, бережно, Смерть выписала на детской плоти слово. Высохнув, оно станет невидимым, но будет иметь власть над девочкой, а позже и над женщиной, которая из нее вырастет. Оно выучит ее, сформирует ее личность. Семь букв поблескивали в свете свечи.

Однажды.

Смерть прошептала девочке на ухо:

— Однажды все, кого ты любишь, умрут. Все, что ты любишь, обратится в прах. Такова цена жизни. Такова цена любви. И единственный конец любой правдивой истории.

Слово впиталось в смуглую кожу малышки и исчезло, словно его никогда и не было.

Смерть положила ребенка в ящик, сняла вторую перчатку и оставила обе на полу, где позже их нашла бабушка девочки и приняла за чьи-то еще. Перчатки были единственным предметом, которым Смерть наделила подопечную, хотя уже многое у нее забрала и с годами намеревалась забрать еще больше.

***

Следующие семнадцать лет Любовь и Смерть наблюдали за своими игроками. Наблюдали и ждали начала Игры.

Глава 2

Пятница, 26 марта 1937 года

Под тяжелым одеялом туч Генри Бишоп стоял на мягкой земле инфилда. Позиция между первой и второй базами прекрасно подходила для размышлений. Там пахло скошенной травой, а дугласовы ели, высаженные вокруг поля, не пропускали на площадку шум внешнего мира. Генри сглотнул, присел и взмахнул перчаткой, когда питчер вбросил мяч. Бэттер размахнулся битой и попал по мячу, тот отскочил от биты и полетел через инфилд. Генри подпрыгнул, пытаясь его поймать, но мяч летел по собственной траектории и лишь едва задел перчатку.

Вновь оказавшись на твердой земле, Генри понял, что ему пришло озарение о ритме бейсбола и о том, почему игра так много для него значила.

Все дело в связи. Без ответного взмаха бэттера работа питчера не имеет значения. Точно так же удар биты обретает смысл, когда мяч оказывается в перчатке кэтчера или в траве. Эта связь делала ритм полным. Две противоборствующие стороны схлестывались, ведомые каждая своим желанием, и создавали нечто непредсказуемое. Победу. Поражение. Разочарование. Ликование. О да, бейсбол — это история любви. Просто это немного другая любовь, чем та, которую Генри всегда искал.

Его ступни коснулись земли одновременно с тем, как центральный защитник команды, Итан Торн, без перчаток на бегу схватил мяч и бросил его Генри, опередив раннера, бегущего ко второй базе. Генри обожал быть частью этого сложного организма, состоящего из рук и ног его школьных товарищей.

— Неплохой сейв, — крикнул тренер в кепке, вязаном жилете и галстуке. — Но в следующий раз пользуйтесь перчаткой, мистер Торн. Эти ваши трюки приведут лишь к ссадинам на костяшках.

— Да, сэр, — отозвался Итан. — Мне показалось, что так я верну мяч быстрее.

Тренер фыркнул и покачал головой. Посмотрел наверх, скривился и оглядел игроков.

Тренировка продолжалась еще несколько минут, пока что-то в воздухе не переменилось. Генри почувствовал это изменение, внезапный скачок давления. Легкая морось быстро сменилась ливнем, отчего плечи игроков тут же потемнели. На площадке появились лужи.

Прикрывая голову планшетом в напрасной попытке уберечься от проливного дождя, тренер дунул в свисток:

— Бегом в душ! Все, кроме Бишопа.

Генри подбежал и посмотрел на тренера.

— Все как обычно. Занеси инвентарь в помещение и смой грязь с бит и мячей. И обязательно вытри их насухо, иначе придется покупать новые, а на это нет денег. — Он посмотрел на промокшие носки Генри.

— Да, сэр, — кивнул юноша, почти ожидая, что от жара его покрасневших щек дождь испарится.

На траву неподалеку спланировал воробей и схватил червяка, которого выманил из-под земли дождь. Птица, склонив голову, как будто внимательно изучала Генри. Тот подтянул носки.

— Когда закончишь с инвентарем, можешь идти, — велел тренер. — Я пошел. Погода что-то совсем испортилась.

Генри кивнул и наклонился за ближайшим мячом. Метнул его в корзину и проделал то же самое со следующим, и со следующим, и со следующим, ни разу не промахнувшись, хотя и постепенно удалялся от корзины. Мячи стучались друг о друга, один за другим падая в корзину — тук, тук, тук. Ритм. Связь. Они неотступно следовали за Генри, как тени, как призраки.

Работая, Генри насвистывал мелодию из русского балета, который играл в школьном оркестре. Он приподнял кепку, чтобы вытереть пот со лба, и начал собирать биты, размахивая ими на ходу. Он вымыл их, вытер и уложил в тележку на колесах, которую одной рукой дотолкал до сарая, в другой неся корзину с мячами.

Красота частной средней школы для мальчиков всегда повергала его в восторг. Здание представляло собой симфонию красного кирпича и белой краски в окружении хвойного леса. Даже в дождливый день оно поражало воображение. Генри был рад, что имеет стипендию, благодаря которой может себе позволить здесь учиться, и надеялся также получить новую, чтобы осенью поступить в Вашингтонский университет.

Когда Генри пришел в раздевалку, Итан все еще был там, завернутый в белое полотенце, хотя все остальные уже разошлись по домам.

— Надо было тебе помочь, — произнес Итан, заматывая еще одно полотенце на голове, чтобы подсушить мокрые волосы. — Да уж, я мерзавец.

— Это моя работа, а не твоя, — возразил Генри.

— Как скажешь... — вздохнул Итан. — Ты насквозь промок. А твоя обувь... Не знаю, почему ты отказываешься взять мои старые ботинки. Они намного приличнее...

— Все нормально, Итан. Правда. — Генри положил кепку на скамейку, стянул через голову мокрую водолазку и позволил ей со шлепком упасть на бетонный пол. — Не беспокойся.

К тому времени, когда Генри закончил принимать душ, Итан уже оделся и в школьной форме выглядел опрятным и уверенным в себе. Волосы он расчесал на прямой пробор. Повернулся к запотевшему зеркалу, кулаком протер его по кругу и поправил уже и так щегольски повязанный галстук.

— Как насчет пива? — Он посмотрел на туманное отражение Генри. — «Гатри» в это время дня всегда кишит девчонками.

— Не-а, — отказался Генри, ероша волосы полотенцем.

— Уверен? — Задавая вопрос, Итан будто вздохнул с облегчением. Выражение его лица показалось Генри странным. Но с Итаном бывало сложно, особенно если дело касалось досуга. Генри привык не задавать вопросов. Он пошевелил пальцами левой руки, играя на воображаемом инструменте мелодию новой пьесы, которую разучивал. Руки так и чесались поскорее добраться до настоящего контрабаса. Ритуал игры и ощущение инструмента в руках всегда его успокаивали.

— То есть у тебя другие планы? — спросил Итан, глядя на Генри с плохо скрываемой обидой. Ему не нравилось, когда приятель сам придумывал, чем заняться. Итан словно боялся, что Генри найдет себе другого лучшего друга, о чем тот даже и не помышлял.

Но Генри не хотел признаваться, что собирается провести вечер в гараже, занимаясь музыкой. Итан дал бы ему в ухо.

— О, например, я хотел спросить тебя о сочинении по английскому.

— Генри, его сдавать только через две недели, к тому же сегодня пятница. Ради бога, выходные впереди! — Итан забросил на плечо лямку ранца.

— Необязательно сегодня, — кивнул Генри. — Но я подумал, что тебе, может, захочется начать.

Итан подергал себя за хохолок на макушке, нарушив идеальный пробор.

— Нет, нет. Я знаю, о чем хочу там написать. Спешить некуда. Но это ведь не мешает твоей домашней работе? Потому что я, наверное, мог бы...

— Ничего страшного, — перебил его Генри. Свернул полотенце и бросил его в корзину для грязного белья. — Мне нравится это делать. Перестань дергаться.

Итан усмехнулся. Побарабанил пальцами по косяку и шагнул за дверь. Дождь снаружи утих, но мир вокруг Генри по-прежнему ощущался так, словно небеса вот-вот разверзнутся. Он поспешил за другом. Мир может разлететься на куски, если ему будет так угодно. Итан — да и все остальные — могут рассчитывать на то, что Генри сдюжит до конца.

Глава 3

Готовая дозаправить самолет, Флора Саудади стояла на нижнем крыле масляно-желтого «Бичкрафт Стэггервинг С17В». Она провела руками по верхнему крылу, восхищаясь тем, как ладно оно расположено чуть позади нижнего. Эта маленькая деталь являла собой изюминку и делала биплан единственным в своем роде. Из-за нее «Стэггервинг» выделялся из общей массы, и Флора, сама такая же, это в нем любила.

Эта конструкторская особенность придавала самолету вид быстрого. И даже лучше: он на самом деле был очень быстрым. В прошлом году пара летчиц пролетела на таком через всю страну и получила кубок Бендикса^[1] и премию в размере семи тысяч долларов на каждую. Мысль о подобной скорости взорвалась во Флоре фейерверком. Ах, если бы только...

Но этот конкретный самолет ей не принадлежал. Им владел капитан Жирар, который знал ее отца со времен Великой войны и с детства заменил Флоре папу. Он обучал ее всему,

что знал о самолетах, с того самого дня, как она призналась, что мечтает летать. Он нанял ее на должность механика, ведь у него имелся официальный пилот, который возил бизнесменов на переговоры по всей стране, потому что путешествовать на самолете быстрее и солиднее, чем ехать на поезде.

В округе не было ни одного дельца, который бы доверил Флоре штурвал и свою жизнь, хотя многие, не зная об этом, доверяли ей заботу о безопасности самолета, что не менее важно. Люди забавные, когда речь заходит о том, что им неизвестно. Если они чего-то не видят, значит этого нет. Или оно никак на них не влияет. Но мир ведь работает по-другому, не правда ли? Всюду вокруг нас есть невидимые могущественные силы, и Флора их чувствовала.

Поэтому, несмотря на щедрость капитана, ей пришлось бы годами вкалывать на аэродроме и второй работе, певицей в «Домино», чтобы позволить себе купить личный самолет. «Стэггервинг» стоил тысяч семнадцать. Нужно выиграть что-то вроде кубка Бендикса, чтобы набрать хотя бы на первый взнос. А без собственного самолета кубок не завоюешь.

Как всегда расстроенная от этих мыслей, Флора потянулась к баку на верхнем крыле, вдыхая голубые пары девяностооктанового топлива. Глянув на небо, она нахмурилась. Тучи предвещали грозу. Флора понадеялась, что дождь начнется через час-другой, чтобы ей удалось полетать. Но весеннему небу в Сиэтле никогда нельзя доверять.

Она спрыгнула на гравийную взлетную полосу, обошла самолет и забралась на противоположное крыло, чтобы наполнить второй бак. Заправка всегда отнимала время: сто десять галлонов керосина — это немало, а работники аэродрома горели желанием помочь Флоре не больше, чем желанием увидеть ее в кресле пилота.

Флора проверила застегки на синем парусиновом комбинезоне. Надежно застегнуты. Ее всегда преследовал суеверный страх, что если не застегнуться на все пуговицы, что-то непременно пойдет не так. И хотя Флора не питала иллюзий по поводу собственного бессмертия — однажды всему суждена кончина, — она рассчитывала, что это «однажды» произойдет в далеком будущем. От одной мысли о смерти начинала болеть голова.

Самолет выглядел хорошо, поэтому Флора вручную крутнула пропеллеры, чтобы проверить, не скопилось ли вредящее двигателю масло в нижней паре цилиндров. Удостоверившись, что все в порядке, она открыла дверь по левому борту и забралась в салон, пройдя мимо пары кресел в хвосте. Как всегда перед полетом, голова кружилась, пока Флора шла вперед к манящей приборной панели из полированного дерева.

Пристегнувшись, Флора посмотрела в лобовое стекло. Дождь еще не начался, но явно приближался. Она чувствовала, как меняется атмосфера. Поскольку самолет оборудован хвостовым колесом, земли видно не было, но перед заходом в кабину Флора проверила полосу и знала, что она свободна. Один из людей капитана Жирара махнул флажком, и Флора нажала на педаль акселератора. Когда самолет разогнался до сорока миль в час, хвостовое колесо оторвалось от земли и видимость стала лучше. Флора прибавила скорости, и на шестидесяти милях в час самолет взлетел. Еще быстрее, и вот она уже набирает высоту.

Флора улыбнулась. Каждый раз прощание с твердой почвой под ногами ощущалось как чудо. Самолет взлетал все выше, и сила тяжести вызывала тянущее ощущение в животе. Флора взяла курс на юг. Если бы не тучи, она увидела бы гору Рейнир, спящий заснеженный вулкан, который возвышался над городом, словно умный бог. Внизу раскинулось озеро Вашингтон — длинный простор серо-зеленой воды, который формой всегда напоминал ей

танцора. Южная часть озера походила на вскинутую вверх руку, а северная — на согнутые колени. Озеро окружали конические дугласовы ели и косматые кедры. А дальше, вдоль извилистых дорог, виднелись крошечные домики и суматошная жизнь.

Флора выдохнула. Небо принадлежало ей. Только ей. Так было всегда, и всякий раз, взмывая в небеса, она становилась частью чего-то бесконечного и бессмертного. Пока она берегла самолет, он берег ее. Авиация ничем не напоминала джаз, который Флора исполняла по ночам. Он постоянно был разным: иногда чудесным, иногда мучительным, всегда подчинялся настроениям и капризам других и зависел от вкуса слушателей.

Флоре было плевать на эту зависимость. Люди постоянно трепали ей нервы, расстраивали ее, а иногда просто уходили, порой навсегда. «Стэггервингу» же она доверяла, как собственному телу. Даже гул двигателя приносил ей радость. Пусть этот диссонирующий шум слегка резал чуткий музыкальный слух, его равномерное гудение очищало разум от тяжелых дум.

Но сегодня полетать подольше не получится. Небо переменилось, двигатель застучал. Как же быстро, словно брошенные кости. И тут полил дождь. Одна капля, затем вторая и еще одна, упали на лобовое стекло, и вскоре вода заструилась, мешая обзору. И хотя непохоже, что ливень перейдет в грозу, Флора знала, что должна посадить самолет. В воздухе молнии и лед были ее врагами.

Она сообщила диспетчеру о своих намерениях, развернулась и полетела назад на аэродром. По мере снижения желудок стал словно невесомым. Взлетная полоса приближалась. Флора сначала посадила передние колеса, а потом хвостовое: более сложный тип посадки в сравнении с одновременным приземлением на все три колеса, зато более безопасный и послушный управлению, и она выполнила его безупречно. Когда она вышла из самолета, дождь полил с удвоенной силой, словно небеса обуревала та же печаль, что и Флору при возвращении на землю.

Глава 4

Незадолго до полета Флоры Любовь материализовался в Венеции, которой обреченность придавала еще больше красоты. Он стоял на площади Святого Марка перед одноименным собором, названным так в честь человека, который нагишом убежал из Гефсиманского сада после того, как Иисуса приговорили к смерти. Кости апостола тайком перевезли в Венецию в бочонке соленой свинины^[2] — весьма странный способ сохранить человека и память о нем. Но как еще назвать человечество, если не странным?

Из подобных же человеческих костей и были созданы кости для Игры. Вырезанные и отполированные веками кубики с очками, нанесенными темно-бордовой смесью крови Любви и слез Смерти. Любовь всегда носил эти кубики с собой. Они постукивали в его кармане, пока он шел к кампаниле собора, колокол которой время от времени звонил, созывая политиков, возвещая о полудне и объявляя о начале казни.

Когда Любовь проходил мимо, колокол как раз отбивал двенадцать ударов. Шаги вспугнули стайку голубей, которые взлетели в серебристое небо, клопоча и громко хлопая крыльями.

В этот прохладный день Любовь приятно провел несколько часов, бродя по туманному

лабиринту улочек квартала Академии^[3], каждую минуту готовый столкнуться на углу с соперницей. У шляпника он купил котелок ручной работы, подарив старую шляпу худенькому парнишке-цыгану, который по прошествии лет станет легендарным соблазнителем женщин и мужчин. Долгие годы впоследствии Любовь жалел, что не отдал мальчонке свои брюки.

У торговца канцелярскими товарами по соседству Любовь приобрел пузырек лазурных чернил, потому что оттенок напомнил ему тот, которым Наполеон писал письма Жозефине. Любовь собирался писать ими заметки в блокноте, который всегда носил с собой; возможно, чернила принесут ему удачу. Возможно, на этот раз, в отличие от всех предыдущих, он выиграет.

Гадая, не забыла ли о нем Смерть, он зашел в кафе перекусить тонкой как бумага ветчиной со зрелым мягким сыром и запил еду бокалом игристого вина. Хотя его бессмертному телу не требовалось ни еды, ни питья, порой ему нравилось предаваться простым удовольствиям. Аппетит был прерогативой исключительно людей, и Любовь наслаждался тем, что чувствовал и понимал его.

Когда он вышел из кафе, ощущая во рту вкус соли и вина, солнце уже садилось на горизонте, забирая с собой цвета и тепло земного мира. Опасаясь, что Смерть так к нему и не присоединится, Любовь исчез и вновь появился в блестящей черной гондоле к большому удивлению ее владельца, только что высадившего последнего за день пассажира. Гондольер, видимо, собирался выкурить самокрутку, глядя в небеса, отдыхая перед тем, как вернуть лодку к причалу. Но тут пожаловал новый желающий прокатиться, который уже устраивался на черно-золотой скамье.

Мужчина вздохнул и спросил:

— Solo voi due?

«Вы только вдвоем?»

Слишком поздно Любовь уловил сладкий запах, пробивающийся сквозь вонь канала. Аромат лилий. Волоски на его затылке встали дыбом.

— Sì, solo noi due, — кивнул Любовь.

Она спустилась по шаткой деревянной лестнице к гондоле, похожая на ангела в длинном пальто из белоснежной шерсти. Ее перчатки и сапоги из бараньей кожи тоже были белыми. На шее единственным пятном цвета алел красный кашемировый шарф. При виде нее в этой одежде Любовь почувствовал тяжесть на сердце.

— Здравствуй, старый друг, — произнесла она.

Любовь помог ей спуститься в гондолу. Оценив ее облик семнадцатилетней девушки, он и сам решил омолодиться, чтобы ей соответствовать. Его решение появиться в Венеции в обличье мужчины средних лет отражало сведавшую Любовь усталость. Вечность постоянных проигрышей кого угодно состарит. Но чем моложе он себя чувствовал, тем прочнее была его вера в победу над Смертью. Стоит об этом помнить.

— Не возражаете, если я закурю? — спросил гондольер, уже держа в губах тонкую самокрутку.

— Пожалуйста, — разрешила Смерть.

И вот она, ее улыбка Моны Лизы, с которой Леонардо писал знаменитый портрет. За ней последовал треск пламени, кислородный запах жженого табака, грустное шипение брошенной в канал спички — еще одного огонька, навеки покинувшего бренный мир.

Гондольер, окутанный дымом и погруженный в раздумья, взял весло и погреб от Гранд-

канала в живописные узкие проливы тихого квартала.

— Безнадежный город, — заметила Смерть.

Она знала, что Любовь обожает Венецию. Чтобы лишить ее удовольствия видеть его обиженным, Любовь изменил внешность, добавив к своему лицу густые подкрученные вверх усы. Смерть в отместку отрастила тонкие висячие усы Фу Манчу, но так и не улыбнулась. Любовь признал победу за ней, и обе пары усов исчезли.

— Не стоит стыдиться, — произнесла Смерть на языке, известном только им двоим. — Она завораживает, твоя преданность обреченным.

— Возможно, я вижу то, чего ты не видишь, — сказал он.

— Может, и так, — согласилась она, сняла перчатку и опустила палец в воду.

— Они готовы, — сменил тему Любовь, думая о своем игроке в далеком городе, где на вокзале есть модель венецианской кампанилы.

— Как скажешь, — ответила Смерть.

Солнце зашло, унеся с собой свет. Оно снова взойдет, создавая иллюзию того, что мир обновился, что цикл начался снова. Но время не идет по кругу. Оно движется лишь в одном направлении, вперед в темноту неизвестности. Чувствуя, что душа погружается в смятение, Любовь сосредоточился на плеске воды о борта гондолы. Волны словно осыпали лодку поцелуями.

Он заглянул в сердце гондольера и обнаружил там женщину, которую тот любил больше всех на свете. Выпустил этот образ наружу, чтобы он накрыл лодку словно мягким одеялом. Несомненно, Смерть не будет возражать против толики уюта. Гондольер выбросил окурок в канал и затянул «O Sole Mio». Солнце мое.

Свет Любви разлился над водами канала, и в темнеющем небе появился тоненький серп луны. Отражения электрических фонарей падали на поверхность воды, словно изящными пальцами касаясь бортов проплывающей гондолы, рулевой которой пел о том, как сияние его сердца освещает лик возлюбленной.

Любовь понял, что сердцебиение вновь стало размеренным. Он взял Смерть за руку, чтобы ей было легче читать его мысли, и вместе они посмотрели на город на краю Нового Света. Сиэтл. Было в нем что-то первозданное. Да, безбрежный океан порочности, но также и воображение, надежда и чудо, привлекающие людей, желающих лучшей жизни. Леса и золотые шахты таили в себе несметные богатства.

Даже бедным Сиэтл сулил возможность лучшей доли, что отражалось в самом пейзаже тех мест: спокойных глубоких озерах, быстрых реках и заснеженных вершинах вулканов, чья красота заставляла забыть о дремлющей внутри ярости. Если в мире и есть место, где старое способно уступить дорогу новому, где Любовь способен победить Смерть, то только там.

Больше всего Любовь хотел бы читать мысли Смерти так же, как она читала его. Но он не знал, как она это делает. Прогулка завершилась, и Любовь щедро заплатил гондольеру. Держась за руки, двое бессмертных вышли из лодки, поднялись по ступенькам и неслышным в неумолчном плеске воды шагом пошли на арку моста Академии.

— Бумага? — Смерть протянула руку.

Любовь вырвал листок из своего блокнота.

— Ты первый, — сказала она.

Любовь уколол палец и протянул руку ей. Смерть сняла с уголка глаза слезу и коснулась мокрым кончиком пальца капельки крови. Любовь отдал ей листок и ранее купленное перо. Смерть окунула металлический кончик пера в их странные чернила и написала два имени.

Ритуал был быстрым, почти обыденным: они проводили его много раз, и, что еще более важно, хорошо знали друг друга.

Смерть подула на строки.

— Игроки будут жить, пока этот листок цел. Когда время выйдет, я его уничтожу.

— Только если выиграешь, — заметил Любовь.

— Когда выиграю. Что ознаменует победу?

Любовь задумался. В прошлом он говорил: «Поцелуй». Или «свадьба». Но и то, и другое сейчас казалось недостаточным.

— Они должны выбрать мужество, — наконец решил он. — Должны выбрать друг друга ценой всего остального. Когда они это сделают, я выиграю.

— Я даже не знаю, что это значит, — фыркнула Смерть.

Любовь предпочел показать ей образную картину. Взяв лицо Смерти в ладони, он сосредоточился на игроках. С виду они были совершенно невозможной парой из двух разных миров. Но Любовь понимал кое-что, о чем Смерть понятия не имела, когда речь заходила о чувствах. Сердца этих двоих — близнецы. Он показал Смерти, что произойдет, когда эти игроки сосредоточатся друг на друге. Их внутренний свет вырвется наружу двумя столпами пламени, материей, из которой состоит сама жизнь. В созданном Любовью образе проявились одновременно образование Вселенной в миниатюре и общие картины земной жизни. Он был источником всего, включая самих Любовь и Смерть.

Если Любовь победит, это изменит мир, по крайней мере, для этих игроков.

Смерть высвободилась из его рук.

— Больше никогда так не делай. — Она коснулась щеки. — Конечно же, нам нельзя рассказывать игрокам об Игре.

Любовь кивнул. Если им рассказать, все изменится.

— Каковы ставки на этот раз?

Смерть, не задумываясь, ответила:

— Когда я выиграю, жизнь моего игрока станет моей.

— Когда выиграю я, — сказал Любовь, — оба игрока останутся в живых.

Смерть пожала плечами. Ее могущество превосходило его, и на Игру она соглашалась исключительно ради забавы.

— Какие-нибудь ограничения? — поинтересовалась она.

Этот вопрос Любовь ненавидел: много раз делал неправильный выбор.

— Как обычно. До истечения срока ты не вправе убить любого из игроков прикосновением, как и я не вправе внушить им любовь.

— За одним исключением, — Смерть подняла палец.

— Каким? — Соперница жутко изворотлива.

— Если твой игрок выберет меня. Тогда я могу убить его поцелуем.

Любовь рассмеялся. Генри никогда не выберет смерть. Ни за что не предпочтет ее жизни. И, уж конечно, любви. Он был для нее рожден.

— Как пожелаешь. Уже выбрала для себя личину?

— Ты как раз на нее смотришь. Ну, на одну из них.

В сгущающейся темноте Любовь взгляделся в лицо Смерти. Белоснежная кожа. Аккуратная волнистая стрижка-боб. Темные глаза. Большой чувственный рот. Он уже видел это лицо, но где? Без сомнения, еще одним обликом Смерти будет черная кошка. Как эти личины повлияют на игроков — всегда загадка.

— А теперь давай определим срок Игры, — сказала Смерть. — Кости ведь у тебя?

Любовь достал из кармана кубики, которые стукнули друг о друга.

— Ты первая.

— Значит, я выбрасываю месяц. — Она потрясла кости в кулаке и бросила их на доски моста. — Три и четыре. Играем до июля. До какого дня — выбрасывай ты.

Любовь мог сложить очки или умножить одно число на другое в пределах тридцати одного. Он ненавидел возможность выбора и предпочел бы винить судьбу.

Сжав кубики, он поцеловал свою руку и разжал пальцы. Стук костей о доски эхом разнесся над водой.

Смерть наклонилась.

— Как забавно. Ничья.

Даже количество очков на кубиках было тем же: три и четыре. Любовь едва не выбрал днем окончания Игры двенадцатое июля. Это дало бы ему больше времени, которого вечно не хватало. Иногда даже минуты могли переломить ход Игры.

Но было что-то такое в симметрии семерки, что манило его к себе. Поэтому он доверился внутреннему голосу. Игра закончится в полночь седьмого июля.

— Когда мы снова увидимся? — Ему всегда хотелось знать, чем занимается Смерть, чтобы принимать ответные меры.

— Через два дня, — ответила она.

Любовь кивнул. Пара дней — очень хорошо.

Смерть растворилась в воздухе, как всегда, когда уставала от его общества, а Любовь поплелся вдоль канала, пока не обнаружил, что стоит перед почти пустым кафе. Он поел в одиночестве на старинной площади — порция ньокки с терпким красным вином, — глядя на то, как в темнеющем вечернем небе загораются звезды.

Игра началась. Любовь рвался к игрокам.

Глава 5

Суббота, 27 марта 1937 года

Отец Итана сидел за столом в кабинете своего особняка в Сиэтле, посасывая незажженную трубку. Перед ним лежала ньюйоркская газета. Нахмутив брови, он сложил ее и убрал с глаз долой. Снаружи на карниз вспорхнул воробей и заглянул в окно.

— Итан!

Нет ответа.

— Итан!

Миссис Торн вошла в комнату и выразительно вздохнула.

— Итан учит Аннабель играть в крокет, — пояснила она. — Генри в гараже.

— Умоляю, не говори мне об этом, — простонал мистер Торн. — Этот мальчишка и его адский инструмент. В лучшем случае пустая трата времени, а в худшем он испортит...

— О, Бернард, — перебила его жена, упираясь ладонями в стол и наклоняясь, чтобы поцеловать мужа в блестящий от пота лоб. — В занятиях музыкой нет никакого вреда, если сравнивать с настоящими опасностями нашего мира.

— Да дер...

— Бернард.

Миссис Торн подошла к книжному шкафу и слегка поправила одну из рамок с фотографиями, чтобы снимок улыбающейся черноволосой и темноглазой девочки стоял ровно.

— Приведи сюда Итана, — попросил Бернард, раскуривая трубку. — Генри...

— Генри так же заинтересован в газете, — настаивала миссис Торн.

— Генри заинтересован в музыке. — Он произнес последнее слово как ругательство. — И он не...

— Он твой сын не меньше, чем Итан. Серьезно, после всех этих лет. Его отец был твоим лучшим другом и шафером на нашей свадьбе.

— Приведи Итана, — буркнул мистер Торн.

— Пожалуйста? — Жена склонила голову, с улыбкой глядя на недовольного мужа.

— Приведи Итана немедленно, черт возьми, пожалуйста, — повторил он. — Скажи, что у меня есть для него задание.

***

Сквозь окно гаража падали лучи солнца, подсвечивая края нотной тетради Генри. Он шурился, но продолжал играть, водя смычком по нижним струнам контрабаса и извлекая из них волнующие кровь звуки. Он разучивал для школьного оркестра «Загадку»^[4] Эдуарда Элгара и по мере игры воссоздавал в памяти партии других инструментов: пение скрипок и альтов, причитание виолончелей, духовые и задающие ритм ударные.

Эта музыка заворожила его с того самого дня, когда мистер Соколов несколько недель назад раздал им ноты. Не лучшее произведение из тех, что ему доводилось играть. Малер, Чайковский, Шостакович, Рахманинов, Бетховен, Моцарт... список более выдающихся композиторов был длинным. Но впервые в жизни Генри играл больше, чем музыку — своего рода шифр. Тайну, которую нужно разгадать.

Он был уверен, что секрет заключен в мелодиях, связывающих каждую часть со следующей. Было ясно, с чего следует начать: каждая часть посвящалась человеку, чьи инициалы были написаны в партитуре. Но это вряд ли заслуживало названия «Загадка». Любой, кто знал композитора, тут же разгадал бы ее. Должно быть нечто большее. Поэтому последние несколько дней Генри напряженно думал над этим ребусом.

Охваченный любопытством, он посетил архив газеты, чтобы отыскать интервью с Элгаром, и прочитанное еще больше его запутало. Композитор сравнивал произведение с драмой, «главный герой которой не появляется на сцене». Генри никак не удавалось вспомнить подобную пьесу. Даже в «Гамлете» призрак все же появлялся. Генри перестал играть. На улице поднялся ветер, ероша зеленую весеннюю листву. До Генри донесся аромат свежей травы.

Он снова взял смычок и отдался музыке. Позволил ей говорить за него, не замечая, что лоб вспотел и по щеке покатилась капля пота. Он даже не обращал внимания на муху, которая кружила над головой, словно самолет, ищущий место для посадки. Генри столько всего хотел выразить этими нотами.

Он играл, пока не постучали в дверь. Три коротких удара — условный стук Итана. Генри должен был ответить двумя размеренными ударами, если Итану можно войти, но тот никогда не ждал ответа, а Генри не хотелось прерывать игру. Дверь скрипнула, и муха вылетела за порог.

— Неплохо. — Итан стоял в освещенном солнцем прямоугольнике на полу гаража, и его

ть доходила до ног Генри.

Генри закончил пассаж. Ему хотелось еще немного побыть одному, но если выбирать человека, прервавшего его музицирование, то лучше пусть Итан, чем кто-либо другой. Он определенно предпочитал друга малышке Аннабель или любому из родителей Итана, которые ясно дали понять, что находят его любовь к музыке решительно неблагоразумной тратой времени в пору нестабильной финансовой обстановки, отвлечением от по-настоящему важных дел вроде образования и будущего. Именно поэтому он и занимался в гараже: Торны сказали, что не хотят его обнадеживать, хотя, безусловно, смирятся с его увлечением, если не будут слышать упражнений, и если он будет успевать в учебе.

Прозвучала последняя нота, низкая и протяжная. Генри позволил ей несколько секунд повисеть в воздухе. Когда звук утих, он поднял голову, и увидел, что Итан задумчиво на него смотрит.

— Что такое? — спросил Генри. — Мне очень нравится эта пьеса.

Итан пожал плечами. Прислонился к верстаку, стоявшему у стены и покрытому древесной стружкой, среди которой валялись нуждающиеся в заправке маслом фонари и гнутые гвозди. Окно позади Итана казалось рамой картины, а солнце подсвечивало его светлые кудри. Неудивительно, что девчонки всегда строили глазки и перешептывались, когда Итан входил в комнату. Он выглядел как голливудская звезда.

— Мелодия прекрасна, — кивнул Итан. — Ты ее неплохо исполняешь.

— Спасибо за хоть такое одобрение, — засмеялся Генри.

— Не хочу, чтобы ты загордился. Сам знаешь, что ты хороший музыкант. — Итан запрыгнул на верстак. — Итак, для нас есть задание.

— Для нас? — переспросил Генри. Всем было известно, что Итан — наследник «Инкуайрера», а Генри... ну, в общем, благотворительность.

— Да, папа сказал, что тебе тоже можно пойти.

Генри еле сдержался, чтобы не рассердиться. Итан не виноват, что для его отца мальчишки явно на разном уровне.

Итан усмехнулся:

— И задание интересное. Про самолеты.

***

Итан вел «кадиллак» к аэродрому кончиками пальцев левой руки, а правую положил на спинку пассажирского кресла, в котором сидел Генри. Они выехали из имения Торнов на Капитолийском холме и сейчас пересекали высившийся над Монтлейк-Кат зеленый разводной мост, с которого открывался прекрасный вид на горы по обеим сторонам озера.

— Вот какое дело, — начал Итан, искоса поглядывая на Генри. — «Инкуайрер» опередили, и отец по этому поводу все ногти изгрыз. В Сэнд-Пойнт есть один самолет, один из быстрых на планете. В ньюйоркской газете напечатали репортаж о каких-то изменениях, внесенных механиками в двигатель, и теперь наша задача — показать этим парням с Восточного побережья, что не у них одних по венам текут чернила.

— Звучит предельно ясно, — заметил Генри.

— Да, именно так. Нашему репортеру, которого обскакали, небо с овчинку показалось, и теперь отец использует нас-желторотиков, чтобы еще больше его унижить. Честно говоря, мне даже неловко. Не то чтобы бедняга упустил новость о самолете, способном долететь до луны.

— Как будто это вообще возможно. — Ужаснее и представить не получалось: Генри

предпочитал стоять обеими ногами на земле.

— Ты взял блокнот? — спросил Итан.

— Конечно.

Вот так они работали вместе: Итан задавал вопросы, Генри записывал ответы. Потом Итан прорабатывал композицию и диктовал статью Генри, который набирал ее на машинке без ошибок и опечаток. Такова была их тайная система.

Мистер Торн полагал, что его сын давно выиграл войну с письменным словом, но Итан все еще ее вел, и она продолжалась не потому, что он недостаточно трудился или не был умен. Из всех знакомых Генри Итан был самой светлой головой: мгновенно улавливал причинно-следственные связи, быстро придумывал разумные аргументы. Но по какой-то неясной причине записанные слова сбивали его с толку. Генри тайно читал и писал работы Итана задолго до того, как поселился у Торнов — с того самого дня, как нашел его плачущим за школой с окровавленными от розги учителя руками.

Ни Генри, ни Итан не знали, что произойдет, когда семейное дело перейдет к Итану. Издатель, не умеющий читать и писать — это немыслимо, разве что юноши найдут способ держаться вместе. Нынче они вели себя так, будто этот роковой день настанет в невозможно далеком будущем, а дилемма разрешится сама собой.

— Вон туда. — Итан указал на желтый самолет со стеклянной кабиной пилота и толстыми резиновыми шинами. Он остановил машину чуть поодаль и вышел, проводя рукой по волосам. Генри последовал за ним, но смотрел он не на самолет, а на девушку, которая с отверткой сидела на корточках на верхнем крыле. При виде нее сердце его отчего-то забилося быстрее, и Генри не был уверен, хорошо это или плохо.

— Ты ее знаешь? — поинтересовался Генри.

— Что? Кого?

— Девушку, на которую показал. — Хотя Генри и представить не мог, где раньше ее видел, он чувствовал, что знает ее не хуже, чем низкую ре.

— Какую еще девушку? Где? Я показывал на самолет, тупица.

Конечно, Итан был сосредоточен на самолете и задании. Он никогда не позволял себе отвлекаться на девушек. Никогда. Генри пытался ему подражать, но безуспешно. Он постоянно глазел на девушек, постоянно высматривал ту, которая вызвала бы в нем ощущение, что он встретил свою вторую половинку. Он всю жизнь ее искал, но ни с кем не мог об этом поговорить. А эта девушка... в ней была какая-то... изюминка, что-то настолько живое. Она прошла от края верхнего крыла к середине и играючи спустилась на нижнее.

— Не смейся, — фыркнул Итан.

— Что-что?

— Генри, порой ты такой осел. — Итан показал на свое лицо.

Генри совершенно не понимал, что друг хотел до него донести.

— Она тебе не пара, Генри. Перестань уже мечтать о свадьбе. У мамы случилась бы истерика, увидь она, что ты разеваешь рот как рыба.

— Я не... Я просто... — Он, естественно, заметил цвет ее кожи, но, к своему удивлению, не почувствовал отторжения, хотя и было понятно, что никто не примет подобного союза.

— Ну, хотя бы закрой рот.

Генри сомкнул губы, но Итан уже с улыбкой шагал навстречу мужчине в темно-синем костюме и на ходу протягивал ему правую руку. Однако немедленно ее опустил, заметив то,

что Генри увидел секундой ранее: у человека в костюме правая рука отсутствовала.

— Меня зовут капитан Жирар, — произнес человек с легким французским акцентом. Голос его звучал живо, словно он привык к подобным неловким моментам. — Жаль, что я не могу пожалить вашу руку: потерял свою на войне. Хотя вижу, что вы заметили настоящий сюжет. Который парни из Нью-Йорка упустили.

— Как так? — поинтересовался Итан.

— Вот эта девушка на крыле — фантастический пилот. Лучший в штате. Возможно, даже лучший, чем Амелия Эрхарт^[5]. Дело не только в предельной скорости самолета, а гораздо больше в искусстве и смелости пилота, а и в том, и в другом Флоре нет равных, потому что она понимает работу механизмов так, словно они — продолжение ее собственного разума.

Генри достал блокнот, чтобы записать слова капитана. Итан, не умеющий изображать бесстрастность, выглядел раздраженным. Они приехали ради репортажа о самолете, а не о какой-то девчонке. Нет никаких шансов, что мистер Торн позволит им написать о женщине-пилоте, особенно с таким цветом кожи. Но Генри это не волновало. Ему хотелось выслушать все, что капитан о ней скажет.

— Ее отец сражался на войне бок о бок со мной, когда наши войска объединились с американскими. Храбрый мужчина был, и мастер на все руки. Не будь его, я бы лишился не только руки. Но штука в том, что я никого из журналистов не могу заинтересовать ее историей, и причина, как видите, налицо. Флора темнокожая, а здесь, в Америке, вы слишком много внимания уделяете расе. Поэтому газетчики тратят чернила на мисс Эрхарт, которая также смелая женщина и неплохой пилот, но упускают эту талантливую, почти волшебную девушку.

Генри хотелось вызваться и написать историю самому, чтобы поближе понаблюдать за Флорой, но подобное предложение точно поссорит его с Итаном, который постоянно боялся, что люди догадаются, что Генри ему помогает, если тому разрешат опубликовать самостоятельную статью, и который всегда менял тему, когда Генри хотелось поговорить о девушках.

— Это, конечно, увлекательно, — произнес Итан, но прозвучало это вовсе не так, как будто рассказ его захватил. — Что вы можете....

— Так вот, ей нужен спонсор, — продолжил капитан Жирар. — Способный оплатить самолет и кругосветный перелет. Я плачу ей сколько могу, но времена нынче тяжелые. Она пашет как лошадь. Берет ночную смену, чтобы поддерживать бабушку... Честно говоря, даже не знаю, когда она спит. — Капитан сунул в рот сигарету, вытащил из кармана коробок спичек и протянул Генри. — Поможете? — Он кивнул на пустой правый рукав. — Забыл зажигалку в кабинете.

Генри чиркнул спичкой.

— Вот, — сказал капитан, показывая коробок. — Название.

— Прощу прощения? — переспросил Генри.

— Клуб, в котором она работает. «Домино». Он принадлежал ее родителям, но они погибли в аварии, когда она была совсем крохой. Теперь она владеет клубом на паях с дядей. К стыду своему, я там никогда не был, но я уже староват для музыки и танцев. Однако она регулярно снабжает меня спичками.

Капитан Жирар забрал коробок, а Итан бросил на Генри возмущенный взгляд. Генри пожал плечами и осторожно задал вопрос, чтобы вернуться к теме интервью:

— Может быть, расскажете нам о ее самолете?

Пока капитан описывал изменения, внесенные Флорой в двигатель для улучшения баланса летательного аппарата, Генри старательно записывал, но думал о другом, и капитан это заметил.

— Девушка, — широко улыбаясь, повторил он. — Вам действительно стоит приглядеться к этой теме. Она поистине стоящая. Ее имя наводит на мысль о том, что она привязана к земле, но на самом деле у нее сердце птицы.

Поднялся ветерок, взъерошив волосы Генри. По спине пробежал холодок. Генри сглотнул. Посмотрел на летчицу, и она в тот же миг взглянула на него. Ни один не отвел глаз. На долю секунды Генри показалось, что Земля прекратила вращаться, но он продолжил движение, влекомый непреодолимой силой.

— Мы здесь ради самолета, — настаивал Итан. — Но, может, в следующий раз напишем и другую статью. Вы рассказывали о «Стэггервинге»...

Генри записывал ответы капитана на вопросы Итана, но мыслями уже был в «Домино». Неважно, чего хотел Итан: Генри задумал посетить тамошний концерт, и как можно скорее. Странно, но ему казалось, что от этого визита зависит его жизнь.

Глава 6

Воскресенье, 28 марта 1937 года

Платье принадлежало матери Флоры, поэтому выглядело несколько старомодным: в черно-белую клетку, на бретелях, с открытой спиной. В нем Флора ощущала уверенность в себе. Вся шелковистая ткань была расшита пайетками, поэтому платье было тяжелым, как шуба, словно что-то, когда-то бывшее живым. Флора оглядела себя в зеркале, проверяя, целы ли швы и не открыто ли взорам больше, чем она предполагала. Локон ее доходящих до подбородка волос выбился из прически, и Флора, устало вздохнув, закрепила его шпилькой. Она бы предпочла везде ходить в летном комбинезоне и с косичками, к которым привыкла с детства. И комбинезон, и косички были удобными, практичными и почти незаметными. Разряженная в пух и прах, она чувствовала себя рождественской елкой.

Она тысячу раз просила дядю Шермана, чтобы тот разрешил ей одеваться попроще и работать на кухне с Чарли: напоминать ему не пересаливать грудинку и резать кукурузный хлеб тонкими ломтями, потому что переевших гостей тянет в сон и поэтому они заказывают меньше выпивки. Но Шерман ни в какую не соглашался.

«"Домино" наполовину принадлежит тебе, детка, — говорил он. — Ты должна быть на виду и на сцене. Люди приходят не за тем, чтобы послушать пение кукурузного хлеба Чарли. А в городе никто не поет лучше тебя, да ты еще и выкладываешься не в полную силу».

Флора знала, что выглядит неплохо, но до материнской красоты ей было далеко. Она сравнила собственное отражение в зеркале с фотографией на комод, радуясь, что не настолько красива. Неприметная внешность защищала ее от парней, за исключением Грэди. Не будучи красавицей, она еще больше скучала по маме.

Флора совсем не помнила родителей, но столько раз представляла, как они ее обнимают и поют колыбельные, что эти фантазии казались правдивыми.

— Флора! — позвал ее Шерман из гостиной.

— Уже бегу! — Она выдвинула верхний ящик комода, достала материнские лайковые перчатки и натянула их на руки. Хотя дождь закончился, ночь все еще была прохладной. А Флоре нравились эти перчатки и то, что они до сих пор сохраняли форму маминых рук.

Шерман, одетый в смокинг конферансье, присвистнул, когда она вышла из комнаты.

— Всегда любил это платье.

— Спасибо. — Флора засмузилась от похвалы, хотя и понимала, что таким образом дядя хранит воспоминания о сестре.

По пути к двери она прошла мимо бабушки, которая шила одеяло из красных и белых лоскутов.

— Привет, милая, — окликнула Флору бабушка. — В морозильнике для тебя припасен кекс.

— Шоколадный?

— Скажи, капустаный салат вызывает у Шермана изжогу?

— Эй! — притворно возмутился Шерман. — Я не виноват, что твой салат такой вкусный, что от него не оторваться!

Флора по-дружески пихнула его в плечо и остановилась, чтобы поцеловать бабушку в лоб.

— Спасибо, бабуля. Съем после выступления. А ты бы попробовала кусочек сейчас.

— Я могу и подождать, — сказала бабушка. — Знаешь, не настолько уж я близка к смерти, чтобы есть десерт до ужина. — Она посмотрела на Флору поверх очков. — Ах, как же ты похожа на маму.

— Я и вполтину не такая красивая, — отмахнулась Флора.

— Чепуха, милая. Но мама предпочла бы, чтобы ты закончила школу. Получила аттестат, а не пахала на двух работах. Тебе ведь всего семнадцать, это мало для того, чтобы нести на плечах всю тяжесть взрослого мира.

— Ох, бабуля, мы уже сто раз это обсуждали. — Какой прок от школы, если будущим Флоры является клуб, а большинство белых хоть и помалкивают, но предпочитают, чтобы цветные знали свое место? Да и бабушке нужно подспорье. Заботиться о доме вдвоем и так непросто, а в последние месяцы бабушка двигалась медленно, словно у нее болела каждая косточка.

— Девочка права, — поддержал Флору Шерман. — Она нужна клубу. Мы сможем изменить все к лучшему и хотя бы выйти на старый уровень. И стоит только дождаться, когда она поставит рекорд на самолете! Мисс Эрхарт будет пыль глотать, а люди выстроятся в очередь вокруг квартала, чтобы послушать, как Флора поет. Знаешь, нет плохой славы.

— Скажи это Бонни и Клайду. — Бабушка вернулась к шитью.

Флора подождала, пока она не сделает аккуратный стежок, наклонилась и снова поцеловала старушку в лоб.

— Не сиди допоздна.

— Пой сегодня всем сердцем, дитя. Твоя мама лопнула бы от гордости, увидь она тебя сейчас, такую взрослую.

Флора надела легкий плащ и вышла в ночь. Бродячая, но ухоженная черная кошка, которая уже много лет приходила выпросить что-то себе на ужин, вынырнула из тени и потерлась о ноги Флоры.

— Опять ты, — прошептала та.

У кошки были странные черные глаза, и она гуляла сама по себе, никогда не подходя на

зов. Частенько она просто сидела поодаль, как будто наблюдая. При виде нее у Флоры полегчало на душе. Она покормит кошку на обратном пути. Может, даже даст ей попробовать кекс.

— Идем, Флора. — Шерман позвенел ключами. — Нам пора.

Кошка медленно моргнула, развернулась и исчезла в темноте, словно закончив с Флорой. Но она вернется, точно вернется.

Во время короткой поездки до клуба они прошли по программе, корректируя ее с учетом того, как принимала публика ту или иную песню накануне. Флора и Шерман прибыли за полчаса до прихода остальных музыкантов. Поскольку в субботу ожидался наплыв посетителей, Чарли работал на кухне с рассвета: томил лопатку, грудинку и ребрышки. Оттуда шел теплый и приятный аромат еды. Клуб был для Флоры домом не меньше, чем тот, где жили они с бабушкой.

— Врубай свет, милая! — крикнул Шерман с кухни, миновав двойные двери.

Флора вошла в сердце клуба — комнату с выкрашенными в черный цвет стенами. Этот цвет был выбран, чтобы скрыть повреждения стен и резной древесины, а также чтобы поглотить все в помещении, за исключением сцены. Флора защелкала выключателями, и лампы над дюжиной круглых столиков загорелись, осветив темный клуб. Флора чиркнула спичкой и аккуратно начала зажигать свечи, фитили которых жадно тянулись к свету и теплу, которое к концу вечера их поглотит. Затем Флора удалилась в гримерную, чтобы распеться.

Глава 7

Итан закатил глаза, съезжая на обочину. У подножия холма за Интернациональным районом возвышался Смит-тауэр, сверкая огнями на фоне ночного неба. За ним начинался Пьюджет-Саунд. Ушло без малого два дня, чтобы убедить Итана сходить в ночной клуб Флоры. Генри пошевелил пальцами, словно играя такты из «Вариаций “Загадка”».

Молодые люди вышли из машины и надели шляпы. В свете уличных фонарей клубился туман. Элегантно одетые пары рука об руку шли по тротуару к низкому кирпичному зданию с черной вывеской «ДОМИНО».

— Не знаю, зачем мы туда идем, — снова завел волынку Итан. — Завтра в школу, и к тому же папа не позволит отделу культуры дать материал о подобной музыке. Он говорит, что она пробуждает в людях животные инстинкты. Мы все равно не пишем статью о девушке-летчице, поэтому поход сюда — пустая трата времени.

— Это всего лишь джаз, — возразил Генри. — Мы его тысячу раз слушали.

— Вовсе нет, — стоял на своем Итан. — Мы слушали первоклассный джаз, а здесь исполняют совсем другую музыку. Уж кому-кому, а тебе должно быть это понятно.

Генри не был так уверен. Доносившиеся из клуба ноты его интриговали. Было в них что-то, вызывающее отклик, совсем как в оркестре, когда мелодия перетекала от струнных к духовым. Но эта музыка была проще. Элементарнее. Она напоминала разговор, случайное прикосновение. Генри не знал, в музыке дело или в чем-то другом, но воздух казался наэлектризованным, почти живым.

Они встали в очередь на вход. Большинство посетителей были старше двадцати, кому-то

было уже за тридцать. Белых — примерно половина. Остальные — цветные всех сортов, даже пара азиатов. Все останавливались на входе и обменивались парой слов с огромным вышибалой.

По мере приближения к дверям музыка становилась все громче, в ней звучали незнакомые Генри ритмы. Он шевелил пальцами, на слух подбирая мелодию, пытаясь опознать ноты и ритмический рисунок, словно чтобы влиться в эту гармонию. Хотя вряд ли это возможно. Одно дело мечтать об игре в уважаемом, уходящем корнями в историю оркестре, связанном с привычным Генри миром, и совсем другое — надеяться сыграть в подобном месте. Торны тут же выгонят его из дому, и он останется совсем один.

Они подошли к вышибале.

— Восемнадцать есть? — спросил тот.

— Да. — Итан сунул ему пару сложенных купюр.

Мужчина хохотнул и взял деньги рукой, которой мог бы оторвать голову так же легко, как открыть бутылку.

— Значит, с днем рождения. — Он отцепил бархатную веревку, перегораживающую двойные двери.

Музыка грохотала, и парни вошли в клуб, миновав большой портрет маслом — безупречно одетая пара с темной кожей, играющей оттенками красного и золотого. Генри и Итан спустились по лестнице. Песня закончилась, раздались аплодисменты.

— Фу, кажется, тут царит вседозволенность, — проворчал Итан. — А это ведет к тому, что все может пойти не так.

Генри не стал отвечать. Просто не мог. Миновав последнюю ступеньку, они остановились на пороге огромного зала: круглые столики со свечами, длинная барная стойка, уставленная бутылками и бокалами, хлопотливые официантки и официанты с уставленными едой и напитками подносами.

В дальнем конце помещения высилась сцена — красные бархатные кулисы и жемчужно-светлый свет. Конечно, обстановка видала лучшие дни, но Генри клуб показался самым ярким и запоминающимся местом со времен катастрофы, и на секунду он едва ли не почувствовал, что вернулся в прежний мир, где жил со своей семьей до того, как грипп унес жизни его матери и сестры, а отец... Генри усилием воли заставил себя не думать об этом. Сейчас не время.

Музыканты сгрудились на одной стороне сцены, и барабанщик ударил в бочку, давая начало новой песне. В центре сцены на широкой белой лестнице с резными перилами стояла Флора. Она выглядела одновременно такой же, как на летном поле, и поразительно иной. Спускаясь, она улыбалась, но было ясно, что ей совершенно наплевать на аплодисменты и свист публики. Оказавшись на сцене, она встала в яркое пятно перед микрофоном.

— Что-то не так? — поинтересовался Итан. — Только не говори, что наконец опомнился.

— Ничего подобного. Я просто... — Генри покачал головой. — Певица.

— Не то чтобы это имеет значение, но без летной экипировки она неплохо выглядит, — заметил Итан. — Так и быть, соглашусь с тобой. Если не брать во внимание, что ее платье было в моде лет эдак двадцать назад.

Генри было плевать на платье. Для него оно выглядело нормальным. Даже больше, чем нормальным.

Флора взяла первые ноты, и Генри с трудом сглотнул. Он никогда не слышал ничего

похожего на ее голос. Ему хотелось взять в руки контрабас, чтобы подхватить эти звуки, похожие на смесь шоколада и сливок, которую ему хотелось впитывать порами кожи.

*Давным-давно мечтала я,
Что станется в жизни со мной.*

Он узнал песню: «Иди со мною рядом». Но голос певицы словно пригвоздил его ноги к полу. Он как будто проскользнул под кожу и теперь вытягивал из костей все несущественное.

*Как смогу в одиночку я целый мир
Облететь под яркой луной.*

— Сигарету? — Блондинка в коротком красном платье с подносом пачек «Вайсрой» на шее наклонилась к ним, загораживая Генри вид.

*В тот день, когда встретились мы с тобой,
То не сразу влюбилась я.
Разгоралась любовь день ото дня,
Как встает над землей заря.*

Генри вытянул шею, а Итан знаком отказал девушке с сигаретами.

— Такие, как вы, всегда отказываете таким, как я, — пробормотала она, отходя. К ним подошел метрдотель, неся меню.

— Следуйте за мной, джентльмены, — позвал он. — Сегодня вам повезло: у нас есть столик прямо напротив сцены.

Генри много раз слышал эту песню по радио, но никогда еще ее не исполняли так трепетно и нежно. И музыка ничуть не походила на ту, что играла группа Оззи Нельсона. Было в ней что-то беспокойное, непредсказуемое, словно все писанные и неписанные правила разлетелись на осколки. Поняв это, Генри почувствовал, что на лбу выступил пот, а кровь быстрее побежала по жилам, отчего волосы на руках и затылке встали дыбом.

Флора перешла к припеву.

*Я много лет мечтала о том,
Что ждет меня впереди.
Но теперь прошу лишь об одном:
Пожалуйста, рядом иди.*

Худощавый молодой контрабасист держал ровный ритм, удерживая Флору в рамках написанных нот. Отчего-то Генри немедленно возненавидел этого парня, его усы, высокую прическу, отглаженный смокинг и то, что он смотрел на Флору, как на свою вещь. Музыка ускорилась, а вместе с ней и пульс Генри, и теперь куплет играла уже вся группа. Песня

напоминала разговор клавишных, контрабаса, саксофона, двух труб и пары начищенных тромбонов, превращавших отражения канделябров в движущиеся звезды.

Генри словно нырнул в озеро Вашингтон в жаркий день: прохладная вода и понимание, что дышать он сможет только всплыв. Он едва осознавал, что Итан что-то говорит и тычет в меню.

— Прощу прощения? — переспросил он, не в силах оторвать взгляда от Флоры.

— Я говорил, — четко разделяя слова, повторил Итан, — что заказал тебе джин с тоником и ребрышки с капустным салатом. Если тебе по душе такая еда, в этом клубе она самая лучшая.

Генри довольно долго осмысливал слова друга. Мозг словно вынуждал его распутывать буквы, будто смотанные в клубок.

— Да, мне она нравится, — наконец произнес он.

— Да что с тобой такое? — с мрачным лицом поинтересовался Итан. — Хоть бы еда оказалась достойной, потому что эта музыка мне не по нраву. И клуб этот похож на ночлежку. Он даже хуже ее платья. — Итан махнул рукой в сторону сцены, и этим взмахом загасил свечу.

Генри снова посмотрел на платье, не понимая, что такого криминального видел в нем Итан. В свете прожекторов пайетки подчеркивали изгибы фигуры Флоры, к которым ему хотелось прикоснуться. А клуб... да, ему не помешал бы ремонт, но какому месту он бы помешал? Итан и его семья, возможно, не почувствовали на себе того груза, который последние восемь долгих лет давил на большинство населения страны, но Генри никогда не забывал, что от нищеты его спасла дружба.

Официант принес их заказ и наклонился зажечь свечу, а Генри сосредоточился на Флоре, надеясь, что она тоже его увидит. Едва огонек загорелся, в ее глазах мелькнул проблеск узнавания, плечи быстро расправились, а голос на долю секунды сорвался. Она отвела взгляд, а Генри откинулся на спинку стула, заставляя себя дышать.

В его мысли вторгся голос Итана:

— Полагаю, вот в этом и суть настоящей жизни. Ты никогда не можешь жить так, как мечтаешь.

Генри залпом допил коктейль, чтобы на это не отвечать. Если говорить о мечтах, то его воображение никогда раньше не рождало чего-то настолько сильного, как сейчас, под воздействием голоса Флоры. Единственное, что ему оставалось — сидеть и впитывать в себя эти волшебные ноты, стараясь не замечать неодобрительный взгляд Итана.

Глава 8

После концерта Генри стоял в переулке за клубом и стучал в неприметную дверь, а Итан, и не пытаясь скрыть стыд, отвернулся лицом к улице. Никто не отвечал. Генри минуту подождал и постучал снова.

— Пойдем, Генри, — увещевал Итан, звеня ключами от машины. — Тебе непозволительно ввязываться в неприятности. Давай уйдем отсюда, пока не случилось плохого. В лучшем случае ты выставишь себя дураком, а в худшем... в худшем это может оказаться глупейшей из твоих идей. Мы не пишем о ней статью. Ни сейчас, ни потом. Твое

любопытство ничем не оправдано. Идем отсюда.

Генри поднял руку, чтобы постучать в последний раз, но тут дверь открылась и на порог вышел конферансье — высокий мужчина с щелью между передними зубами, в которую можно было бы просунуть пятак.

— Клуб закрыт, джентльмены, — сказал он. Мужчина был уже без пиджака, рукава рубашки он закатал до локтей и теперь скрестил мускулистые руки на груди.

Итан отступил на шаг, оставив Генри одного. Генри, заикаясь, сказал несколько слов, а мужчина рассмеялся и покачал головой, словно подобная сцена повторялась уже в тысячный раз.

— Ее зовут Флора, но для вас она мисс Саудади. Она моя племянница и не ходит на свидания с клиентами, особенно с белыми юнцами, у которых только одно на уме.

— Знаю. Я не за тем... — Слова застревали в горле. — Я... мы вчера были на летном поле. Писали статью. Я хотел поздороваться. Думал, а вдруг...

Мужчина выдохнул, опустил руки и взялся за дверную ручку.

— Как бы ни любил я рекламу, вынужден сказать, что не верю ни одному вашему слову. Ни одна белая газета не пишет о таких, как мы, если не брать во внимание криминальную хронику. У вас ведь нет доказательств, что вы те, за кого себя выдаете?

Генри посмотрел на Итана, в кармане которого лежало удостоверение, но тот упрямо покачал головой.

— Как я и думал, — вздохнул конферансье. — А теперь мотайте отсюда, пока я вам не наподдал.

— Но...

Мужчина захлопнул дверь перед носом Генри.

— Господи боже мой, ну и ну! — воскликнул Итан. — Точно надо было отговорить тебя от этой затеи. Родителей удар хватит, если они узнают, что ты сюда ходил. Из этого не выйдет ничего хорошего, Генри. Ты мне еще спасибо скажешь. — Он развернулся и бросил через плечо: — Идешь?

— Да. — Генри почувствовал, что между ним и другом возникла трещина. Он больше не скажет Итану ни слова о Флоре.

«Я буду приходить сюда каждый вечер, — подумал он. — Каждый вечер, просто ее послушать. Иначе никак». Он так долго старался быть полезным, послушным и уважаемым. Но с него хватит. Только не когда дело касается этой девушки и этой музыки, пусть Итан ее и не понимает.

Глава 9

Закончив выступление, Флора сидела в своей крошечной гримерной, прижимая ко лбу стакан лимонада. На сцене было настолько жарко, что после концерта она чувствовала себя так, будто побывала в духовке, и нет ничего лучше, чем охладиться кисло-сладким напитком. Опуская стакан, чтобы сделать глоток, она пыталась не думать об одном моменте выступления... моменте, когда она забылась.

«Сосредоточься на том, что прошло хорошо, — убеждала она себя. — Твой клуб был полон, не случилось никаких драк, налоговые инспекторы не заявили пересчитывать

бутылки спиртного».

Наверное, никто и не заметил одной неверной ноты. Ну, никто, кроме Грэди, который уж точно о ней напомним, думая, что оказывает Флоре услугу. Он всегда так себя с ней вел. Будучи старше, он считал себя ее защитником, учителем и покровителем. Мог быть настоящим ослом.

Но она винила того парня с аэродрома. Того, кто писал статью о самолете. Генри или Итана. Она не знала, кто из них кто. Так или иначе, он не походил на завсегдатая «Домино» и, возможно, поэтому выделился из толпы своим смокингом и сияющими глазами на бледном лице. Флоре не давало покоя то, что у нее не вышло не обращать на него внимания во время концерта. Обычно она смотрела поверх людских голов. Публика не видела разницы.

Но сегодня как будто какая-то неведомая сила притянула ее взгляд к нему. Возникшее между ними притяжение походило на то, как шасси самолета касалось земли. В нем была некая прочность и неизбежность, словно само тело Флоры было создано для нее, пусть умом она хотела вернуться в небеса. Раньше такого никогда не случалось. Никогда. Но все уже в прошлом. Он вряд ли вернется в «Домино» и уж точно собрал достаточно материала для своей статьи, о чем бы она ни была.

Флора поежилась и отставила лимонад. Делать ей больше нечего, кроме как обращать внимание на белого парня, как и ему на нее, особенно если он из тех, кто привык получать желаемое. Флора знала, как это бывает, иногда с официантками, иногда с разносчицами сигарет. Глубоко внутри нее жило ощущение опасности, и она надеялась, что оно пройдет.

Чтобы впустить в тесную комнатку свежего воздуха, пока не пришел Грэди (он всегда провожал ее, словно ребенка), Флора встала на тумбочку и приоткрыла высокое окно, единственное во всем клубе не заложённое кирпичами. Шерман распекал кого-то в переулке. Точно не представителей власти: на их долю доставались лишь любезности, улыбки и бесплатные коктейли. Кто бы там ни пожаловал, Шерман со всем разберется. Флора улыбнулась и прыгнула на пол. Допила лимонад, звякнув кубиками льда. Теперь она готова идти домой, возможно, покормить бедную кошку и наконец съесть испеченный бабушкой шоколадный кекс.

Словно откликнувшись на ее зов, Грэди постучал и просунул голову в щель между дверью и косяком.

— Пора идти, — заявил он, как будто Флора сама не догадалась бы. Придурок.

— Хорошо. — Она надела перчатки и сразу же почувствовала себя взрослой, а не ребенком.

— Давай поужинаем у Глории, — предложил он, имея в виду круглосуточную закусную для цветных. — Моей девочке необходимо подкрепиться.

— Поздно уже, — сказала Флора, хотя при одной мысли о кексе у нее слюнки текли. — И я, похоже, заболеваю. Горло саднит, потому и сфальшивила в «Иди со мною рядом», — предвосхитила она его замечание или, что еще хуже, попытку ее поцеловать.

Грэди поник.

— Ты просто должна позволить мне о тебе заботиться. — Он прижал ее к себе. — Без меня ты пропадешь.

— Весьма любезно с твоей стороны предложить, и я правда это ценю, — произнесла Флора, пытаясь не вдыхать тяжелый аромат его одеколona. — Но не сегодня. Пожалуйста.

— Давай провожу тебя домой, — сказал он. Флора взяла предложенную руку, мечтая, чтобы он не сжимал ее так крепко, мешая идти.

— Пожалуй, учитывая мое самочувствие, я лучше поеду с Шерманом. — Флора разжала пальцы.

— Флора, — вздохнул Грэди. Он выглядел скорее сердитым, нежели обиженным. Она молча собрала вещи и отправилась на поиски дяди.

Глава 10

Понедельник, 13 сентября 1927 года

Однажды утром второклассница Флора стояла у постели бабушки. Она не должна была ее будить, но где-то в глубине души боялась, что ночью бабушка ушла в рай. Флора внимательно рассматривала бабушку, пока не увидела, что грудь пожилой женщины под одеялом вздымается и опадает. Накрывшее Флору облегчение казалось таким же сладким, как стакан воды в августовский полдень.

Возможно, бабушка зашевелится, если услышит шум. Флора свистнула, хлопнула в ладоши и топнула ногой, всего разочек. Затем замерла, словно статуя, едва отваживаясь даже дышать. Но бабушка так и лежала на спине. Ее грудь поднималась и опускалась чуть быстрее, но глаза оставались закрыты. Флора подошла чуть ближе, и тут бабушка шустро высунула морщинистую руку из-под одеяла, схватила Флору за запястье и открыла один глаз.

— Попалась! — Бабушка улыбнулась и затащила внучку под одеяло. Там было мягко, а бабушка была теплой и уютной, как всегда, когда Флоре снились кошмары. Но кровать была последним местом, где Флоре сейчас хотелось находиться. Через пару часов Чарльз Линдберг^[6] посадит «Дух Сент-Луиса» в парке Волонтеров. Туда пойдет вся школа. Это был первый в жизни Флоры поход, и она собиралась взять с собой обед в судке и надеть второе лучшее платье, ведь мистер Линдберг может остановиться и пожать кому-то из детей руки. Флора намеревалась стать одной из счастливчиков, зная, что если знаменитый летчик ее коснется, это станет для нее благословением на то, чтобы учиться летать на самолете и самой рассекать голубое небо.

— Чего ты так вертишься? — спросила бабушка. — И твои ноги как будто из ледяной глыбы выточили! Я дрожу с головы до пят!

— Бабуля, пора вставать, — торопила Флора.

— О, а я думала не отправлять тебя сегодня в школу, — внезапно произнесла бабушка. — Стирка ждет, все белье дяди Шермана. И носки для починки поднакопились. В них столько дыр, что они на швейцарский сыр похожи!

— Но, бабушка... — Флора резко села.

— Да и огурцы солить надо. Знаю, ты терпеть не можешь, когда кожа на пальцах сморщивается, а из глаз слезы текут, но ничего не попишешь, делать надо. — Она тоже села и повернула Флору лицом к себе. — Так с чего начнем? С носков, подштанников или огурцов? — Флора потеряла дар речи. — Божечки, как хорошо, что твоя челюсть к голове крепится, а то пришлось бы отскребать ее от пола.

Она обняла внучку и расхохоталась, и Флора тут же поняла, что бабушка пошутила.

— Давай начнем с подштанников, — подхватила Флора. — Их ведь всего тридцать. — Шерман по-холостяцки рассудил, что ему придется меньше стирать, если он обзаведется подштанниками на каждый день месяца. В каком-то смысле это работало, но стирала все

бабушка.

— Пожалуй, — сказала бабушка, вставая с кровати, — в первую очередь лучше собрать тебе летный обед.

Пока Флора завтракала кашей, бабушка натруженными руками нагрела щипцы, выпрямила внучке волосы и заплела их в две косички. Потом застегнула на Флоре платье, вручила ей судок с обедом и выпроводила за дверь.

— Передай мистеру Линдбергу от меня привет, — наказала она. — Я положила два имбирных пряника на случай, если он проголодается.

— Обязательно, бабуля! — Может, пока Флора бежала к школе, стараясь держать судок ровно, под ее ногами и был тротуар, но она его не чувствовала.

В парке Волонтеров было шумно — гомонила толпа, играл военный оркестр. Но Флора слышала только биение собственного сердца, отдающееся в висках и кончиках пальцев. Она подняла глаза к небу. Голубое, всего пара облачков, как будто Господь прошелся по нему метелкой.

Флора смотрела на облака, как всегда надеясь, что увидит наблюдающих за ней сверху родителей. Она запомнила их лица по фотографии на комодке и время от времени была уверена, что видела их на небесах, как они махали ей с облаков, когда она лежала на траве, показывая им разные важные вещи: куклу, которую бабушка сшила из тряпок и чайного полотенца, первую прочитанную книгу, первый выпавший зуб.

— Да неужели? — сомневалась бабушка, когда Флора рассказывала ей об увиденном.

Она всегда так говорила, когда полагала, что Флора подстраивает истину под свое воображение, но ведь вполне возможно, что ее родители были там, и мистер Линдберг, может быть, видел их из своего самолета. Может, когда она сама научится летать, удастся их навестить. Всего на несколько секунд, пока самолет летит мимо облака... Ей и их будет достаточно.

От яркости неба у Флоры заслезилась глаза. По толпе прокатился гул, и Флора, утирая слезы, повернулась. Мистер Линдберг прибыл в длинном черном автомобиле. Школьники вокруг загомонили: «Я не вижу! Я не вижу!», и это правда было так. Дети из школы Флоры стояли на краю толпы, откуда ничего было не разглядеть. Флора заметила, что белым людям достались лучшие места, и задалась вопросом, было ли это пожеланием самого мистера Линдберга.

Голоса тысячи детей стали еще громче, когда летчик подошел к первому ряду встречающих, окруженный группой чиновников, среди которых был и мэр. С того места, где стояла Флора, она видела ряд шляп над толпой детворы. Но потом из-за них вышел человек без шляпы в мешковатой кожаной куртке. Поднял загорелую руку, чтобы помахать собравшимся. Флора успела увидеть его лицо, то самое, которое видели ее родители, когда он пролетал мимо.

Она знала, что не сможет коснуться даже его рукава, что и говорить о том, чтобы угостить летчика имбирным пряником. Но что-то она получила. А что-то — это уже не ничего, как любил повторять дядя Шерман.

Потом мистера Линдберга проводили к машине, гул двигателя стих вдаль, и рев толпы вновь распался на отдельные голоса. Там и сям смех детей, толкающихся забавы ради, приглушенный топот ног по газону, время от времени крик мальчика или девочки, ищущих туалет. Гомон рассеивался, и в нем образовывались секунды тишины, которые Флора могла посвятить своим мыслям.

Она еще не была готова уходить, и когда подвернулась возможность спрятаться за сосной, Флора тут же ею воспользовалась. Домой она и сама дойдет. Учитель, возможно, даже не заметит ее исчезновения. Она поставила судок на землю. Дядя Шерман съест имбирный пряник. Ее окутал успокаивающий запах земли, аромат растущей травы и перегноя. Кора сосны на ощупь казалась шершавой. Сквозь раскачивающиеся ветви едва проглядывало небо, но даже редких проблесков синевы было достаточно, чтобы Флора всеми фибрами души стремилась туда, словно будучи созданной для небес.

***

А в это время Генри крутил педали велосипеда, возвращаясь домой из того же самого парка. Одной рукой он придерживал кепку, другой держался за руль. Он насвистывал веселый мотивчик, радуясь и тому, что пожал руку мистеру Линдбергу, и тому, что ему разрешили не ходить сегодня в школу. Поскольку он недавно потерял отца и перебрался к Торнам, ему делали маленькие поблажки. Он никогда на них не соглашался, если Итан возражал, но в тот день друг приболел и лежал в постели, поэтому вряд ли был против.

Генри устал от того, что люди смотрят на него грустными глазами. Он намеревался провести день, катаясь на велосипеде по городу и вдыхая свежий осенний воздух. Когда он проезжал мимо большой сосны, черная кошка погналась через дорогу за воробьем. Генри вильнул, чтобы ее объехать, и выскочил на тротуар, где как раз появилась девочка в голубом платье.

Он ударил по тормозам, завизжали шины. Переднее колесо подскочило, руль устремился вперед, и велосипед вместе с ездоком перекувыркнулся. Генри оцарапал ладони и порвал правую брючину. Девочка же с криком отскочила и, споткнувшись, упала. Генри ее не сбил, но был к этому близок. Он выбрался из-под велосипеда и, ошеломленный, сел на тротуар.

— Ты в порядке? — спросил он у девочки, которая разглядывала ссадины на своих руках.

Она кивнула.

— Только платье испачкалось, а лучше этого у меня только одно.

— Прости, пожалуйста. Давай я провожу тебя домой.

— Да не надо, — отказалась она. — Мне только с холма спуститься.

Генри подумал, а не отпустить ли ее. Они незнакомы, и выглядит она совсем недружелюбно. Но это было бы неправильно.

— Я должен тебя проводить. — Он встал и протянул ей руку. Последовала долгая пауза. Воробей, которому удалось избежать кошачьих когтей, взлетел и зачирикал.

— Да все хорошо, — заупрямилась девочка, отряхивая платье. Кошка легла на тротуар поодаль и, ничуть не стыдясь, принялась вылизывать заднюю ногу.

— А если я просто пойду рядом с тобой? — Теперь это походило на состязание: кто же из них сдастся первым? Он посмотрел ей в глаза, и она ответила не менее твердым взглядом. Не существовало инструмента, которым можно было измерить едва заметную перемену в их отношении друг к другу. Они и сами едва ее осознали. И он, и она и не вспомнят об этой встрече еще много лет, разве что мельком. Но оба не забудут то чувство, которое их охватило, пусть ни один, ни вторая не имели ему названия и опыта, чтобы понять, что оно значит.

Наконец девочка пожала плечами и встала.

— У меня есть имбирный пряник. Бабушка испекла его для мистера Линдберга, но если

хочешь, можешь угоститься. Правда, я его, наверное, раздавила.

— Нет, спасибо, — отказался Генри, шагая рядом с ней.

— Ты это из вежливости говоришь?

На Генри накатило такое облегчение, что он рассмеялся.

— Да. Обожаю имбирные пряники, и настолько проголодался, что мог бы съесть козу с бородой и копытами.

Они ели пряники и болтали о самолетах, пока не дошли до зеленого домика, расположенного в миле от парка. Генри рассказал ей, каково было пожать руку мистеру Линдбергу (если честно, так же, как любому другому взрослому). Но девочка казалась заинтересованной, поэтому он поведал ей все, включая то, что у летчика был маленький порез на костяшке пальца.

Когда они подошли к крыльцу, Генри внезапно понял, что не спросил ее имени.

Она поднялась по ступенькам и взялась за дверную ручку.

— Флора.

Флора. Единственной знакомой ему прежде Флорой была пожилая тетушка, от которой пахло пудрой и обезболивающей мазью. Но девочке это имя подходило. А еще от нее приятно пахло.

— Смотри, кто за нами пошел. — Он показал на черную кошку.

— Она тут частенько бывает. Мне нельзя ее подкармливать, — стоя на пороге, Флора впервые улыбнулась, — но я все равно время от времени кидаю ей кусочки. Не говори никому. — Она приложила палец к губам.

— Могила, — пообещал Генри.

Эта улыбка, этот жест. Они ему понравились. Но он не мог придумать причину, чтобы задержаться. Она не спросила его имени, и он понял, что оно ей неинтересно. На удивление, это несколько его расстроило.

— Ладно, тогда пока, — произнес он, жалея, что не придумал ничего более достойного.

Она помахала и закрыла дверь. А он сел на велосипед и покатил домой, насвистывая мелодию собственного сочинения, к которой однажды вернется.

Глава 11

Понедельник, 26 апреля 1937 года

Шли недели. Джаз допоздна, обмен взглядами в свете свечей и софитов, схемы, нашептываемые налоговым инспекторам. И почему Смерть опять согласилась на эту игру?

Голодная как волк, она в простом черном платье стояла посреди ярмарочного городка в Испании. Она могла бы быть любой обычной девушкой, которую мать отправила купить продуктов к ужину: булку хлеба, кусок мяса, овощи, бутылку красного вина. Она убралась подальше от молодого города на берегах залива Пьюджет-Саунд, причем намеренно. Когда ее одолевал голод, игроки находились в опасности, как и ее контроль над игрой.

Прогуливаясь по рынку, Смерть остановилась, чтобы вдохнуть аромат цветов, и тут почувствовала прикосновение к плечу. Легкое, быстрое, словно подмигивание.

— Для тебя, красавица. — Перед ней стоял юноша и протягивал ей красный тюльпан.

— Я не просила, — отказалась она.

— Но ты такая очаровательная, что я не смог устоять. — Юноша, которому на вид было не больше восемнадцати, покраснел и потупился.

Смерть понимала, что он имеет в виду. Она приняла цветок, заметив, что грязь уже намертво въелась в пальцы дарителя. Руки человека, который работает на земле, благодаря которому почва рождает новую жизнь. Он видел миллион цветов, но каждый новый бутон все равно вызывал у него улыбку, и в отличие от других людей, проходивших мимо, он заметил Смерть. Увидел ее.

Это он очарователен.

Тюльпан был красив и душист, но также мертв. Она не сможет удержаться. Смерть продолжила путь, но спустя пару секунд обернулась через плечо и сказала:

— Когда услышишь в небе рокот самолетов, беги.

***

При взлете тюльпан был при ней. На сей раз Смерть приняла обличье молодого пилота люфтваффе, который на минуту покинул кабину, потому что к горлу подступала нервическая рвота. Бледный и потный, вскоре он вернется и обнаружит, что двенадцать бомбардировщиков «Штука» и шесть истребителей «Хейнкель 51» уже взвились в воздух, словно рой насекомых, отбрасывая жуткие тени в предзакатном солнце. Насколько ему не хотелось принимать участие в нацистском эксперименте, призванном определить, сколько огневой мощи нужно, чтобы полностью разбомбить город^[7], настолько же он не желал быть расстрелянным за дезертирство. «Да и куда подевался мой самолет?» — задавался летчик вопросом до конца своих дней.

А его самолет тем временем летел над Испанией, подсвечивая небо отражаемой фюзеляжем огненной бурей внизу. Смерть наслаждалась ревом и внезапной легкостью бомбардировщика, сбросившего свой губительный груз. Время от времени гул пикирующей «Штуки» заглушался стрекотом пулеметов, расстреливающих колонны беженцев. Шум, жар, цвет, запах, вибрация штурвала под ладонями. Это походило на музыку, и Смерть бомбила до бесчувствия, не замечая вокруг ничего, кроме грохота и огня.

Наконец в руины превратился весь город за исключением церкви, одинокого дерева и небольшой заброшенной фабрики по производству боеприпасов. От обугленных тел к кроваво-красному закату поднимался дымок. Ко времени, когда Смерть посадила самолет, небо стало темным и затянутым дымом. Единственный свет исходил от пожарищ, которые угасли только спустя три дня. Смерть в обличье испанской девушки приходила туда каждый из этих трех дней и тихо бродила по пепелищу. Потрясенная земля замолчала. Повсюду вокруг лежал урожай, множество жизней. Слишком много, чтобы собрать их сразу.

Она вращала время, как калейдоскоп, останавливая в пространстве самые важные стекляшки, чтобы собрать их по одной, вытащить души из опаленных изломанных тел. То, как души вихрем устремлялись в нее, было для Смерти высшим наслаждением, и ничего лучше она никогда не знала. Ее еще не захлестнул масштаб трагедии, хотя она понимала, что осознание придет позже, словно пропеллером самолета взрезая ее внутренности. Ненасытная, с побелевшими глазами, она пожирала души, словно собирала разбросанные карты или игрушечных солдатиков, оглаживая их, отряхивая от пыли, чувствуя их идеальный вес в ладонях, прежде чем зашвырнуть в небытие.

Наконец она нашла ту душу, которую искала. Он лежал под каменной плитой, бывшей стеной дома, где продавали хрусталь ручной работы. Тело окружали осколки стекла, порою мелкие, как звездная пыль.

Он еще дышал, но жить ему оставалось недолго.

Смерть встала рядом с ним на колени и положила руку на плиту — слишком тяжелую, чтобы сдвинуть ее одному. Лицо юноши было потным, запыленным и покрытым засохшей кровью из пореза на лбу. Его трясло.

— Я же сказала тебе бежать, — прошептала Смерть, кладя руку ему на лоб. Кожа была горячей, глаза лихорадочно блестели.

— Я...

Если она уберет плиту, он, скорее всего, умрет. Если не уберет — умрет наверняка.

— Я...

Он сосредоточил взгляд на ее лице, и она вспомнила о цветке в кармане своего теперь испачканного платья. Смятые лепестки по-прежнему были мягкими, как младенческая кожа. Мягкими, изломанными, уничтоженными.

— Я искал, — выдавил он. — Искал... тебя.

— Я здесь. — Холодными пальцами она сжала стебелек.

Ресницы юноши дрогнули. Смерть кое-что увидела в его глазах: узнавание. И еще: желание.

— Для чего тебе жить? — Она взвесила его душу в ладонях, не понимая, зачем люди цепляются за жизнь, если в итоге все равно ее потеряют.

Смерть чувствовала, как он обдумывает ее слова и пытается пересохшими губами сформулировать ответ. Вода. Как жаль, что у нее нет ни капли. По разбомбленным улицам кто-то шагал, спасатели искали выживших. Времени оставалось мало.

Она отодвинула плиту и коснулась щеки юноши. Ее тут же захлестнули образы, о которых он думал: поле, покрытое цветами, силуэт женщины, лица которой он еще не видел, но на которой захочет жениться, когда наконец ее встретит. Потом он сам на закате теплым весенним вечером, и он же вместе со своим еще не рожденным сыном на прогулке в лугах.

— Это, — наконец прошептал он. — Это.

Смерть положила смятый цветок на место, которого секундой ранее касалась. Юноша ахнул.

— Нау упо роғ аһі! — крикнул спасатель. «Здесь еще один!»

Раздался топот бегущих ног, тревожный ветерок развеял дым. Смерть спряталась за остовом разрушенной церкви еще до того, как спасатели нашли несчастного и быстро его ощупали, проверяя, не сломаны ли кости. Они стряхнули с него камешки и осколки стекла, поднесли к губам жестянку с водой и наконец унесли его в закат.

Смерть в последний раз прошла по мощеным улочкам и создала себе новое платье: простое, скроенное по фигуре, не запачканное кровью и пылью и не пропахшее дымом, словно всех предшествующих событий не было. В свете заходящего солнца черная кайма казалась красной. Смерть неподвижно стояла, пока боль в ней не утихла, а цвет платья не стал черным, как небо в безлунную ночь. А затем перенеслась в Нью-Йорк, где требовалось кое за кем понаблюдать.

Глава 12

Мистер Торн сидел за рабочим столом, курил трубку и просматривал газеты, привезенные с Восточного побережья. Он поднял глаза, когда в кабинет вошли Итан и Генри без рубашек, в домашней одежде, с мокрыми после душа волосами и розовыми после бритья подбородками. Генри сдержал зевок, наблюдая, как Итан оглядывает неприкасаемую отцовскую коллекцию заводных игрушек: автомобили, хлопающие в ладоши мартышки, расписанный менестрель и даже крошечный робот.

— Прекрасная история о «Стэггервинге», Итан, — похвалил мистер Торн. — Генри, выглядишь ужасно. Ты выспался?

— О да, сэр. — Генри надеялся, что его не поймают на лжи. В нем скопилась усталость от ночей, проведенных в клубе, где он слушал джаз и мечтал о Флоре. Он приходил в «Домино» каждый вечер уже несколько недель, однако все еще не собрался с духом, чтобы с ней заговорить. Но сидя за своим привычным столиком напротив сцены, он наблюдал за ней, запоминая каждую черточку. И чувствовал, что она тоже украдкой поглядывает на него, всегда отводя глаза, когда он пытался перехватить ее взгляд. Это уже походило на какую-то игру.

— Налегай на мясо, парень. Твоему организму, похоже, не хватает железа. — Мистер Торн отложил трубку и открыл столичную газету. Кашлянув, указал на зернистую фотографию на второй странице. — Видите?

Генри и Итан наклонились поближе, но было ясно, что ни тот, ни другой не понимают, к чему клонит мистер Торн.

— Гувервилль. Под мостом на Пятьдесят девятой улице в Нью-Йорке, — пояснил отец Итана. — По сравнению с нашим это капля в море. У нас восемь палаточных городков, самый крупный из которых в десять раз больше вот этого из газеты. Но потому что он на Западном побережье, эти газеты не догадываются о его существовании. — Он закрыл газету и зажал зубами трубку. — Ты напишешь историю о нашем местном Гувервилле. Том, самом большом у воды. Трогательный сюжет, интересный широким массам, а в особенности об этом новом парне... — Мистер Торн глянул на отпечатанную на машинке страницу на столе. — Некий мистер Джеймс Бут двадцати лет от роду приехал туда несколько недель назад и утверждает, что стал де-факто мэром городка. Но вот в чем штука. До меня дошли слухи, что в своих хижинах эти оборванцы производят алкоголь. Несомненно, за всем стоит этот Бут, пытаясь разбогатеть по-быстрому. Не удивлюсь, если он связан с гангстерами. Если это правда и покупатели не платят налог на спирт, то у нас уже не просто трогательный сюжет для широкой аудитории, а скандал. Мы сможем показать этим клоунам с Восточного побережья, что новости не тонут, достигнув Миссисипи.

— Спасибо за задание, отец, — поблагодарил Итан. — Не возражаешь, если Генри отправится со мной?

Генри подобрался.

— Конечно, если сумеет оторваться от своего контрабаса. Сперва разузнайте побольше об этом Буте. Где власть, там, скорее всего, коррупция.

***

Раздался цокот шпилек по паркету, а за ними следом топот кожаных туфельек Аннабель. Лидия Торн вошла в кабинет мужа, держа небольшой треугольник желтой бумаги. Аннабель с фарфоровой куклой в руках следовала за матерью.

— У меня есть новость, — объявила миссис Торн, поднимая висящие на цепочке очки для чтения и водружая их на нос. — Вернее, даже две.

— У нас есть новости! Два новости! — запищала Аннабель.

— Тихо, дорогая. — Миссис Торн погладила дочь по светловолосой головке. Даже в очках для чтения она выглядела настоящей красавицей. Именно от нее Итану и Аннабель достались светлые волосы и ясные глаза. — К нам едет гостья, — продолжила миссис Торн, наслаждаясь всеобщим вниманием. Мистер Торн покрутил пальцем, прося ее продолжать.

— Гостья! — взвизгнула Аннабель.

— Тихо, Аннабель, — вновь одернула дочь миссис Торн и плотно сжала губы, словно пытаясь скрыть улыбку. — Это Хелен.

— Но бал дебютанток... Я думал... — Мистер Торн отложил трубку и наклонился вперед, опираясь на локти.

— Видимо, дебют прошел неудачно. — Ноздри миссис Торн раздулись.

Мистер Торн крякнул и откинулся на спинку кресла, подложив руку под затылок, а другой взял трубку, всем видом изображая задумчивость.

— Хелен. Хелен — хулиганка, — пропищала Аннабель.

— Аннабель! Откуда ты узнала такое слово? — Мать смерила ее неодобрительным взглядом.

— Нам можно идти? — Итан закатил глаза. — Если мы должны...

— Итан сказал, — призналась Аннабель.

— Неправда! — с потрясенным видом возразил Итан. — Я никогда такого не говорил! — Он подошел к книжному шкафу, взял жестяную обезьянку и повернул завод. Щелчок как наждаком прошелся по натянутым нервам Генри. Итан сжал головку ключа, без сомнения, ожидая подходящего момента, чтобы ее отпустить, и спросил: — Когда она приезжает?

— Нам нужно встретить ее на вокзале Кинг-стрит... — Миссис Торн поправила очки и бросила взгляд на телеграмму. — В следующий вторник без пятнадцати три.

Мистер Торн тихо присвистнул.

— А они не стали тратить время, хотя я удивлен, что твоя сестра не посадила ее в первый же поезд на запад.

Миссис Торн кивнула и сняла очки.

— Им, наверное, пришлось многим затыкать рты... А остановить сплетни почти невозможно. Видимо, они едут в Европу, чтобы...

— Отстояться на якоре? — Мистер Торн выпустил клуб сизого дыма. — В Европе нынче творится черт знает что. Особенно в Испании.

— Давай не будем преувеличивать, — возразила миссис Торн. — Испания прекрасна, невзирая на то, что произошло с одним маленьким городком.

— Испания прекрасна, если тебе по душе фашисты.

Итан поймал взгляд Генри и с легкой улыбкой покачал головой. Иногда Итан называл отца фашистом, имея в виду его чрезмерную властность. Генри чиркнул пальцем по шее, предупреждая Итана не садиться на любимого конька.

— Она путешествует одна? — поинтересовался мистер Торн. — Или нам придется принимать еще и компаньонку?

— Одна. — Миссис Торн помахала телеграммой перед лицом. — Дошло до такого.

Итан поставил мартышку, и та захлопала в ладоши. Аннабель вручила брату куклу, взяла одну из отцовских газет и начала ею обмахиваться. Генри, смущенный поступком друга, поманил Аннабель к себе и подхватил ее на руки. Миссис Торн взяла с полки фотографию

брюнетки в темно-синем матросском платье.

— Как думаешь, Генри, она симпатичная?

Генри, держа на руках Аннабель, кашлянул и отвел взгляд от Итана, который сунул два пальца в рот, изображая рвоту.

— Да, — выдавил он, понимая, к чему клонит миссис Торн.

— Генри она нравится, — пискнула Аннабель. — Он покраснел.

— Сейчас она старше, — пояснила миссис Торн. — Эта фотография была сделана на каникулах в Швейцарии, где семья моей сестры отдыхала три года назад. Хелен ровесница Итана и твоя, конечно. Мы в последний раз видели ее еще малышкой, но им с Итаном нравилось играть вместе на острове.

— Она пинала меня в голени, — усмехнулся Итан.

— Итан, положи куклу, — скомандовал мистер Торн. — Выглядишь нелепо, как какой-то маменькин сынок.

Итан усадил куклу на полку, а Аннабель высвободилась из рук Генри, чтобы забрать любимицу. Итан принялся жонглировать фигурками окаменелых трилобитов.

— У Хелен очень крепкая обувь.

— Итан, это не игрушки, — предупредила сына миссис Торн.

— Ну, нам ведь и игрушки брать не положено, — пожал плечами Итан. — Кроме того, я никогда ничего не роняю.

— Чтобы получить потомство, придется вытерпеть намного больше, чем крепкую обувь, — наставительно произнес мистер Торн. — Мать сказала тебе поставить окаменелости на место.

— Мне было пять, когда она пинаясь, — добавил Итан, по одному лоя трилобитов, и, поймав последнего, шутливо поклонился и поставил их на полку. — А Хелен... — Он бросил на Генри предупреждающий взгляд. — Она вовсе не милашка.

— Пинаться плохо, — сказала Аннабель. — Я вот не пинаюсь.

— Беги на кухню, Аннабель, — распорядилась миссис Торн.

Держа куклу за ногу, девочка выскочила из кабинета.

Немного погодя миссис Торн заправила локон за ухо.

— Конечно, Итану она не пара, но посмотрим, что о ней скажет Генри. Ей может... ему может понравиться ее общество. — Она поставила на полку фотографию и вытерла с рамки воображаемую пыль.

— Он в комнате, мама, — вздохнул Итан, — и он не одна из кукол Аннабель, с которыми ты так любишь играть. Он живой человек.

Генри хотелось сказать что-то самому, но что? Именно этого он предположительно хотел: официально стать членом семьи Торнов. Он закончит учебу и обручится с девушкой, скомпрометированной настолько, что она готова выйти замуж за нищего сироту, но все же имеющей связи, благодаря которым Генри сможет получить хорошую работу. Жизнь, обещающая ему все, что должно по идее иметь значение.

— Вторая новость касается Генри, — продолжила миссис Торн, поднимая открытый конверт, адресованный ему. — Тебе назначена стипендия в университете. Разве не чудесно?

Отличная новость. Правда. Жизнь устаканивалась, входила в хорошую колею.

— Прекрасно, прекрасно! — пробубнил мистер Торн и уткнулся в газету.

— Можете идти, мальчики, — отпустила их миссис Торн. — Нам нужно подготовить дом. Столько всего нужно сделать...

***

— Наверное, тебя пинать она не будет, — сказал Итан, когда они вышли из кабинета. — Но на твоём месте я бы поостерегся.

— Что? — переспросил Генри. Он думал только об одном: как бы поскорее добраться до гаража, поиграть на контрабасе и подумать. Столько всего происходит, причем так быстро.

— Я пошутил, — усмехнулся Итан. — Но, думаю, она уже переросла желание пинаться. Может быть, она стала милашкой. Во всяком случае Хелен точно не дурнушка. Я бы не стал тебя винить, если бы ты... — Он многозначительно замолчал.

Генри недоверчиво глянул на друга.

— Конечно, я на твоей стороне, — быстро добавил Итан. — Тебе не нужен брак, чтобы стать членом нашей семьи. Ты и так очень важен для нас. — Он порозовел. — Для меня ты как брат, и неважно, кто там что говорит.

Генри был рад это слышать, хотя обычно они с Итаном друг с другом не нежничали. Он тоже считал Итана братом, несмотря на то, что впервые чувствовал границы братской любви. После той первой ночи в «Домино» он не заговаривал с Итаном о Флоре, хотя много раз бывал в клубе один. Он ждал, пока Итан уснет, а потом тайком выскальзывал из дома и брал машину друга.

Теперь, зная, что сюда едет эта незнакомая ему Хелен, Генри чувствовал, что под его жизнь кто-то подложил бомбу и запалил фитиль. Как только Хелен приедет и миссис Торн начнет реализовывать свой план, та жизнь, на которую он только начал надеяться — с поздними вечерами в джазовом клубе и головокружением от присутствия Флоры, — рассыплется в прах. Слова Итана это подтверждали.

— Подумай, Генри, — настаивал Итан. — Если ты когда-нибудь на ней женишься... Не сейчас, и я тебя не принуждаю, сначала ты должен узнать ее получше и понять, подходит ли она тебе. Может, мы оба так и останемся холостяками. Но если ты женишься на ней, ты точно станешь членом нашей семьи. Отец, возможно, даже включит тебя в завещание или отпишет долю акций газеты. И ты всегда будешь рядом со мной. Одним махом можно решить столько вопросов...

— Слушай, я тебя понял, — сказал Генри громче, чем намеревался. — У меня дел полно, так что прошу меня извинить.

Он не стал смотреть на обиженного Итана, единственный раз не желая нести ответственность за то, что его расстроил.

— Завтра в Гувервилль, да? — окликнул его Итан. — Разберемся, что там к чему.

— Да. — Генри даже не стал оборачиваться. Когда это он подводил Итана?

***

Остаток дня Генри провел в гараже. Он начал играть «Вариации “Загадка”», но на второй же части пьесы потерял к ним интерес и рассеянно заиграл музыку Флоры, в конце концов отложив смычок, чтобы сосредоточиться на джазовых щипках и длине нот для создания совершенно нового ритма. Он представлял, как Флора поет под аккомпанемент его контрабаса, мечтая, чтобы она оказалась рядом и они смогли поговорить без опасности слов.

Это совсем не походило на исполнение классической музыки, где каждая нота расписана, каждое движение смычка predetermined, каждая фраза ожидает одинакового исполнения. Джаз скорее походил на жизнь: непредсказуемый, неповторимый, порой невыносимый, но зачастую чарующий.

Работая над мелодией, которая крутилась в голове с детства, Генри играл, пока не взошла луна и не заболели пальцы. Он играл мелодию раз за разом, а потом подбирал к ней подходящие слова о море, жаждущем луны. Песня казалась ему очень и очень старой. Он играл ее снова и снова, отложив контрабас, только когда миссис Торн вошла и спросила, сделал ли он домашнюю работу.

— Почти, — ответил Генри. Ложь, но ему было плевать.

— Чудесно, — похвалила она. — Ты всегда был таким хорошим мальчиком, послушным и ответственным.

Генри сглотнул и последовал за ней в прохладную ночь к теплому освещенному особняку.

Глава 13

Вторник, 4 мая 1937 года

На следующий день после бейсбольной тренировки Генри и Итан поехали в Гувервилль на поиски материала для статьи.

— Отец был прав — лагерь огромный. — Итан заглушил мотор и вышел из машины. Приложив ладонь козырьком ко лбу, он окинул взглядом три с половиной гектара высохшей земли и нищеты. Воняло потом, мусором и горящим деревом. По железной дороге неподалеку прогрехотал поезд, изрыгая черный дым.

— Представляешь, каково пытаться заснуть в таком шуме? — спросил Генри.

— Уверен, они привыкли. — Итан сунул руку в сумку, достал чистый блокнот и карандаш и вручил Генри. Они шагали мимо хлипких деревянных домиков, мангалов и глазеющих на них людей. — Как думаешь, кто из них Джеймс Бут?

— Без понятия. — Кто-то вдалеке брэнчал на расстроенной гитаре. Несколько мужчин играли в кости в пыли, время от времени снимая шляпы и утирая пот со лбов. Люди бросали свои занятия, чтобы посмотреть на Генри и Итана в их чистых, ладно скроенных костюмах. То и дело сквозь хруст гравия под ногами слышался свист. Вскоре Генри догадался, что таким образом кого-то предупреждали о визите чужаков.

— Добро пожаловать, новоприбывшие! — раздалось громкое приветствие. Генри и Итан развернулись.

К ним шагал светловолосый мужчина на вид не старше двадцати. На ходу он раскинул руки, словно распятый на кресте Иисус. Несмотря на молодость, было в нем нечто властное, неумолимо притягивающее взгляд. Голос его завораживал, хотя костюм видал лучшие времена. Генри смущенно посмотрел на ботинки незнакомца и заметил их странную чистоту.

— Я Джеймс Бут, — представился мужчина. — Мэр Гувервилля. Добро пожаловать в наше поселение, хотя по вашему виду понятно, что вы к нам не жильё искать пожаловали.

Джеймс Бут взял Итана за обе руки и энергично их пожал. Итан изменился в лице, а Генри почувствовал, что от головы к кончикам пальцев как будто устремились пузырьки.

— У вас есть имя? — поинтересовался мистер Бут.

— Итан, — запинаясь, выговорил Итан. — Итан Торн.

— А у вашего друга?

Чувствуя, что мистер Бут смотрит на него оценивающе, Генри выпрямился, когда Итан его представлял. Мистер Бут не предложил ему руку для пожатия, и под его пристальным взглядом Генри чувствовал себя бабочкой под лупой энтомолога.

— Мы из «Инкуайрера», — пояснил Итан. — Хотим написать статью о Гувервилле, если, конечно, вы не против, сэр.

— Я всеми руками за, — кивнул мистер Бут. — Но вы должны называть меня Джеймсом. Я настаиваю.

Генри огляделся, гадая, одному ли ему неуютно. Оставив гостей с мэром, жители Гувервилля вернулись к своим делам: подбрасывали дров в костры, играли в кости, чинили картонками подошвы ботинок.

— Мы с вами уединимся, — решил Джеймс, кладя усыпанную веснушками руку на плечо Итана. — А ваш друг пусть прогуляется, осмотрится здесь. У вас ведь так заведено?

Генри ожидал, что Итан возразит. Вряд ли получится достойно записать интервью, которого он не слышал. Но Итан кивнул и пошел с мистером Бутом в один из самых больших домов, что Генри видел в лагере. Дом был построен из ровных досок, крышу его покрывали рифленые металлические листы, а спереди даже имелось крыльцо.

Генри попытался успокоиться, когда Итан скрылся внутри. Ему уже приходилось делать вместе с другом репортажи, пусть и не такие важные или, как он сейчас понял, опасные. А вдруг мистер Торн прав и этот Джеймс Бут — бандит? До сегодняшнего дня самой опасной их вылазкой был парад масонов, где напуганная лама плюнула в Итана.

Совершенно растерявшись, Генри медленно повернулся и увидел, что к нему подошел мужчина лет сорока пяти в побитом молью костюме и низко надвинутой на лоб старой шляпе. Казалось, что его одежда не расползается только благодаря слою грязи.

— В этой вашей газете есть какие-нибудь места? — спросил мужчина, приподняв шляпу.

— Не знаю, — ответил Генри. — Я просто...

— Цифры, — перебил его собеседник. — Думайте, о чем пишете. Все, о чем писали раньше — чушь собачья. Мы хотим работы, а не благотворительности. — Замолчав, он отвел взгляд. — Мы не преступники. Ну, большинство точно нет. Я Уилл Барт.

Мужчина протянул руку, и Генри ее пожал, чувствуя, что на них смотрят все. Лагерь напоминал плавильный котел. Люди съезжались сюда со всего мира и со всех концов страны в поисках лучшей доли, но оказывались в Гувервилле, не имея ни другого места, куда пойти, ни семьи, ни Итана Торна в лучших друзьях.

— Мальчик из газеты, — сообщил всем Уилл. — Расскажет нашу историю. Может, тогда работодатели надумают нанять таких, как мы.

— Держи карман шире, — бросил работяга с ирландским акцентом.

— Да ладно тебе, Роуэн, — не сдался Уилл.

— Откель тебе знать, что он не легавый? — Роуэн прислонился к хлипкой стене хибары. — Вынюхивает тут, чтобы лагерь снесли к чертям собачьим.

— Он не легавый, — возразил Уилл. — Он просто ребенок. — Он внимательно посмотрел на Генри. — Верно я говорю?

Генри было не по себе: он помнил, чего хотел мистер Торн.

— Я не из полиции, — кивнул он. — Вот. — Он вынул из кармана бумажник, в котором лежали два доллара, оставшиеся после вчерашнего вечера в «Домино». Роуэн оглядел купюры и сунул в карман комбинезона.

Уилл покачал головой.

— Идем, Генри. Смотри под ноги: земля неровная, да и не все пользуются уборной.

По дороге в лабиринте домишек, выстроенном на изъеденной рытвинами бесплодной серой земле, Уилл поведал Генри свою историю. Он вырос в долине Скагит, где его семья владела тюльпановой фермой. Сражался во второй пехотной дивизии на войне и потерял свою ферму через пару лет после начала Депрессии. В поисках работы приехал в Сиэтл и очутился в Гувервилле.

Они остановились.

— В каждом из таких домиков по одному или по два жильца. Смелее, загляни, никто не будет против.

Генри заглянул в маленькую грязную хижину с крышей из просмоленной бумаги. Окон в ней не было, и по ночам внутри, вероятно, было темно как в пещере.

— Кровать вон там, — сказал Уилл, указывая на тюфяк, застеленный старой мешковиной и газетами. — А там стол и стулья. — Видимо, он имел в виду два перевернутых ящика из-под яблок. — Дом можно купить примерно за двенадцать долларов, а то и за четыре, если продавец пьян. — Уилл мрачно усмехнулся. — Никаких женщин и детей. Раньше было можно, но больше нет, хотя время от времени они появляются. Как-то раз нашел мальчика в ящике, но отвел его в сиротский приют. Он бы здесь и пары недель не продержался рядом с некоторыми типами, которые у нас тут обитают.

Они подошли к центру бывшего пустыря, где теперь стояло самое большое здание Гувервилля.

— Это церковь, — пояснил Уилл. Ее строили из лучших материалов и с явным усердием. Спереди имелось крыльцо с широкими перилами. Крыша сходилась треугольником, в котором над декоративной решеткой прибили крест. — Но бог сюда редко заходит, хотя наш новый мэ́р — точно дар божий, если можно так сказать.

Мужчины неподалеку спорили. Когда стало понятно, что спор рискует перерасти в драку, Уилл поднял руку и попросил минутку подождать, а сам зашагал к спорщикам, которые уже начали махать кулаками. Генри последовал за ним, намереваясь шмыгнуть обратно к церкви, как только поймет, из-за чего сыр-бор. Выглянув из-за грубо сколоченного домика, он увидел, что Уилл разнимает двух раскрасневшихся драчунов. В воздухе разливался резкий запах спирта. Поодаль стояло хитроумное устройство с трубками и баками: самогонный аппарат.

Генри вернулся к церкви и быстро записал, что видел и где. Если ему удастся доказать, что эти люди не платят налоги — а они их совершенно точно не платят, — у Итана будет нужный материал, хотя Генри молился, чтобы друг не захотел об этом писать.

Уилл вернулся и, заметив потрясенный вид Генри, объяснил:

— Сорок пять литров в день можно обменять на кучу хлеба и мяса. Полевые кухни? Там кормят только ужином, и то не шибко сытным. Без самогона все бы голодали. — Немного помолчав, он добавил: — Было бы лучше, если бы они меньше пили и больше продавали. Но я бы посмотрел на человека, который жил бы здесь и не хотел хоть иногда забыться, уйти от реальности. Мы хотим возможностей, а не благотворительности. Ты ведь не станешь об этом писать?

Генри задумался, вспоминая алкоголь, льющийся рекой в «Домино», а также бокалы вина и стаканы скотча в доме Итана. Чем отличается этот алкоголь, если не брать во внимание налоги?

Прежде чем он успел определиться с мнением, вернулись Итан и Джеймс.

— Рад видеть, что ты показал нашему гостю церковь, — похвалил Уилла Джеймс. — В Гувервилле мы любим время от времени обращаться к богу. — Он повернулся к Итану и протянул ему руку. — Увидимся на следующей неделе?

Генри ожидал, что Итан откажет. Они собрали все нужные сведения, а Итан не из тех, кто вернется в подобное место без крайней необходимости. Но Итан сунул блокнот в карман рубашки и кивнул:

— Да, до следующей недели. — Его голос прозвучал беспечно, но Генри хорошо знал своего друга и понял, что Итан взволнован.

В машине Итан не дал Генри рассказать, что тот видел, а сразу перешел к делу:

— Мы не станем писать про выпивку. Джеймс мне все об этом рассказал. Меня интересует кое-что другое. Сложно объяснить. И сделай одолжение, — добавил он, искоса глядя на Генри, — не говори отцу.

Генри посмотрел на друга: любопытно, с чего это Итан так возбудился. Генри никогда не видел в его глазах такого блеска. Но он не стал задавать вопросов, поскольку с души как камень свалился.

— Ни словом не обмолвлюсь.

Глава 14

Среда, 5 мая 1937 года

Генри и Итан вернулись с неудачного бейсбольного матча и увидели Аннабель, которая рыдала, лежа ничком у одной из колонн, поддерживающих навес над воротами. Будь это кто-то другой, Генри бы заподозрил, что в семье трагедия. Но Аннабель, скорее всего, просто ударилась.

— Что стряслось на этот раз, Белль? — спросил Итан.

— Мама! Мама стряслась! — Малышка перекатилась на спину и, всхлипывая, прикрыла лоб рукой.

— Не кричи это так громко, — усмехнулся Итан.

— А ты не смейся надо мной!

— Итан прав. — Генри подавил смешок. — Она может заставить тебя есть брюссельскую капусту или еще что похуже.

— Она не хочет учить меня кататься на велосипеде! — пожаловалась Аннабель. — Говорит, что это занятие не для леди.

— Она просто сама не умеет, — сказал Итан. — Но я тебя научу. В выходные.

— Я хочу сейчас! — воскликнула малышка, села и отряхнула платье.

— Прости, детка, но завтра в школу, и мы устали после игры, — отказался Итан.

— Я тебя научу, Белль, — предложил Генри.

— Правда? — Аннабель встала, вытерла нос и запрыгнула Генри на руки. Он поймал ее и притворился, что чуть не упал, но на самом деле девочка была легкой как пушинка.

Итан пожал плечами:

— Ты ее балуешь. Но мне плевать.

— Утрись, — сказал Генри, протягивая малышке платок. — Возьмем старый велосипед Итана и пойдем в парк. — Ему хотелось слегка развеяться перед тем, как садиться за математику.

В парке Генри помог Аннабель спустить велосипед со ступенек, ведущих к дорожкам, на ходу объясняя, как крутить педали и как центробежная сила помогает держать равновесие во время езды по дорожкам вокруг прудов, напомнивших ему о дне встречи с Чарльзом Линдбергом. Тогда ему было примерно столько лет, сколько сейчас Аннабель. Странно. Он годами не вспоминал о том дне.

— Я не дурочка, — фыркнула Аннабель, — и знаю, как ездить. Тысячу раз видела вас с Итаном на велосипедах. Ты просто подтолкни меня.

— Договорились. — Генри помог ей взобраться на велосипед. — Готова?

— Готова.

— Хорошо, на счет три.

— Только не отпускай.

— Ты же сказала, что знаешь, как ездить.

— Конечно, знаю. Просто не хочу, чтобы ты отстал.

— Один, — начал Генри.

— И не беги сильно быстро.

— Два.

— И не отпускай!

— Три! — Генри потрусил рядом с велосипедом, крепко держась за сидение. — Крути педали, Аннабель! — Он представил, как она падает в пруд и запутывается в кувшинках.

— Я кручу!

— Ты просто шевелишь ногами, я же вижу. Работай мышцами!

— Вот так лучше?

— Прекрасно. — Генри ускорился, чтобы не отставать.

— Думаю, у меня талант, — хихикнула Аннабель.

— Безусловно. Давай, крути. — Генри хотел, чтобы малышка прокатилась по ровной дорожке от одного пруда до другого.

Когда Аннабель поднажала на педали, где-то рядом чирикнул воробей. Генри поднял глаза и увидел девушку в зеленом пальто, белых перчатках и черной шляпке. Это была Флора, и она спускалась по ступенькам чуть впереди. Ну конечно, это она. Генри показалось, что он призвал ее сюда силой мысли. Закрывая глаза, он видел только ее и знал, что рано или поздно откроет их и увидит ее по-настоящему, подальше от клуба и от Итана, где они смогут быть просто двумя людьми, стоящими под одним небом.

— Аннабель, давай поучимся останавливаться, — сказал он, пытаясь замаскировать волнение.

— Не хочу.

— Аннабель, — предупредил он, — придется.

Он потянул сидение на себя, но упрямец сильнее нажала на педали и вырвалась. Генри погнался за ней, но не успел остановить: Аннабель упала прямо перед Флорой и разразилась слезами.

— Генри, ты меня отпустил! Отпустил!

Генри присел рядом и положил руку ей на плечо. Поднял глаза на Флору и вспомнил давно забытый эпизод в парке. Он едва не сбил девочку. Ему показалось, что та девочка была

очень похожа на Флору, да и звали их одинаково. Совпадение казалось одновременно невозможным и неизбежным. Помнит ли она тот день? Неужели та девочка — это она? Генри не осмеливался спросить. А тут еще Аннабель рыдает белугой. Ей точно прямая дорога на радио, станет там звездой. Происходящее все больше напоминало катастрофу.

— Прости, — повинулся он, вытирая Аннабель слезы.

— У малышки хороший голос. — Флора выглядела еще красивее, чем на сцене, и уж точно менее серьезной, когда присела, чтобы утешить ребенка. — Ты знаешь какие-нибудь песни?

— Много, — икая, выдавила Аннабель.

— И какие же? Споешь мне?

— Нет, — отказалась девочка. — Леди не поют на публике. Так мама говорит.

Флора засмеялась:

— Уверена, некоторые леди это делают.

— Генри иногда поет, потому что он не леди.

Флора снова усмехнулась.

— Похоже, тебе надо помочь вытереть всю эту сырость с лица. — Она открыла сумочку и вытащила платок с вышитой монограммой.

— Флора, — прочитала Аннабель. — Генри во сне бормочет о какой-то Флоре, хотя и должен жениться на Хулиганке Хелен.

— Аннабель! — возмутился Генри. — Это неправда! — Он тут же задумался, каковы шансы на то, чтобы провалиться сквозь землю.

— Нет, правда! — не согласилась малышка. — Я слышала вчера, когда встала попить водички. А мама говорит, что вы с Хелен прекрасно друг другу подходите, и я не должна называть ее хулиганкой.

— Уверена, он не делает ничего подобного. — Флора выглядела так, словно мечтала перенестись из парка за тридевять земель.

Генри встал и отряхнул слаксы. Встреча выдалась неудачной, и ему хотелось поскорее сбежать. Может быть, прыскачет единорог, чтобы унести его галопом в закат?

— Безумно рад новой встрече с тобой. Ну, то есть, не тому, что мы тебя чуть не сбили. Просто рад тебя видеть. Надеюсь, статья тебе понравилась.

— Ты горничная? — спросила Аннабель.

— Аннабель! — Генри сгорал от стыда, мечтая стать невидимкой, перенестись назад во времени или просто залезть в большую коробку.

— Нет, я не горничная, — ответила Флора. — Я пилот. И да, статья мне понравилась. Итан верно изложил почти все факты.

— Ты похожа на нашу горничную.

— А еще Флора поет, — выпалил Генри, гадая, какие факты переврал. К стыду своему, он чувствовал облегчение, что вину за ошибки Флора возлагала на Итана. — И прекрасно поет. А твоя мама неправа, когда говорит, что леди не поют на сцене и не ездят на велосипедах. — Да уж, не так он представлял свое признание Флоре в том, что он преклоняется перед ее голосом. О боже.

— И ты, и наша горничная цветные, — гнула свое Аннабель. — Мама говорит, что из цветных получаются самые лучшие горничные. Наша иногда поет, хотя знает только псалмы.

— Какая интересная история, — сказала Флора, которая выглядела столь же сконфуженной, как и Генри. Он понадеялся, что Аннабель больше нечем их смутить.

Ах, если бы.

— Можно я оставлю его себе? — спросила малышка, поднимая платок.

Флора улыбнулась:

— Да, бери.

— Обещаю, я поделюсь им с Генри.

— Уверена, он будет рад. — Она поправила шляпку, подтянула перчатки и с облегчением улыбнулась, хотя в ее глазах плясали непонятные искорки. — А теперь мне пора. Была рада встретиться.

Она свернула к кладбищу, и Генри крикнул ей вслед:

— Флора! Я... — Что он хотел сказать? Что тоже рад встрече? Он это уже говорил, да и прозвучит фальшиво. Он откинул волосы со лба: — У-увидимся. Надеюсь.

Она оглянулась через плечо и помахала ему рукой. Ему хотелось сказать что-то еще, добавить определенности. Или сделать комплимент, чтобы спасти остатки достоинства. Но слова не шли на ум. Хотя их с Флорой разделяло всего несколько метров, казалось, что смущение растянуло это небольшое расстояние на многие мили.

Флора отвернулась и поспешила своей дорогой.

Глава 15

С танцевальной площадки «Домино» ведущие к сцене белые ступени выглядели внушительно. Они казались высеченными из того же мрамора, из которого вырезали скульптуры ангелов для церквей и кладбищ, и он веками выдерживал дожди и грозы. Сверху же все воспринималось намного прозаичнее: доски, выкрашенные глянцевой белой краской, которая отражала свет свечей, такие хлипкие, что вибрировали от музыки. Флоре приходилось ступать с осторожностью, чтобы доска не провалилась. Слишком многое в жизни совсем не то, чем кажется. Чудо, что она еще чему-то доверяла.

Но, спускаясь по ступенькам, Флора верила в себя. Она чувствовала внимание зала, чувствовала, как ее поддерживает верный ритм контрабаса Грэди. Этой надежности ей хватало. Флора взялась за микрофон сначала одной рукой, потом двумя, словно лаская чье-то лицо. Только думала она в ту минуту не о Грэди.

Она взяла первую ноту, остро ощущая, что Генри впервые за много недель нет в зале и, вероятно, он не пришел из-за их встречи в парке. Ужасный конфуз, пусть он и помог разорвать сковывающие их странные чары. Его отсутствие расстроило Флору сильнее, чем она могла бы предположить, и разочарование проникло в ее голос, но она не возражала. Между разочарованием и тоской невелика разница.

Она закрыла глаза и продолжила петь, сосредоточившись на нотах. Отрешенность от полного зала помогла, и к концу песни Флора почувствовала себя более собранной. Она открыла глаза и увидела, что Генри, как обычно, сидит за столиком напротив сцены. От удивления она сбилась и на четверть опоздала с первой строчкой куплета. Пришлось поспешить, чтобы вернуться в ритм. Музыканты помогли прикрыть оплошность, но Грэди покачал головой, жалостливо глядя на Флору.

Раздражение переросло в ярость, и эмоции явно окрасили песню. Флора

забеспокоилась, что музыка выйдет из-под контроля, и это еще больше вывело ее из себя, но тут она с удивлением заметила, как ведут себя слушатели. Люди наклонялись вперед. Отставляли стаканы с коктейлями. Некоторые замирали, не донеся вилки до рта. Воодушевленная, Флора сосредоточилась на пении, вкладывая душу в каждую ноту. Ее смещение словно выползло из глубин сознания и заполняло комнату. Музыканты — особенно Грэди — подхватили настроение вокалистки, превращая жар в звук.

Она старалась не смотреть на Генри, пока ее не осенило: это ведь еще один способ придать силы ему и тому, что их связывало, что бы это ни было. Флора вспомнила, как боялась соприкосновения с землей и таящейся в нем опасности, когда только начала летать. Капитан Жирар научил ее, что единственный способ побороть этот страх — помнить, что управляешь самолетом ты, и он сделает то, что ты скажешь. Ничего страшного не случится. Вот так просто.

Флора повернулась к Генри и запела, жалея, что вообще его заметила, но эту ошибку легко можно забыть. Переживания — это всего лишь топливо, которое нужно сжечь, и она его сожжет.

К концу песни ее спина взмокла от пота. Последняя высокая нота воспарила вверх и камнем рухнула вниз, отскакивая от твердых поверхностей в зале и проникая в мягкие. Толпа взорвалась аплодисментами. На душе полегчало. «Я справилась! Все хорошо!»

Флора отвела взгляд от Генри и позволила себе улыбнуться, прежде чем исчезнуть за кулисами, не обратив внимания на недоуменный и обиженный вид Грэди.

Она смотрела Генри в лицо и по-прежнему владела собой, а значит, сумеет пережить происходящее, чем бы оно ни было.

Глава 16

Четверг, 6 мая 1937 года

Игра не шла из головы, пока Любовь шагал по улицам Сиэтла в облике Джеймса Бута, проходя мимо мужчин с запавшими глазами и картонными табличками о поиске работы. Время шло, миновала уже неделя, апрель сменился маем. День стал длиннее, земля покрылась молодой порослью, и в город наведальась Смерть. Она без предупреждения материализовалась в гувервилльской лачуге, где Любовь лежал на топчане и смотрел на небо сквозь трещины в потолке.

— Не понимаю, как ты вознамерился принести хоть какую-то любовь в эту грязь. — Она села на перевернутый ящик из-под персиков. Свеча на полу снизу подсвечивала ее лицо, и тени подчеркивали ее усталый вид, пусть голос и источал высокомерие. — Вот честно, ты облегчаешь мне задачу.

— Ты удивишься. — Любовь нашел бутылку вина и два стакана. Вино было хорошим, купленным во время короткого визита во Францию.

— Красное? — спросила Смерть.

— Я больше не стану предаваться суевериям. Не дам тебе этого преимущества.

Смерть отпила вина. Любовь поднес стакан к губам, но не пригубил.

— Что ты натворила в Испании... — Голос сорвался.

— Прекрати. — Смерть подняла руку, пресекая дальнейшие слова. — Ты не знаешь, через что я прохожу.

— Иногда... — Любовь помолчал, взвешивая слова перед тем, как бросить их ей в лицо. — Иногда мне кажется, что у тебя совсем нет сердца.

— Ты ничего не знаешь о моем сердце.

— Зачем ты пришла?

Смерть глотнула вина, как всегда пряча свои мысли. Любовь попытался прочесть их по ее лицу, но ничего не получилось.

— Сказать тебе, что еще не слишком поздно.

— Для чего? Для тех людей в Испании уже точно все кончено.

— Отдай мне ее сейчас, — предложила Смерть, — и я не заберу у твоего игрока больше никого.

— Отменить игру? Ты к этому ведешь? — Раньше она никогда так не поступала. Но опять же, она никогда не выглядела так плохо. Любовь даже подумывал спросить, как у нее дела, не может ли он чем-то помочь, но тут же упрекнул себя за такую глупость. Смерть волновалась, боялась его победы.

Любовь усмехнулся и допил свое вино. Смерть обернулась кошкой и шмыгнула в ночь. Свеча догорела. Любовь наполнил стакан и опустошил его в темноте. Он ошибся, высмеяв Смерть. Нужно быть осторожнее.

Глава 17

Никому не по душе, когда над ним смеются, а Смерти так особенно. На сей раз она не отправилась далеко, за океан, а всего лишь перенеслась на Восточное побережье, где требовалось провернуть два дела. Если Любовь не желает отменять игру, Смерть сделает ее сложнее. Намного сложнее.

Первой остановкой стал город Лейкхерст в штате Нью-Джерси, где Смерть задержалась на военном аэродроме, глядя в небо. В стильном черном костюме и красной шляпке она выглядела ухоженной и современной, хотя чувствовала себя так, будто набита пеплом конца света.

День выдался ветреным, в воздухе пахло пылью и озоном. Собирались тучи, собирались и люди. В семь вечера на горизонте показался серебристый дирижабль, отбрасывающий на землю густую черную тень. Аппарат походил на слепого кита и являлся самым большим в мире воздухоплавательным средством. Люди уже покорили сушу и море, а с «Гинденбургом»^[8] овладеют и небом.

Смерть поправила шляпку и нехотя растянула губы в улыбке. Из толпы на земле замахали дирижаблю, и капитан резко сменил курс, теперь летя к заходящему солнцу. Смерть видела, о чем он думает, так же явственно, как тень дирижабля. Капитан был на грани срыва. Улыбка Смерти превратилась в оскал.

Через четыре минуты он вновь предпринял попытку приземлиться. Смерть убрала перчатки в сумочку и шевельнула пальцами, меняя направление ветра. Люди вокруг не заметили ее трясущихся рук и выступившего на лбу под шляпкой пота.

Капитан, борясь с ветром, вновь повернул дирижабль, теперь в сторону, противоположную меркнувшему горизонту. Смерть воздела руки ладонями к небу. Чтобы выровнять накренившийся дирижабль, команда начала сбрасывать воду: сначала триста литров, затем еще триста, и наконец пятьсот с лишним. Вода обрушилась на землю, но никто в толпе не возмутился налетевшим туманом, смешавшимся с потом и пылью.

Какое-то время казалось, что это сработало. Воздушное судно выровнялось в последних лучах заходящего солнца. Экипаж сбросил с носа стометровые причальные канаты, а работники аэродрома должны были прикрепить их к лебедке и посадить «Гинденбург».

Первый канат закрепили, дирижабль качнулся, и сотрудники наземной службы поспешили ко второму канату. Затянутое грозовыми тучами небо продолжало темнеть. Затем наверху огромного воздушного корабля затрепетала пропитанная химическим раствором ткань, натянутая на алюминиевый каркас. Движение было настолько мимолетным, что могло бы показаться игрой света.

Однако это было не так. В последующие тридцать безумных секунд дирижабль оказался охвачен огнем, который сожрал ткань и превратил металлический скелет в кучу искореженных красных костей. Пристегнутый к земле, раненый «Гинденбург» корчился в агонии. Все вокруг кричали. Смерть наблюдала за жадным пламенем, узнав о котором, Любовь, без сомнения, снова расчувствуется.

Смерть собирала отлетающие души, словно цветы, украшая свой разум остаточным человеческим опытом, а пылающий огонь согревал ее своим теплом. Голодная, в дыму и пламени она искала капитана. Его душа ненадолго утолила бы ее голод теперь, когда ей требовалась вся доступная сила и утешение.

Она обошла корабль, высматривая капитана и волнуясь, не сгинул ли он в огне незамеченным. Разочарованная, она уже собралась уходить, но тут почувяла что-то за спиной. Остановилась и оглянулась через плечо, припорошенное еще теплым пеплом. А вот и он, с обгоревшим лицом, рвется на борт в тщетной попытке спасти еще несколько безнадежных душ.

Было бы чудесно поцеловать его лицо, почувствовать на губах жар и копоть, вдохнуть его навсегда искалеченную сущность. Смерть уже собиралась погнаться за капитаном, но тут первый помощник ее опередил, оттащив командира от потерпевшего крушение дирижабля. Капитан сопротивлялся, но в конце концов обессиленно рухнул на землю. Живой! Пусть исполосован шрамами как снаружи, так и внутри, но он мог жить, и Смерть ему позволила.

Она найдет его позже; честно говоря, будет даже лучше, если он как следует потомится в горько-сладком рассоле дожития.

А сейчас нужно торопиться, чтобы не опоздать на поезд.

Глава 18

Суббота, 8 мая 1937 года

Флора готовила завтрак, когда бабушка взмахнула утренней газетой.

— Боже всемогущий, — ахнула она. — Ты это видела?

Флора бросила взгляд на заголовок. «КРУШЕНИЕ “ГИНДЕНБУРГА”: 35 ЖЕРТВ»

— Можно? — Пока колбаса шкворчала на сковороде, Флора из-за бабушкиного плеча прочитала о катастрофе, случившейся два дня назад. Никто не знал, что послужило ее причиной, но некоторые комментаторы с радостью предполагали, что это сам бог препятствует людям, вторгающимся в его небесное царство. Флора в этом сомневалась. Иногда трагедии случаются сами по себе. Например, гибель ее родителей.

Однако при виде фотографии загоревшегося цеппелина к горлу подкатила тошнота. Флоре было несложно представить ужас людей, к которым подбирались языки пламени, а они сами висели в двадцати метрах над землей, удерживаемые в воздухе взрывоопасным газом.

— Я боюсь, что ты летаешь. — Бабушка взяла у Флоры тарелку. На календаре была суббота, и бабушка по традиции проводила утро в халате. Традиционным был и субботний завтрак: тост с корицей и жареная колбаса.

— Я ведь не на дирижабле летаю, — возразила Флора и откусила кусок колбасы. — Предпочитаю самолеты.

— Не говори с набитым ртом, — попеняла ей бабушка. — Самолеты, дирижабли... Все они одним миром мазаны, лезут в божье голубое небо.

Флора проглотила колбасу.

— Если бы Господь столь ревностно оберегал небеса, не было бы никаких птиц.

— Это он пустил туда птиц, — возразила бабушка. — А людям крыльев не дал. Вдруг авторы этой статьи правы? Вдруг Господь не хочет, чтобы ты этим занималась?

— Если он не хотел, чтобы я летала, — сказала Флора, беря чашку с кофе, — зачем наделил меня столь страстным желанием парить в небесах? — Она отхлебнула ароматного напитка, и кофе восхитительно обволокло горло, одновременно успокаивая и даря бодрость. Как здорово, что бабушка наконец-то разрешила его пить! — Я не умру в воздухе, бабушка, обещаю.

Бабушка отодвинулась от стола и вздернула подбородок, как всегда, когда ей перечили.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Ты не вправе давать такие обещания, Флора. Веди себя кротко, а то я помру от беспокойства.

— Прости меня, бабушка, — повинилась Флора. Протянула бабушке руку, и та взяла ее и трижды стиснула. «Я люблю тебя». Флора в ответ пожала бабушкину руку четыре раза. «А я тебя больше». — Я помою посуду, ты сиди. Положи ноги на стул.

Флора не напрасно тревожилась: бабушку с каждым днем все сильнее мучила одышка. И она постоянно растирала распухшие лодыжки. Бабушка никогда не жаловалась, но Флора понимала, что ее мучают боли в ногах.

— Помоем вместе, — настаивала бабушка. — Дружно не грузно, а врозь хоть брось.

— Сиди, бабушка. Пожалуйста, — попросила Флора. — Не могу спокойно есть, когда ты тут суетишься.

— Минуточку. — Бабушка открыла буфет и достала банку с надписью «САХАР». Вынула оттуда пачку мелких купюр, которые явно копила долгие годы. — Ты правда хочешь летать?

— Больше всего на свете.

— Тогда вот. Позволь тебе помочь. Знаю, этого не хватит, но я верю, что нужно следовать зову сердца.

— Нет-нет, — запротестовала Флора. — Бабушка, это твои деньги, они могут тебе

понадобиться.

Бабушка села, и Флора услышала, как натужно она дышит.

— Это для исполнения твоей мечты. Для того и живу. — Она положила деньги на стол. — И точка.

Было ясно, что спорить бесполезно, и Флора сдалась. Она примет деньги, чтобы порадовать бабушку, но тратить их не станет. Тайком положит обратно в банку. Как бы ей ни хотелось летать, от бабушки она ни цента не возьмет. Просто не сможет. Да и этих денег все равно не хватит. Мысль о том, сколько всего отделяет ее от мечты о кругосветном полете, лишала почвы под ногами. Сначала нужно накопить достаточную сумму, чтобы претендовать на приз Бендикса. Потом уговорить капитана Жирара одолжить ей самолет. Затем победить, и даже если получится взять кубок, выигранного будет недостаточно для покупки собственного самолета, что и говорить о необходимом топливе и плате штурману за кругосветку. От этих мыслей хотелось рвать на себе волосы. Флора съела немного тоста, хотя кусок уже не лез в горло, и проводила бабушку в уютную гостиную подальше от посуды.

— Принеси мое одеяло, ягненочек, я уже почти его доделала, — попросила бабушка.

Пока пожилая женщина шила, напевая себе под нос, Флора убрала в кухне. Моя посуда, она вспомнила день, о котором почти забыла: день, когда в город прибыл Чарльз Линдберг. И мальчика, который чуть не переехал ее на велосипеде. Отскребая сковороду, Флора задалась вопросом, каким он вырос. Было в нем что-то притягательное, в том мальчике, который проводил ее домой, хотя не был обязан, и с радостью съел бабушкин имбирный пряник. И он с такой охотой рассказал Флоре, каково было пожать руку знаменитому летчику, что она как будто сама ее пожала.

Хотя в ее воспоминаниях мальчик был маленьким, сейчас он уже почти взрослый мужчина. Флора попыталась представить, как он выглядит сейчас, и на ум пришел Генри. Несомненно, это потому, что он часто приходит в клуб ее послушать. Слегка рассердившись на себя за такие мысли, она переключилась на повседневные заботы: домашние хлопоты и кучу дел, с которыми надо разобраться до вечернего выхода на работу.

Флора вымылась и оделась, а на пути к двери бросила последний взгляд на огненный шар, ранее бывший самым крупным летательным аппаратом в мире, но тут же приказала себе выбросить его из головы. Да, трагедия, но всей стране сейчас нелегко. И самой Флоре вряд ли суждено погибнуть в подобной катастрофе. Незачем тратить нервы на беспокойство по этому поводу.

Глава 19

Четверг, 6 мая 1937 года

«Яблоко. Яблоко, которое подтачивает червь». Так думала о себе кузина Итана Хелен Стронг. Что-то с ней не так, какая-то червоточинка внутри. Она задавалась вопросом, как так вышло, что все остальные выросли чистыми и правильными? Как они посмели? Это подспудное возмущение и подталкивало ее грубить окружающим. Ей не хотелось так себя вести, но иначе она не могла.

А в последние пару недель дела шли из рук вон плохо. Хелен не жалела об инциденте на

балу дебютанток. Джарвис Бик заслужил удар коленом в пах после того, как сказал Хелен, что никто на ней не женится, ведь он видел, как она целует Майру Томпкинс в закутке гардероба. К тому же паршивец застал их, когда Хелен только начала получать удовольствие. (У Майры был чудесный ротик, словно спелая вишенка).

Хелен, вообще-то, и не хотелось выходить замуж, но как он посмел такое заявить? Теперь по его вине ее отправляют на запад, чтобы она там болталась, как конфета на ниточке, перед глупым кузеном Итаном. Короче, по множеству причин Хелен хотелось напиться вусмерть и опоздать на поезд. Она до последнего подождет в Зале для поцелуев под отелем Билтмор^[9] в здании Центрального вокзала, и будь что будет.

— Я лучше умру, чем туда поеду, — пробормотала она и подняла глаза. Перед ней стояла ее точная копия, одетая в такой же дорожный костюм в горошек. Незнакомка улыбалась, довольная встречей. Хелен отхлебнула виски из припрятанной в книге фляжки и зажмурилась, желая прогнать видение.

Ее двойник не исчез, как старая добрая галлюцинация. Девушка села рядом, сняла перчатки и взяла Хелен за руку. Из Хелен в незнакомку заструилось что-то непонятное, но тяжелое и ужасное, отчего та была рада избавиться.

— Иди за мной, — шепнула Другая Хелен.

Хелен с удовольствием последовала за ней, ощущая неземное блаженство. И что ее раньше волновало? Она не помнила. Они прошли под высоким бирюзовым потолком вокзала с его странной перевернутой вселенной^[10]. Одинокий шарик, наполненный гелием, приклеился к звездам. Девушки вышли на перрон, и бетон под ногами задрожал от лязга прибывающего поезда. Паровоз поднял прохладный ветерок, который взъерошил волосы девушек и шаловливо приподнял подола их юбок. Хелен приложила руку ко лбу и сделала неуверенный шаг. Другая Хелен обняла ее за талию.

— Это... — проямлила Хелен. — Я не... что?

В голове все перепуталось.

Они стояли на краю платформы. Девушка повернулась, чтобы посмотреть Хелен в глаза. Было очень странно видеть свою точную копию, но также это было чудесно, как будто наконец встретился человек, способный ее понять. Хелен протянула руку, чтобы коснуться двойника. Они еще несколько секунд постояли, держась за руки. Колени Хелен подогнулись, а глаза незнакомки побелели, но она не отвела взгляда. Хелен почувствовала, что жизнь ее покидает, и увидела, как образы из ее прошлого проплывают в глазах напротив.

А потом она осталась стоять на платформе, ничего не понимая, а незнакомка, смутно ей кого-то напоминающая, села в поезд.

Девушка — как ее зовут? — не могла вспомнить, как оказалась на вокзале и куда собиралась отправиться. Она не помнила ничего ни о своих планах на будущее, ни о печалях прошлого. Не помнила даже как выглядит.

Люди помогли ей, положили в палату с белыми стенами и зарешеченными окнами в тихой больнице. Они шептались, что такую хорошо одетую девушку наверняка станет разыскивать семья. Но за ней долго никто не приходил. Родные явились, только когда стало слишком поздно.

Вторник, 11 мая 1937 года

Когда пять дней спустя поезд с лязгом и шипением пара въехал на вокзал Кинг-стрит, Смерть не находила себе места. Она могла бы перенестись из Нью-Йорка в Сиэтл мгновенно, но не хотела встречаться с Любовью, будучи полной душ с «Гинденбурга» и воспоминаний Хелен. Она поехала на запад на поезде, как обычный человек, и всю дорогу попивала чай и ела черствые бутерброды, разглядывая толпу душ в облачении тел из плоти и крови. Смерть притворялась, что они не манят ее к себе, и заговаривала с людьми, только когда к ней обращались.

Ее самообладание пошатнуло и то, что вокзал Сиэтла был выстроен по образцу венецианской кампанилы, и это напомнило ей, что игра закончится там же, где началась. Вдобавок вокзал находился всего в нескольких кварталах от «Домино» и недалеко от особняка Торнов, где ей предстояло жить, и небольшого зеленого домика, куда она наведалась семнадцать лет назад. Все элементы их Игры собрались в горлышке песочных часов, и уже совсем скоро последние песчинки пересыплются в их нижнюю часть.

Смерть медленно сошла с поезда. Генри и Итан ждали на платформе, готовые приветствовать ее в своем доме.

— Кис-кис, — поманила их Смерть.

Итан обнял ее за плечи и неловко клюнул в щеку.

— А ты не очень-то рад меня видеть, кузен, — заметила она.

Огромный паровоз за спиной выпустил клуб пара, обжегшего их руки и лица.

— Я всегда рад видеть тебя, Хелен, — усмехнулся Итан. — Даже когда ты пинаешься, обзываешься, подсовываешь ночью пауков в постель. Общаться с тобой одно удовольствие. Поверить не могу, что в последний раз ты приезжала так давно.

— Тогда мы были детьми, — напомнила Смерть. Нынешнее имя многое для нее значило, и Любовь так и не простил ей ту тысячу кораблей. Откуда ей было знать, что война продлится десять лет и в ней погибнет полубог? — Сейчас мы выросли.

— У тебя так много багажа, — заметил Итан. — Надолго приехала?

— Как получится, — ответила Смерть. Посмотрела на Генри и послала ему обольстительную улыбку. — А кто твой друг?

Смерть радовалась, пожирая Генри глазами. В отличие от Итана он не был красив, как кинозвезда, но было что-то притягательное в щербинке между его передними зубами и непокорных вьющихся волосах. Ей нравились его скулы, квадратный подбородок и овал лица.

Она не спеша достала из сумочки пудреницу. Раскрыла ее и придирчиво рассмотрела свое отражение под разными углами. Нынешний облик стал уже привычным и полюбился. Смерть припудрила нос, нанесла на губы красную помаду, а потом взяла Генри под руку и собралась с духом. Она почти дома.

***

Из-за кризиса у Торнов из слуг остались только горничная и кухарка, поэтому Генри и Итан сами подняли багаж наверх в комнаты Хелен. Когда они закончили, Хелен и миссис Торн ждали их у подножия лестницы. Миссис Торн держала корзину со срезанными тюльпанами.

— Они божественны, — похвалила цветы Хелен. — Свежие-свежие. Как будто еще не поняли, что их срезали. — Она лукаво улыбнулась Генри. — Я мигом переоденусь.

— Итан, дорогой, — сказала миссис Торн, протягивая сыну корзину. — Подержи, пожалуйста, цветы, пока я составляю букеты. Хелен переодевается в костюм для игры в теннис. Сказала, что с удовольствием сыграет. Я подумала, что Генри...

Хелен поднималась по лестнице, а Итан сцепил руки за спиной в замок, как солдат, стоящий по стойке «вольно». Он не собирался выполнять просьбу матери.

— Ты знаешь, что скажет отец, если увидит, как я с тобой букеты составляю.

— О, — выдохнула миссис Торн, не в силах подобрать подходящих слов.

— Я помогу, — вызвался Генри и потянулся к корзине, но миссис Торн не сдавалась.

— Я лучше поиграю в теннис, — сказал Итан. — Даже с Хелен.

— Итан! — одернула его мать. — Как грубо.

— Я с радостью помогу. — Генри снова потянулся к корзине, и миссис Торн неохотно ее отдала. Хелен вышла на площадку второго этажа, на сей раз одетая в белую юбку и блузку без рукавов.

— Ну что, кто со мной сыграет? — крикнула она. — Готова убить за поток свежего воздуха. — Она многозначительно посмотрела на Генри.

Тот пожал плечами и поднял повыше корзину с тюльпанами.

— Боюсь, у меня обе руки заняты.

— Я тут подумала, что сама прекрасно справлюсь с букетами, — заторопилась миссис Торн. Взяла тяжелую стеклянную вазу и кивнула в сторону корзины. — Просто поставь ее на стол, Генри.

— Я с тобой сыграю, — сказал кузине Итан. — Подожди минутку.

— И ты иди, Генри, — увещевала миссис Торн. — Я настаиваю.

— Только когда здесь закончим, — ответил Генри. По правде говоря, в присутствии Хелен ему было неуютно. Он не знал, хорошо это или плохо. Но не намеревался проводить в ее обществе больше времени, чем должен.

— Вы когда-нибудь задумывались, — начала Хелен, спускаясь по лестнице, — чувствуют ли цветы боль, когда их срезают? — Она взяла из корзины тюльпан. — Похоже ли, что он страдал?

— О Хелен, — отозвалась миссис Торн, — какое любопытное замечание. Уверена, Генри ни о чем подобном никогда не думал.

Так и было. Но Генри сразу понял, что больше никогда не сможет посмотреть на цветок, не задавшись вопросом, страдал ли он и думал ли кто-либо о его чувствах.

Минуту спустя Итан слетел по лестнице с двумя ракетками и новой коробкой теннисных мячей марки «слезингер».

— А «данлопов» у тебя нет? — спросила Хелен. Итан ответил ей раздраженным взглядом. — Ой, да ладно, я просто тебя дразню. Поиграем и этой рухлядью.

— Придется играть вдвоем, Генри занят, — предупредил Итан.

Хелен взяла у Итана ракетку, хлопнула ею по плечу и подмигнула Генри.

— Разве она не очаровательна? — поинтересовалась миссис Торн, когда Хелен и Итан вышли. — Очаровательная и умная. — Она начала по одному ставить тюльпаны в вазу. — Вся эта канитель с... ну... она из хорошей семьи, вот что важно. Там, на востоке, они немного... — Она потянула носом и каким-то образом увеличила расстояние между ним и губами, став похожей на обиженную лошадь.

Даже по этим незаконченным фразам Генри понял, что она имеет в виду. И осознав эту перспективу, почувствовал, что его собираются отрезать от чего-то жизненно важного. Он посмотрел на тюльпаны.

— Я рассказывала тебе о школе, которую посещала Хелен? — спросила миссис Торн, ведя Генри в кабинет мистера Торна, и вытерла уже сухие руки о белый фартук.

— Да, — кивнул Генри. Дважды. — Похоже, порядки там были суровые.

— И оценки у нее были высокие. — Миссис Торн склонила голову набок, придирчиво изучая результат своего труда. Подвинула один цветок влево и переставила вазу на угол стола.

Генри кивнул, наблюдая, как цветок медленно возвращается в исходное положение. «Оценки высокие, но их ставили за время, проведенное в кабинете директрисы, где ее обвиняли в возмутительных проступках, не имея доказательств». Он слышал, как родители Итана об этом шептались.

Довольная получившимся букетом, миссис Торн сняла с полки старую фотографию племянницы. Вытянула руку и оценивающе посмотрела на лицо Хелен на снимке и лицо Генри перед собой.

— Что ж, — сказала миссис Торн, ставя рамку с фотографией на место, — думаю, мы закончили. Можешь передать Итану, что ему пора садиться за уроки? — Она разгладила фартук, взяла пустую корзину и с довольной улыбкой вышла из комнаты.

— Конечно.

Генри подошел к окну, выходящему на запад. Косые лучи клонящегося к закату солнца лились сквозь листву на траву, из-за чего свет казался золотисто-зеленым. Хелен отбила подачу, не выпуская изо рта сигареты. Итан ловко послал мяч через сетку, и Хелен кинула в него ракеткой. Ракетка и мяч вернулись на половину Итана. Тот раздраженно поднял и то, и другое, а хохочущая Хелен упала на траву, перехватив сигарету левой рукой. Итан кинул в нее мячом. Хелен поймала его правой рукой и зашвырнула в живую изгородь.

— Эй! — завопил Итан. — Этот мяч считай что новый!

Он потрусил за мячом. Хелен увидела, что Генри наблюдает за ними из окна. Он отступил в тень, но сразу понял, что выставил себя дураком. Когда он выглянул снова, Хелен послала ему воздушный поцелуй, держа в пальцах окурок. Он набрался смелости помахать в ответ, но Хелен уже переключилась на Итана, который вылез из-за кустов и явно готовился отомстить.

Генри вышел на улицу, чтобы позвать друга. Хелен тоже вернулась в дом. Генри задумался, привыкнет ли он когда-нибудь к ее руке на своем локте — холодной и твердой, даже через ткань пиджака. Он не думал, что ощущение будет таким, и если быть до конца честным с собой, его мало волновали духи Хелен и их запах пополам с табаком. Но, возможно, к этой девушке ему нужно привыкнуть. Может быть, понять это и значит стать взрослым.

***

За ужином Генри сидел напротив Хелен, которая заняла почетное место справа от миссис Торн.

— Должно быть, после такого долгого путешествия ты с голоду умираешь, дорогая, — обратилась хозяйка дома к Хелен, которая к ужину переделалась в черно-белое платье в полоску и приколола к груди эмалевую брошь в форме алой розы.

— Признаюсь, я действительно проголодалась, — кивнула Хелен и отпила красного

вина из бокала. — Хотя в пути кормили достаточно хорошо. — Она подняла вилку и занесла ее над тарелкой.

— Это ягненок с карри, — пояснила миссис Торн. — И вальдорфский салат. А на десерт — шоколадный торт.

Аннабель указала на баранину:

— Я не хочу... вот это желтое. Можно мне просто хлеба с маслом?

— Это тюремный паек, Аннабель, — одернул дочь мистер Торн. — Ты съешь то, что подала твоя мать, и тебе все понравится. Даже если оно... о, неважно. Не понимаю, почему ты не попросила Глэдис запечь окорок. Все любят окорок.

— Полагаю, это жутко модно, — ввернула Хелен. — Ну, за исключением салата. Его в Нью-Йорке подают давным-давно. Но ягненок с карри! Ничего себе!

Генри восхитился: все, что Хелен приносила при старших Торнах, было безукоризненно вежливым. Но что-то в ее манере говорить, манере держаться — может быть, ее медленная улыбка — отталкивало. Даже казалось опасным, как бы глупо это ни звучало.

— На вид похоже на кошачий корм, — заметил Итан.

— Итан! — несмотря на упрек, мистер Торн подавил смешок.

— Что ж, тогда я, наверное, отчасти кошка, — улыбнулась Хелен. — Мне ягненок кажется божественным. — Она положила кусочек в рот и принялась жевать, блаженно прикрыв глаза.

Миссис Торн казалась польщенной тем, что у нее появилась союзница.

— Генри, — произнесла она, — ты ничего не хочешь сказать Хелен? Или спросить о ее путешествии?

— Я лучше поговорю об окороке, — ввернул Итан. — Хелен, а окорок тоже в моде?

— Или о хлебе. — Аннабель соскользнула со стула так, что над краем стола виднелись только глаза. — Я обожаю ржаной. Он жутко божественный.

Генри пытался придумать, о чем спросить Хелен, чтобы не касаться темы еды. Он почувствовал, что Хелен на него смотрит, поднял глаза, но тут же смущенно потупился. Она засмеялась и допила свое вино. Теперь ее губы и зубы потемнели.

— Какая погода была в пути? — Лучшее, что он смог сочинить.

— В поезде? — Хелен промокнула губы салфеткой. — Думаю, никакой грозы. Хотя когда я уезжала с Восточного побережья, погода была отвратительная. Гром, молнии, я до чертиков трусила.

— Гроза, — кивнул мистер Торн. — Из-за нее и «Гинденбург» потерпел крушение. Если бы они шли на посадку здесь, где подобные бури редки, трагедии бы, скорее всего, не случилось. Но нет, они начали в Германии, потом Рио, и наконец Нью-Джерси. Нью-Джерси! — Он произнес это так, словно Нью-Джерси — приходящая преисподней.

Все на минуту замолчали, и в столовой раздавался только стук вилок по фарфору. Генри посмотрел в окно на сумеречное небо и почувствовал, как тянет в груди, словно кто-то издали зовет его по имени.

— Мама, — нарушил тишину Итан. Он прижал руку к груди и побледнел. — Мне что-то нехорошо.

— Что такое, Итан? — забеспокоилась миссис Торн.

Он взял стакан с водой и пил, пока не закашлялся.

— Наверное, нужно выйти подышать. Может быть, даже проехаться. — Он и вправду

выглядел больным.

— Можно мне с тобой? — спросила Хелен.

Миссис Торн встревожилась:

— Итан, если тебе нездоровится, лучше сразу лечь в постель.

— Хорошо, мама, — кивнул Итан. Положил салфетку на стол, отодвинул стул и ушел.

— А ты, Генри? — спросила Хелен. — Прокатишься со мной?

— Отличная идея, — просияла миссис Торн.

Генри испугался: из-за этого он может не попасть в «Домино».

— Можете взять мою машину, — разрешил мистер Торн. — В качестве дополнительного десерта.

— Но только после торта, — сказала миссис Торн. — Его пекли специально для Хелен.

— Чудесно, — улыбнулась Хелен.

— Это рецепт твоей бабушки, дорогая, — объяснила ей миссис Торн. — Упокой Господь ее душу.

— Да, — кивнула Хелен. — Упокой Господь ее душу.

***

Генри вел автомобиль мистера Торна по Фэрвью-авеню в центр города.

— Нервничаешь? — поинтересовалась Хелен. — Ты какой-то дерганый.

— Нервничаю? Нет. Просто думаю об уроках, наверное. — Генри ни о чем подобном не думал, но чем меньше Хелен знает, тем лучше. Он решил не показывать ей свои любимые места, а отвезти ее к холму Королевы Анны, где они смогут подняться наверх на фуникулере и полюбоваться видом на городские огни и океан.

Хелен тихо рассмеялась, но Генри чувствовал, что она за ним наблюдает. Они оставили машину у подножия холма, и Генри повел Хелен к кабинке, легко — вежливо — придерживая за локоть.

— Не понимаю, как работает фуникулер, — сказала Хелен, кладя руку в перчатке на ладонь Генри.

— Система противовесов. — Генри воспользовался возможностью освободить руку, чтобы показать Хелен, как работает фуникулер. — Она расположена под землей. Что-то вроде нагруженной платформы, которая едет по подземному туннелю диаметром в метр. На вершине холма нагруженную платформу отпускают, и по мере движения вниз она тянет пассажирские кабинки вверх. А когда пассажирские кабинки едут вниз, они тянут грузовую вверх.

— Интересно, — протянула Хелен. — Мне нравятся противоборствующие силы. С ними живется веселее, как думаешь?

— Наверное. — Они создавали трудности, когда многие обзаводились автомобилями.

Генри и Хелен зашли в кабинку и заняли места. Хелен высунула голову из окна. Ветер взметнул ее волосы, и Генри не мог не заметить, как хорошо она выглядит в вечернем свете.

Хелен вернулась в кабинку.

— Все это кажется жутко опасным.

— Трос иногда обрывается, — кивнул Генри. — Поэтому там внизу и навалены мешки с песком. Они предотвращают аварию. Если продумать все заранее, опасности легко можно избежать.

— Мешки с песком! — Хелен рассмеялась. — Мешки с песком против сил природы и кабинки фуникулера, которая весит несколько тонн.

— Ну, сейчас ничего не оборвется, так что не бойся. — Генри казалось, что он должен успокоить Хелен, хотя сам точно не знал, уцелеет трос или нет. Если бы можно было это предсказать, не требовалось бы ни мешков с песком, ни других предосторожностей.

Хелен, похоже, обдумывала вероятность катастрофы.

— Нет, — наконец сказала она, кладя руки на колени. — Вряд ли оборвется.

С вершины холма они спустились в парк Керри, который десятилетием ранее подарили городу какие-то друзья Торнов.

— На что смотрим? — поинтересовалась Хелен.

Генри указал на залив Эллиот и центр города.

— Днем иногда видно гору Рейнир. — Он окинул взглядом равнину и подумал, стоит ли рассказывать о Гувервилле, Джеймсе Буте и расследовании, но отчего-то решил, что не стоит.

— Тебе нравится находиться на вершине мира? — любопытствовала Хелен. — Обожаю высоту.

Генри не особенно хотел производить на нее впечатление, но также не желал говорить правду.

— Такой романтический вид, — настаивала она. — Спасибо, что привез меня сюда.

Генри сглотнул.

— Скоро стемнеет. Пора домой.

— Только если не можешь придумать, чем бы еще заняться. — Ее темные глаза напряженно его буравили. Генри отвел взгляд, надеясь, что его нервозность не бросается в глаза.

— О, не хотел бы задерживать тебя допоздна.

Возможно, когда-нибудь он привыкнет к ней или станет меньше стыдиться ясно видной схемы миссис Торн. Но он не чувствовал с Хелен никакой связи. Между ними не было ничего общего, за исключением возраста. И была в ней какая-то резкая грань, не в хищной улыбке, а где-то внутри, в душе. Она напоминала ему запах едва испортившейся еды. В Хелен таилась угроза.

И хотя с Генри она вела себя исключительно обходительно, Итан подобного отношения не удостоился. Хелен не казалась человеком, которому можно доверять.

***

— Прекрасная экскурсия, — похвалила Хелен Генри по дороге домой. Темная прохладная ночь была безлунной, небо затягивали облака. Подъездную дорожку освещали уличные фонари. Пахло свежей землей и весенними цветами. Генри учуял даже аромат лилий, хотя в этой части сада миссис Торн росли другие цветы.

Хелен остановилась, чтобы сорвать тюльпан. Пробежалась пальцами по бледно-зеленому стеблю, прижала бутон к носу и вдохнула.

— Не уверен, что их можно рвать, — предупредил Генри. — Миссис Торн очень ревностно оберегает свой сад.

Хелен наклонилась и по очереди сорвала еще несколько цветов. По одному она вкладывала их в руки Генри, пока не набрался букет.

— Она ничего не заметит. А ты выглядишь очень мило, держа в руках охапку мертвой флоры.

Генри вздрогнул.

— Замерз? — спросила Хелен.

— Нет. Наверное, просто устал. Или над моей могилой пролетела птица.

— Дурацкое выражение. — Хелен подавила зевок и протянула ему руку. — Я-то уж точно сегодня буду спать как убитая. Еще не привыкла к новому часовому поясу. Тело считает, что время уже за полночь.

— Тогда позволь проводить тебя внутрь. — Генри почувствовал облегчение от открывшейся возможности, подровнял букет и взял Хелен за руку. Они пошли к дому. — Поставлю цветы в воду.

— Увидимся утром, — сказала Хелен, направляясь к лестнице.

Генри поспешил на кухню в поисках вазы. Но оставшись один, передумал насчет своего намерения поставить цветы в комнате. В его кармане все еще лежали ключи от автомобиля мистера Торна. Генри нашел газету, завернул в нее тюльпаны и выскользнул из боковой двери. Он поехал в «Домино», всю дорогу гадая, что же не давало ему покоя.

Только приехав в клуб, он понял, в чем дело.

В гараже отсутствовал «кадиллак» Итана. И куда он мог поехать?

Глава 21

Любовь предчувствовал, что его соперница вернется в город, задолго до ее приезда, как и то, что она явится в облике кузины. Неудивительно, что лицо девушки в Венеции было ему знакомо. Смерть как всегда дьявольски изобретательна. Когда поезд прибыл на вокзал, Любовь и несколько мужчин стояли в Гувервилле вокруг бочки, полной горящих щепок и мусора, и обсуждали самые запомнившиеся трапезы в своей жизни. Любовь вряд ли мог упомянуть о парижских устрицах или шоколаде в Сан-Франциско, поэтому выдумал историю о мамином печенье. Он чувствовал голод, не имевший отношения к еде, и понимал, что это голод Смерти.

Первым позывом было встретиться с ней. Любовь отчаянно желал обвинить Смерть в том, что она сотворила с дирижаблем. Но его тирада ничего не изменит. Он заставил себя успокоиться, глядя на то, как огонь проедает себе дорогу через жалкую кучку щепок. Затем Любовь устремился сердцем к Итану, призывая его к себе.

Удивительно, но ему понравился юноша. К тому же Любовь понимал, что Итан преграждает дорогу игрокам. Дело было не только в невысказанном влечении Итана к Генри, но и его растущая заинтересованность в браке Генри и Хелен. Любовь не станет нарушать правила, напрямую влияя на чувства игроков. Но влюбить в себя близкого им человека? Особенно такого очаровательного? С огромным удовольствием.

Итан постучал в дверь лачуги Джеймса на закате, все еще пользуясь предложением сбора информации для газетной статьи.

— Ты ничего не записываешь, — заметил Любовь спустя два часа, которые они провели, обсуждая философию и политику.

— У меня хорошая память.

— Как раз то, что нужно забытым людям в Гувервилле. Твоя память.

Даже в слабом свете, льющемся с улицы, Любовь разглядел, что Итан не понял, что именно собеседник имел в виду. Он коснулся руки юноши, заверяя его, что фраза не была

издевкой. Он вправду не имел в виду ничего обидного: эти люди, как и все другие, заслуживали того, чтобы их видели, помнили, придавали им значение.

Этот жест привел Итана в смятение. Любовь не хотел причинить ему вреда, но так привык к облику Джеймса Бута, что забыл о силе своего прикосновения, особенно к такому разгоряченному юноше, как Итан. Любовь снял небольшой фонарь с крюка на стене. Чиркнул зажигалкой, зажег огонь. Запахло горящим маслом и дымом. Итан затаил дыхание.

— Вот, — тихо и ласково сказал Любовь, — немного света.

Итан выдохнул. Его руки дрожали. Любовь посмотрел на него пронизательным взглядом, давая понять, что видит его насквозь. Итан опустил глаза, затем снова их поднял. Их сердца забились в унисон. Генри оценил бы этот ритм, эту связь. Любовь так точно ее оценил. Она оказалась крепче, чем он ожидал, а значит, в Итане еще много непознанного.

— Мне пора, — начал Итан. — Я...

— Ты мог бы остаться, — предложил Любовь.

Итан не возразил, когда Любовь провел костяшками пальцев по его щеке, покрытой едва пробивающейся щетиной. Воздух между ними натянулся, словно веревка. Напряжение было невыносимым; Любовь словно наяву слышал, как лопаются ворсинки.

Он закрыл самодельную фанерную дверь, чтобы до Итана не доносилось ни звука из внешнего мира: ни мужских голосов, ни лязга поездов, прибывающих на вокзал. Единственными звуками будут дыхание, шорох одежды, трение кожи о кожу.

Лачуга была маленькой и убогой, но также уютной и уединенной, и освещенной светом, льющим не только из фонаря.

В конце Итан плакал, а Любовь шептал ему убаюкивающие слова. Будь это возможным, он обменял бы свое бессмертие на возможность остаться с этой прекрасной душой, направить всю свою любовь на этого человека, который так в ней нуждался.

Глава 22

Букет тюльпанов лежал рядом с Генри на пассажирском сидении, а сам Генри уже сомневался в своем решении. Что делать с цветами? Отдать вышибале и попросить передать Флоре? Да лучше их выбросить.

Влажность была высокой. Не за горами лето и длинные жаркие дни. Генри шмыгнул в переулочек за клубом и нашел мусорный бак рядом с дверью, где впервые повстречал дядю Флоры. Когда он поднял крышку, из-за бака выскочила черная кошка и принялась тереться о его ноги. Сердце Генри едва не выпрыгнуло из груди; он не слишком жаловал кошек.

— Прости, — сказал он отчасти даже ласково. — Мне нечем тебя накормить.

Кошка жалобно мяукнула. Генри повернулся и выбросил цветы. Открылась дверь, и на крыльцо вышла Флора с блюдцем молока в руках. Она была в халате, но с прической и накрашенная.

Увидев Генри, она вздрогнула, и молоко пролилось на мостовую. Несколько секунд они с Генри смотрели друг на друга, а потом Флора заговорила:

— Я принесла тебе блюдце молока. — С серьезным лицом она протянула ему свою ношу.

— А я тебе — эту крышку. — Генри вытащил руки с крышкой от мусорного бака. — Очень редкая вещь. Подобную недавно продали на аукционе за несколько миллионов.

Флора рассмеялась, а кошка вновь мяукнула. Флора поставила блюдце.

— Иногда она приходит сюда вслед за мной.

Генри вытащил из мусора тюльпаны и водрузил крышку бака на место.

— Знаю, выглядит, будто я их выудил из помойки, но это не так. Я струсил, испугался их тебе вручить. Но раз ты застучала меня на горячем, наверное, имеет смысл набраться смелости и закончить начатое.

Флора снова рассмеялась и поплотнее запахнула халат на груди.

— Они прекрасны. Спасибо. Воздаю должное твоей смелости.

— Не понимаю, больше или меньше мне становится неловко по мере разговора? — Он убрал руки в карманы.

— Если говорить о неловком положении, — заметила Флора, — один из нас стоит тут в халате. — Она изменилась в лице. — О, погоди! Под ним у меня есть одежда. Прошу записать это в протокол.

— Как я и думал, — вздохнул Генри. — С каждой секундой неловкость все растет.

Флора понюхала тюльпаны.

— Можем ли мы притвориться, что ничего этого не было?

Кошка вновь мяукнула. Генри тактично ее отогнал.

— Давай притворимся, что я пришел к тебе в более подходящее место, чем этот переулок, не споткнулся о бродячую кошку, не держал крышку от мусорного бака, подарил тебе цветы, потому что мне нравится, как ты поешь, и никому из нас не было неловко. Тогда бы я смог засчитать себе несколько ранов.

— Ранов? Не думала, что мы играем в игру, — удивилась Флора.

— Это бейсбольная терминология. Все, закрываю рот. Честно говоря, я уже почти готов согласиться, что ничего этого не было.

Флора улыбнулась.

— Шерман мне голову оторвет, если я не успею собраться. Мы снова выходим на сцену через несколько минут.

— А я пока заплачу за вход и найду столик. И больше ни слова не скажу. Ты меня не видела. Я привидение.

Флора взялась за дверную ручку, но, оглянувшись через плечо, сказала:

— Рада, что ты вернулся. Привыкла уже видеть тебя в зале.

Дверь со стуком захлопнулась за ней, такая же преданная, как сердце Генри.

Глава 23

После выступления Флора утерла лоб в гримерной. Наклонилась к цветам, вдохнула их свежий аромат. Что произошло на сцене? Она осознавала, что Генри в зале и смотрит на нее, видела его руки на столе и то, как огонек свечи золотит его лицо и волосы.

Но на этот раз ее иммунитет куда-то делся. Она всем сердцем хотела смотреть на него, петь для него, и это ее пугало. Она боролась с этим желанием. Но когда пришло время петь «Иди со мною рядом», кто-то как будто отыскал в ее душе источник музыки и принялся

вытаскивать ноты наружу быстрее и жестче, чем она намеревалась их исторгнуть. И поэтому она смогла сопротивляться всего несколько секунд, прежде чем отдаться песне полностью.

Она пела для Генри и только для него, и после этой песни больше ничего не помнила. Что она пела потом, как это звучало, хорошо ли она справилась. Когда умолкли последние ноты, зрители аплодировали. Это она помнила, хотя прожектор светил ей прямо в глаза, и она настолько растерялась, что сбежала со сцены. Последний раз, когда она позволила чувствам взять над собой верх.

Желая глотнуть свежего воздуха, она вышла из гримерной и поспешила вперед по узкому коридору, устланному ковровой дорожкой. Свет был неярким, на стенах висели всего несколько светильников с единственными лампочками. Флора взялась за ручку двери под табличкой «ВЫХОД».

Ночной воздух показался ей всплеском прохладной воды. Флора на секунду задумалась, а не вернуться ли за пальто, но решила не возвращаться. Она выскользнула на улицу и закрыла за собой дверь, удостоверившись, что замок не защелкнулся. Пожарная лестница была совсем рядом. Радуясь, что сегодня выбрала короткое платье, Флора забралась на мусорный бак и поднялась до маленького окошка на втором этаже. Кто-то промазывал известковым раствором швы между кирпичами и оставил лестницу прислоненной к стене. Флора подтянулась и вылезла на плоскую просмоленную крышу здания.

И тут же услышала его голос.

Сидя на краю крыши, она наклонилась вперед. Генри стоял в переулке, глядя во все стороны, но не вверх. Дыхание перехватило. Что он там делает?

— Флора!

Смотреть на него там, внизу, было невыносимо. Нужно ответить.

— Посмотри наверх.

Генри отыскал ее взглядом.

— Что ты там делаешь?

— Дышу свежим воздухом.

— А на земле он что, не свежий?

— Здесь, наверху, лучше.

— Как скажешь... — Он почесал затылок и глянул на дверь.

— Поднимешься?

— На крышу? Не знаю...

— Только не говори, что боишься высоты.

— Дело не в этом.

— Тогда в чем? — Неужели он не хотел ее увидеть? Флора попыталась понять, обидится ли на него в этом случае, вздохнет с облегчением или и то, и другое вместе.

— В том, что я... смертельно боюсь высоты.

Флора усмехнулась и забросила ноги обратно на крышу. После такого признания было бы грубо его прогнать.

— Сюда легко забраться. Встретимся на балконе.

— Нет, все нормально. Все не настолько ужасно. — Генри подпрыгнул и ухватился за пожарную лестницу.

— Не смотри вниз, — предупредила Флора, стараясь сохранять жизнерадостный тон.

Генри, крепко держась за металл, посмотрел вниз, а потом вверх, на нее. Он жутко побледнел. Затем быстро преодолел остаток пожарной лестницы, взобрался по приставной и

одним быстрым прыжком перемахнул на крышу. Тут же поспешил подальше от края.

— И каков же вид с центра крыши? Уфф. Я цел. Так, а теперь про твое пение. — Он повернулся к ней лицом.

— Тс-с, — прошептала Флора. — Никто не любит критики. — Ее сердце колотилось в груди. — Пора нам прекращать вот так встречаться. Бродячие кошки начнут сплетничать. — Она села на крышу неподалеку от Генри, и ветер донес до нее его запах. Лимонов и пряностей.

— Может, я пишу новую статью и беру у тебя интервью, — сказал он.

— Правда? — спросила Флора. В голове промелькнула надежда на то, что он в самом деле напишет о ней, и она найдет спонсора. Но умом Флора понимала, что этому не бывать.

— Нет, но мне бы хотелось. — Он сел рядом с ней. — Расскажи мне. Почему тебе нравится летать? Куда бы ты хотела отправиться?

Флора откинулась на локти и посмотрела в небо. Генри был близко, но не настолько, чтобы ее касаться. Она не могла набраться смелости посмотреть на него, да и он, видимо, тоже. Но она остро ощущала его присутствие рядом.

— Слышал когда-нибудь о Бесси Колман? — спросила Флора.

— Нет. Она певица?

Разочарование кольнуло ее, словно иглой. Он не знал ничего о столь выдающейся личности, так важной для нее! Флора попыталась объяснить, сохраняя беззаботный тон:

— Она была первой цветной летчицей. И первой темнокожей, которая получила международное удостоверение пилота. Ее не приняли ни в одну американскую летную школу, поэтому она отправилась учиться в Париж на деньги, которые заработала, делая маникюр.

Флора искоса посмотрела на Генри и порадовалась, что он выглядит смущенным.

— Почему я о ней ничего не слышал?

Флора пожала плечами. У нее имелась на этот счет теория, но озвучивать ее не хотелось.

— И что с ней случилось? — спросил Генри несколько секунд спустя. — Ее история могла бы стать предметом интересной статьи.

— Она погибла, — прошептала Флора. — В авиакатастрофе.

— Какой ужас, — посочувствовал Генри.

Флора не знала, что на это ответить. Да, ужас. Но смерть случалась постоянно. Нет смысла горевать, ведь если предаваться печали, она никуда не уйдет. Поэтому лучше воспринимать все спокойно, хотя бы когда речь о посторонних людях.

Некоторое время они молчали, глядя на затянутое облаками небо и прислушиваясь к шуму внизу — голоса людей, скрип дверей — и собственному дыханию. Флора на секунду вспомнила о Грэди и понадеялась, что он подумает, что она ушла домой сама.

А потом они с Генри поговорили о семьях — бабушке и Шермане, а также о том, что Генри живет с Итаном и его семьей, потому что потерял свою. Флора не спрашивала Генри о его работе в газете. Была ли она для него мечтой, такой же, как для самой Флоры — полеты? Не нужны ей лишние знания о том, что у него на сердце.

Время шло. Было сложно сказать, сколько они просидели на крыше. В небе не было видно ни луны, ни звезд, чтобы отмечать минуты по ним. Свет уличных фонарей освещал и крышу, падая на лицо Генри. Флора изучила его черты и решила, что он ей нравится. Очень нравится. Что бы она думала, не будь он белым? Рассматривала бы его как вариант?

Флора мысленно себя упрекнула, во-первых, за такие мысли, а во-вторых, за то, что пожелала переделать Генри. Ей никогда не хотелось, чтобы кто-то пытался в ней что-то изменить. Более того, чувствовалось в Генри что-то правильное. То, как он вел себя с Аннабель. То, как уделял внимание музыке Флоры и задавал вопросы о полетах и ее родных. И что-то еще, чему она не находила названия. Некоторые люди, как и некоторые песни, являются собой не просто сумму составных частей, а нечто большее.

Она притворилась, что рассматривает свои ногти, смущенная тем, что зубы начали стучать, и встала.

— Ты замерзла. — Генри тоже поднялся на ноги.

Она кивнула. Ее трясло, но больше от желания прижаться к нему и сопротивления этому желанию. Генри накинул ей на плечи свой пиджак.

— Спасибо. — Каким-то чудом голос не сорвался, особенно когда Генри стеснительно улыбнулся и поправил выбившуюся прядь волос. Какой пронзительный жест. Генри просто хотел, чтобы все было в порядке. Флора хотела того же. Она сосредоточилась на теплом пиджаке, пахнущем Генри, пока не перестала дрожать.

— Наверное, нам пора домой, назад к обычной жизни и все такое. Верить-нет, а у меня завтра контрольная, а после нее бейсбольный матч.

Флора кивнула, удивляясь, что впервые в жизни не она отступила первой.

— Разве что... — продолжил он.

Она недоуменно подняла на него глаза.

Он начал насвистывать первые такты «Голубого Дуная».

— Вальс? Ты ведь это не всерьез?

— Я серьезен, как цинга для пиратов, — улыбнулся Генри. — Знаю, нам пора идти, но хочу побыть здесь еще пару минут, и я тоже замерз. Одна минута и немного тепла — это все, о чем я прошу. — Он посерьезнел. — Пожалуйста.

Флора рассмеялась:

— Ты прямо герой трагедии. — Но она по-прежнему колебалась. Какими были бы ее дни, продолжай она до сих пор ходить в школу, готовиться к контрольным, ходить на танцы и все такое? Хватало бы ей обычной жизни? Или она все равно следовала бы за другими, более грандиозными мечтами?

Она взяла протянутую руку Генри и посмотрела ему в глаза, цвет которых напоминал ей линию слияния неба и земли на горизонте, куда она всегда направляла свой самолет. Но в его глазах она видела не только цвет, но и сердечную доброту, настолько всеобъемлющую, что Флора даже забывала о своем вечном одиночестве.

Генри переплел пальцы левой руки с ее пальцами, а правую положил ей на талию, и у Флоры перехватило дыхание от этого соприкосновения с ним в двух местах. Генри сделал первый шаг, Флора двинулась за ним, и вот они уже танцевали на крыше, связанные невидимой нитью, которую Флоре нужно разорвать, пока эта связь ее не убила.

— Только одна просьба, Генри.

— Что угодно. — Он посмотрел ей в глаза, и на секунду Флора потеряла дар речи.

— Больше не свисти.

— Но нам ведь нужна музыка.

— Давай я возьму это на себя? В конце концов, я ведь певица. — Если получится обрести голос, удастся и сохранить самообладание.

Генри улыбнулся и как будто приготовился что-то сказать, но промолчал. Флора

подхватила мотивчик вальса, и Генри принялся ее кружить. В ее исполнении Штраус больше напоминал свинг, и Генри понял намек, отпустив Флору и тут же снова притянув к себе ближе, чем прежде. Позади Флоры мякнула черная кошка, невесть как забравшаяся на крышу.

И этот звук привел Флору в чувство. Что она тут делает? Это ошибка по многим причинам, и не последняя из них — Грэди. А еще разница в их с Генри происхождении и ошибочное восприятие белого парня как чего-то иного, нежели опасности. Но Генри не просто парень, и даже не просто белый парень. Было в нем что-то, что нужно знать. Это ясно как божий день.

Кошка зашипела и прыгнула с крыши, и на Флору вновь нахлынуло чувство, которое охватило ее во время концерта. Она отстранилась.

— Что я сделал? — удивился Генри.

— Ничего. Нам нельзя. Прости. Не знаю, о чем я только думала.

— Может быть, — прошептал он, — есть такие вещи, о которых думать не нужно.

— Все равно, нам нельзя танцевать вместе. Просто нельзя. По многим причинам.

— Может, однажды...

Флора невольно отшатнулась, словно само слово причинило ей боль. Генри не ответил, но то, что Флора прочитала в его глазах, ее надломило.

***

Когда они спускались по лестнице, Генри смотрел прямо перед собой, радуясь, что его пиджак все еще на Флоре. Будь он в пиджаке, взмок бы от пота. Боязнь высоты его смущала. Он давно задавался вопросом, почему то, что существовало только в его голове, так влияло на тело. Но опять же, страх — не единственное такое чувство. Любовь невозможно увидеть или потрогать. Она живет исключительно в сердце, невидимая для глаз. Но она способна изменить все.

«Ступенька, еще одна, еще одна...» И вот он на земле и идет следом за Флорой, вдыхая запах ее волос, впервые за долгое время чувствуя себя счастливым. Флора взялась за дверную ручку, подергала ее и обернулась.

— Дверь была заперта, когда ты выходил? — спросила она.

— Честно говоря, без понятия. Я думал только о том, чтобы тебя догнать.

— Я проверяла, чтобы замок не защелкнулся. А теперь дверь заперта. Мы не попадем внутрь.

— Это проблема?

— Там моя сумочка, в ней деньги и ключи. Я не попаду домой и не смогу заплатить таксисту.

Он взял ее за руку.

— Давай подойдем к главному входу и громко постучим. Может быть, кто-нибудь да услышит. И я всегда могу тебя подвезти.

Флора высвободила пальцы, не обратив внимания на его предложение.

— Все уже ушли. Все ушли, и нам до рассвета некуда деваться. А тут еще и это. — Она вытянула руку. — Дождь.

Генри запрокинул голову, и теплая капля плюхнулась ему на нос.

— Может, ливня не будет, так, поморосит.

Пока он говорил, дверь распахнулась, и в темном проеме возник силуэт контрабасиста.

— Грэди! — воскликнула Флора. — Я думала, ты домой ушел.

— И ушел бы, — процедил тот, обиженно и сердито глядя на Генри. — Но ты оставила свои вещи, и я волновался. Кто это, Флора?

— Это? Это Генри. Он помогал писать статью про «Стэггервинг»...

— Я тебя везде искал, — перебил ее Грэди. — Что происходит?

— Ничего, — ответила Флора. Генри отвел взгляд. — Мы просто разговаривали.

— Ты знаешь, который час? Я тебя заждался.

— Грэди, — начала Флора, — мне очень жаль. Не знаю, что на меня нашло. Вышла подышать и в переулке встретила Генри. — Она сняла пиджак и вернула его хозяину. Генри едва сносил тяжелый взгляд Грэди.

— Идем, — позвал Флору тот. — Я отвезу тебя домой, где тебе самое место. Бабушка, наверное, испереживалась не хуже моего.

Грэди втащил Флору в «Домино». Генри поднял пиджак над головой, поскольку с неба полило как из ведра. Он стоял под дождем, пока не промок до нитки, но совершенно не грустил. Ласковые струи дождя дарили ощущение волшебства. Генри не был уверен, в каком направлении двигаться дальше. И задавался вопросом, насколько серьезна была Флора, когда сказала, что между ними не может быть ничего, даже когда-нибудь в будущем.

Глава 24

Генри вернулся в особняк Торнов, дрожа от переполнявших его чувств. Руки помнили тело Флоры, пиджак пропах ее духами. Он полагал, что все уже спят, когда проскользнул в парадную дверь, радуясь, что ее петли всегда отлично смазаны. Снял ботинки и тихо пошел к лестнице.

И тут его окликнула Хелен.

Ее голос донесся из кухни. Она сидела за стойкой, уставленной таким количеством еды, что хватило бы накормить голодную семью. Мясное ассорти, мягкие булочки, нарезанные яблоки, сыр, кусок четырехслойного шоколадного торта, а прямо перед Хелен — банка клубничного варенья с торчащей из нее ложкой.

— Допоздна загулялся. — Голос звучал грубее, чем раньше. Она положила в рот полную ложку варенья. — Мог бы и меня пригласить, Генри.

Ему это и в голову не приходило. Но он был рад, что не позвал ее с собой, пусть и жалел, что ранил ее чувства.

— Думал, ты сильно устала. Прости.

— О Генри. — Хелен вытерла рот рукой, отодвинула банку и оглядела стол в поисках следующей жертвы. — С тобой я готова ходить куда и когда угодно.

Воротничок рубашки грозился его задушить.

— Так где ты был? — Хелен откусила половину бутерброда. Генри удивленно округлил глаза. — Что? Я проголодалась. Такая голодная, что не поверишь.

Ему пришлось отвести взгляд.

— Присоединяйся.

Хелен подвинула к нему тарелки с булочками и мясом. Генри, никогда не отказывавшийся от еды, соорудил бутерброд.

— Итак, ты просто обязан мне рассказать. Где ты был? Ты какой-то другой. — Она доела бутерброд и подвинула к себе торт. — Мне надо ревновать?

Генри откусил кусок бутерброда, чтобы выиграть время. При разговоре с Хелен он чувствовал себя помидором, над которым уже занесен нож. Он прожевал и проглотил.

— Слушал музыку.

— Судя по твоему виду, концерт был невероятный. — Она слизнула с пальца что-то красное. — В следующий раз обязательно возьми меня с собой.

Он откусил еще кусочек, намереваясь прикрываться бутербродом как щитом сколько сможет. Хелен положила в рот огромный кусок торта. Под ее плотоядным взглядом Генри захотелось проверить, застегнута ли у него ширинка — ну мало ли.

— Конечно, — согласился он, жалея, что не хочет брать ее в «Домино», и что это кажется самой плохой идеей в мире. Что, если он выберет Хелен? Он посмотрел на нее, на ее руки, запястья, лицо в форме сердечка, и попытался представить жизнь, которую предположительно должен хотеть. Безопасность этого выбора, то, как ему обрадуются Торны, как счастлива будет Хелен. А Флора сказала, что им никогда не суждено быть вместе, даже в будущем. Он покачал головой и попытался сосредоточиться.

Хелен улыбнулась и отрезала еще кусочек торта.

— Чудно. Когда пойдем? — Она сунула вилку в рот. Жуя, она ни разу не моргнула. Потянулась через стойку и слегка похлопала Генри по руке. В глазах потемнело, руки и ноги онемели. Он судорожно схватился за край стойки.

— Что такое? — встревожилась Хелен.

— Ничего, все нормально. Наверное, просто устал. — Дурнота отступила. Генри зевнул. Тут в коридоре раздались шаги, и в кухню вошел Итан в изрядно помятой одежде, но на удивление бодрый. Он тут же выпучил глаза.

— Так-так-так, — промурлыкала Хелен. — Еще один полуночник.

Она потянула носом, и Генри отчетливо увидел в ней что-то хищное.

— Я работал, Хелен, — отмахнулся Итан. — Оставь меня в покое. — Он взял яблоко и жадно в него вгрызся.

— Не сомневаюсь, — улыбнулась она. — Мы с Генри как раз строили планы сходить послушать этот пикантный джаз, который он так любит. Ты к нам присоединишься?

— Мне неинтересно, — отказался Итан. Откусил еще кусок яблока и большим пальцем вытер с подбородка сок.

— Ты мог бы взять с собой друга, — предложила Хелен. — Того, с кем трудился допоздна. Божечки, надеюсь, завтра в школе ты не будешь спать на ходу. Знаешь ведь, что скажут родители, если у тебя ухудшатся оценки.

Итан расправил плечи.

— Хорошо. Но только чтобы удостовериться, что ты не сожрешь Генри, как этот торт.

Хелен наклонилась над тарелкой, жадно поедая торт, совсем как рабочий, стремящийся поскорее закопать яму.

— Ты совсем не изменилась с тех пор, как в детстве пожирала сладости голыми руками, — процедил Итан, наблюдая за ней. — Ты хоть когда-нибудь не сметаешь всю доступную еду?

— Нет, — покачала головой Хелен. Ее губы потемнели от шоколада. — Никогда.

***

Вскоре Генри уже лежал в кровати и, засыпая, прокручивал в голове джазовый рифф,

который ему никак не удавалось правильно сыграть. Мысленно разобрав его на ноты, он понял, как нужно работать пальцами и руками, и уверился, что утром смог бы сыграть этот рифф, если бы не надо было идти в школу.

Он глубоко вдохнул. В последние секунды перед сном ему пришло в голову, что он никогда не говорил Хелен, какую музыку любит слушать.

Наверное, Итан сказал ей что-то про джаз. Удивительно, если принимать во внимание, как он ненавидит кухню. Но Хелен при желании из любого может вытянуть что угодно.

Глава 25

Среда, 12 мая 1937 года

Флора ни за что бы в этом не призналась, но она любила чистое белье. Даже обожала. Ей нравилось разворачивать хрустящую коричневую бумагу, в которую его заворачивала миссис Миясито. Нравилось трогать отглаженные скатерти. Нравилось складывать их в шкаф рядом с барной стойкой в аккуратные стопки, сами по себе воплощение красоты. И хотя это правда, что цикл стирки столь же недолговечен, как и жизненный цикл, также верно и то, что никто не оплакивает грязные салфетки. Может быть, только миссис Миясито, но она исключение из правил.

Поскольку ее никто не слышал, во время работы Флора напевала милую и лживую любовную песенку «Легкая жизнь».

Видео

Сейчас она была любимой песней Грэди. Грэди... Флору мучили угрызения совести при одной лишь мысли о нем после вечера накануне с Генри. Друг Грэди, Билли, написал эту песню для кинокартины, которая выйдет в прокат летом. «Легкая жизнь» — последняя в долгой череде песен, которым Грэди обучил Флору с начала ухода за ней. Ей тогда еще и шестнадцати не было, она только бросила школу, чтобы днем заботиться о бабушке, и даже не представляла, что у нее появится поклонник, пока Шерман не сообщил, что разрешил Грэди за ней ухаживать. Разрешил. Как будто это его право.

Флора как могла давала понять, что ее это не интересует, но тем самым лишь распалила Грэди. Поначалу она разрешила ему разучивать с ней песни, чтобы можно было поговорить о чем-то, кроме цветистой чепухи. Потом согласилась встречаться с ним вне клуба, чтобы он прекратил донимать ее своими чувствами на работе, привлекая к сложившемуся положению внимание всей группы. Впоследствии ей просто казалось проще томить эти отношения на медленном огне, не давая им закипеть, потому что их наличие оберегало ее от романтических поползновений других парней.

Ох, Грэди... Он приличный музыкант. Симпатичный. Внимательный. Обходительный с бабушкой. Но отношения с ним ничуть не напоминали легкую жизнь из песни. Они ощущались вымученными, и Флора постоянно чувствовала себя под наблюдением. Наблюдением и надзором. Например, когда они ходили в церковь по воскресеньям... Ей не нравилось, что все смотрят на них как на пару, которая когда-нибудь поженится. Или когда они гуляли в парке, и он поддерживал ее под локоть и вел по дорожке, не попадая в ритм ее шагов, но когда она хотела остановиться и посмотреть в небеса, улыбался и качал головой.

Всякий раз, когда он пытался ее поцеловать, она его отталкивала. Однажды он даже сделал ей предложение, вероятно, полагая, что этим добьется ее согласия. Флора испугалась и ответила, что пока не готова к замужеству, под «пока» подразумевая «никогда». Он ждал ее восемнадцатилетия, чтобы официально попросить ее руки. Флора же намеревалась держать его на расстоянии, пока не совершит свой полет, а тогда, если все пойдет по плану, она наконец станет свободной. Сможет оставить клуб в руках Шермана и провести остаток своих дней как Бесси Колман. Она бы уже давно уехала, если бы не бабушка и вопрос денег.

Что бы она ни думала о Грэди, «Легкая жизнь» была хорошей песней. Возможно, даже слишком хорошей, потому что Флора закрывала глаза, чтобы прочувствовать второй куплет. С закрытыми глазами она видела перед собой Генри, но во время пения не думала, что бы это могло значить.

Стук захлопнувшейся вдалеке двери вырвала ее из тяжких дум. На лестнице раздались шаги. Флора замолчала на середине фразы.

— О, не останавливайтесь из-за нас. — Голос принадлежал одному из троих мужчин в костюмах, вышедших на лестничную площадку. — Весьма заводная песенка.

Он распахнул пиджак, чтобы показать ей значок, прикрепленный ко внутреннему карману. Металл сверкнул в тусклом освещении клуба. Налоговые инспекторы.

— Дяди сейчас нет. — Флора пожалела о своем решении работать в одиночестве.

— Как жаль, — огорчился инспектор и протянул ей руку. — Эдгар Поттс. Управление по контролю за оборотом алкогольных напитков.

Его рука была потной, и Флора пожалела, что не может вытереть свою о подол, не показавшись грубой.

— Могу ли я вам чем-то помочь, мистер Поттс?

— Вероятно. — Тягучий голос сочился чем-то омерзительнее пота. Инспектор бросил взгляд на своих спутников. Было ясно: на что бы он ни намекал, это имеет прямое к ней отношение. Но ему не удастся так легко вывести ее из себя. Флора ждала. Если этому Поттсу что-то нужно, придется ему сказать это вслух. С каждой секундой тишина гнетет все сильнее — этому приему Флора научилась, отваживая Грэди.

Наконец мистер Поттс сдался. Вытащил из кармана несвежий платок и утер лоб. Жаль, что не вытер пот над верхней губой. Даже в неярком освещении он блестел, бросаясь в глаза.

— Мы пришли обсудить ваши налоги, — начал он.

Флора не стала сразу отвечать. Налоги — не ее конек, и Шерман обычно просил ее удалиться, когда в «Домино» приходили подобные люди. Теперь она понимала, почему. Было в глазах мистера Поттса что-то змеиное. Он выискивал возможность нанести удар, а Флора не хотела навлечь на клуб беду, ляпнув что-то не то. Спутники Поттса сделали полшага вперед, и теперь трое мужчин стояли живой стеной между Флорой и выходом. В висках закололо.

— Уверена, мой дядя Шерман будет счастлив показать вам наши бухгалтерские книги завтра после обеда, когда будет здесь, — спокойно сказала Флора. — Могу ли я предложить вам перекусить? — Остатки кукурузного хлеба, пусть и предназначались в пищу бедным, все равно вкусные. Мистер Поттс заколебался, и Флора понадеялась, что не выглядит нервной.

— Да, конечно, — наконец кивнул он. — И выпить тоже. А потом... — он многозначительно кашлянул в потную ладонь. — Потом мы посмотрим ваши бухгалтерские книги. Сегодня. Даже прямо сейчас. Мы знаем, что этот клуб наполовину ваш. В конце концов, ваше имя значится в налоговых декларациях.

Флора наградила его тяжелым взглядом, уверенная, что он специально выбрал день, когда Шерман отсутствует, потому что считает ее легкой добычей. Но его ждет сюрприз. Бухгалтерские книги клуба были чисты, как и скатерти, а Флора обладала гораздо более обширным жизненным опытом, чем большинство ее сверстников. Другие клубы, может, и мухлевали с налогами, но только не «Домино».

— Хорошо. Прошу, следуйте за мной... джентльмены. — Не только они умеют шутить.

Флора вошла в кухню и тут почувствовала, как кто-то положил ладонь ей на поясницу. Крепко стиснув зубы, она извернулась и, не сказав ни слова, подошла к длинной деревянной столешнице посреди кухни.

Чтобы нарезать кукурузный хлеб, она выбрала самый большой из ножей Чарли. Он не облегчал задачи, главным образом из-за того, что тряслись руки. Но Флора надеялась, что инспектор поймет намек, пока отрезала три квадратных куска желтого хлеба и раскладывала их на белые тарелки. Затем она налила три стакана молока, зная, что под «выпить» мистер Поттс подразумевал точно не его. Но пожаловаться он не мог, поскольку пить на работе ему не полагалось. Флора задышала спокойнее, чувствуя, что вновь владеет ситуацией, совсем как на сцене, когда создает между собой и залом барьер из нот.

— Присаживайтесь, пожалуйста. — Флора указала кончиком ножа на круглый стол в углу, за которым обычно перекусывали работники клуба. Мистер Поттс с подручными ждали, пока она подаст им хлеб и молоко, на которое инспектор посмотрел с такой брезгливостью, словно оно из-под одноглазой козы. Флора улыбнулась. Может, ей повезет и он подавится. — Вернусь с книгами через минуту.

Флора чувствовала, как они напряженно следят за тем, как она достает бумаги из сейфа, где их хранил Шерман. Кто-то присвистнул — не мистер Поттс, который как раз зашелся кашлем. Эх, порезать бы всех троих на кусочки и подать на чистых белых блюдах! Это было бы что-то. Флора отыскала нужную книгу в переплете под мрамор и встала в паре шагов от стола, прижимая ее к груди.

— Что ж, показывайте, — рявкнул мистер Поттс.

Отодвинув стакан и тарелку, Флора положила перед ним книгу. Инспектор открыл ее на странице с последними записями.

— Откуда мне знать, что вы не ведете двойную бухгалтерию?

— Двойную? Не знаю, о чем вы. Но, полагаю, дядя мог бы вам сказать, что и одну вести непросто.

Мистер Поттс с преувеличенным вниманием изучал цифры. Он кивнул и крякнул, откусывая хлеба, при этом просыпав жирные крошки на аккуратно заполненные Шерманом страницы.

— Есть для нас еще что-нибудь? — наконец спросил он. — Иные источники дохода, о которых не сказано в декларации? Ваш дядя, — его тон показывал, что инспектор не верит в их с Шерманом родственную связь, — не занялся прежним делом?

Ушло несколько секунд, чтобы понять: он предполагал, что Шерман сутенер, а она — проститутка. А под «еще чем-нибудь» мистер Поттс подразумевал взятку.

— Разве что вы, джентльмены, желаете еще кукурузного хлеба. Больше ничего у меня нет. Большинство посетителей говорят, что этот хлеб — самое вкусное в нашем меню. Рецепт моей бабушки.

Мистер Поттс закрыл книгу и промокнул губы грязным платком, снова не утерев пот под носом.

— Видите ли какое дело, — начал он. — Налоги — это очень сложно, и я не думаю, что юная... леди вроде вас досконально в них разбирается. Отсутствие вашего дяди на работе наводит на мысль, что он что-то скрывает или занимается незаконными делишками. Поэтому нам придется закрыть ваш клуб. Разве что...

— Что? — Флора покосилась на свою сумочку. Она забыла положить бабушкины деньги назад в банку. Мистер Поттс перехватил ее взгляд, и по его губам зазмеилась улыбка.

— Хорошо, — кивнул он, — вижу, что вы понимаете в делах больше, чем желаете показать.

Флора отвела взгляд. При мысли о том, чтобы отдать этому человеку бабушкины деньги, кровь закипела в жилах. Но если таким образом она от него избавится, возможно, оно того стоит. Она колебалась, жалея, что Шермана нет рядом. Это деньги ее бабушки. Деньги на полет, и неважно, что Флора не собиралась их тратить. Но если она не подыграет этим людям, они закроют клуб.

Флора испугалась. Больше всего в ту минуту ей хотелось, чтобы налоговики ушли, а «Домино» продолжил работать. Когда-нибудь она вернет бабушке деньги. Флора открыла сумочку и вытащила половину купюр. Мистер Поттс бросил многозначительный взгляд на оставшиеся. Трясущимися руками Флора отдала ему все деньги.

— Удовлетворены? — не удержалась она от желчного вопроса.

— Не понимаю, о чем вы говорите, мисс. — Мистер Поттс распахнул пиджак, вновь продемонстрировав ей значок. Убрал деньги в карман и разгладил лацкан. Флора посмотрела на выход.

— Если это все, у меня много работы. Надеюсь, вы придете на концерт. — Также она надеялась, что по ее тону они поймут, что она больше никогда не желает их видеть.

— Без обид, но музыка, которую вы исполняете... не для нас, — отказался мистер Поттс.

Направляясь к лестнице, он прошел слишком близко к Флоре и задел ее грудь. При этом он довольно хмыкнул, но Флора проглотила обиду. С подобными людьми лучше не воевать. С ними речь не о победе, а о выживании.

Когда они ушли, Флора прислонилась к двери кладовой. Ее трясло, но она не заплакала. Пусть инспекторы не увидят ее слез, они все равно их недостойны. Флора надеялась, что Шерман не расстроится, узнав, как она вышла из положения. День, когда она наконец освободится, настанет еще не скоро.

Глава 26

Через пару часов Любовь последовал за Грэди Бейтсом в бедный район города в нескольких кварталах к югу от «Домино». Сперва он шел в обличье Джеймса Бута в его поношенном костюме и с блестящими на солнце светлыми волосами, но затем, боясь свидетелей, изменил внешность: ссутулил плечи, добавил несколько килограммов, состарил лицо и костюм. Он держался в двух кварталах от Грэди, следуя за ним в ярких лучах полуденного солнца.

Округа была почти лишенной растительности в сравнении с другими районами Сиэтла,

особенно с тем, где жил Генри. Чахлые клены вдоль тротуара не дарили ни тени, ни красоты. На пустых участках земли желтели старые объявления, а в грязи поблескивали осколки разбитых бутылок.

На ходу Любовь думал только об одном, и эту безумную идею ему следовало выплюнуть, как кусок протухшего мяса.

«Убить Грэди Бейтса».

Эта навязчивая мысль выбивала его из колеи, если не сказать больше. Он сомневался, что Смерть, охотясь за добычей, чувствовала себя такой незащищенной и нерешительной. Но это правильное решение. Грэди представлял собой опасность и помеху, и, убрав его с дороги, Любовь лишит Смерть еще одного козыря.

Она, конечно, будет рвать и метать. На секунду Любовь задался вопросом, неужели то, как поведет себя Смерть, беспокоит его больше надвигающегося убийства.

Грэди зашел в магазинчик, где торговали газетами, журналами и табаком. Не зная, сколько времени он там проведет, Любовь в ожидании прислонился к фонарному столбу. Его подмывало войти и купить себе газету, но что-то его удержало. Он принялся обдумывать способы убийства. Как бы на его месте поступил человек? Воспользовался бы кулаками? Или нанес бы смертельную рану битой бутылкой?

Кулаки и ножи слишком интимны, почти так же, как любовь. Смерть часто убивала прикосновением, но Любовь не рассматривал ее действия как проявления любви. Вдобавок она намного могущественнее него. Ей под силу управлять материей, устраивать авиакатастрофы и останавливать время. В сравнении с ее способностями его дар жалок. Он умел только наполнять сердца любовью.

Любовь снял шляпу и почесал лоб, щурясь на солнце. Открылась дверь, и Грэди с газетой под мышкой вышел на улицу. Любовь заглянул ему в душу. Что он захочет следующим? Имбирного печенья и пару минут с симпатичной кассиршей в булочной.

Эта маленькая неверность обычно беспокоила Любовь, но сейчас он ей даже обрадовался. Вслед за Грэди он зашел в булочную. Девушка за прилавком — возможно, на два-три года старше Флоры — бросила на него подозрительный взгляд и вернулась к разговору с Грэди. Было обидно, что из-за цвета кожи к нему отнеслись иначе. Только подумать, как часто белое большинство таким образом смотрело на темнокожее меньшинство. Смерть, как обычно, схитрила, выбирая игрока.

Любовь почувствовал, что там был кто-то еще. Булочник, тихий мужчина среднего возраста с припорошенным мукой лицом, вышел из задней комнаты. Он выглядел разгоряченным, скорее всего, потому что целый день стоял у раскаленных печей. Любовь с сожалением проник в сердце булочника, добавляя все новые и новые слои чувств, словно ровняющий стену штукатур. Ему требовалось переполнить сердце мужчины неправильной любовью, которая из-за ревности наждачной бумагой раздирает душу. Любовь поместил эти уродливые чувства в потаенные уголки и надежно их там закрепил, чтобы разум жертвы не сумел от них избавиться.

Теперь пекарь верил, что влюблен в девушку за прилавком, которая смеялась и заигрывала с Грэди, как будто это в порядке вещей при продаже печенья. Любовь прошептал имя булочника, зная, что это единственное слово, способное заставить его переступить черту. Тот открыл ящик под кассой и достал револьвер. Грэди тут же поднял руки и отступил к полке со свежее испеченным хлебом.

— Давай, — шепнул Любовь.

Булочник прицелился в Грэди. Когда щелкнул взведенный курок, Любовь задержал дыхание. И тут перед ним материализовалась фигура. Он успел понять, кто это, но не успел увернуться от пощечины. При ударе его мысленная связь с пекарем разорвалась, и тот выронил пистолет, который при падении выстрелил, и пуля прошла через витрину со сладкой выпечкой. Булочник и Грэди прикрыли головы, защищаясь от осколков. Девушка рухнула на колени.

— Пожалуйста, — прохныкала она, — прошу вас, не надо!

Сгорая от стыда, Любовь почувствовал, как кровь приливает к щеке. Смерть стояла совсем близко: глаза превратились в щелочки, рот — в мазок красной помады. Она походила одновременно на Хелен и себя настоящую.

— Чем ты тут занимаешься?

— Ты-то уж точно должна знать. — Любовь пошевелил челюстью, боясь, что та сломана. Булочник наклонился за пистолетом, глядя на него как на живое существо.

Смерть остановила время.

— Конечно, я знаю, чем ты занимался, — прошипела она. — И теперь хочу узнать, зачем. Как ты посмел?

— Как я посмел что? — спросил Любовь. — Как я посмел совершить то, что ты делаешь каждый день?

Смерть сжала кулаки, и Любовь напрягся, ожидая нового удара. Грэди замер на месте, прижимая к груди сложенную газету. Его рот был приоткрыт, словно парень намеревался заговорить.

— Он пугается под ногами, — выдавил Любовь, не в силах назвать Грэди по имени.

— Он человек, — возразила Смерть. — Живая душа. И обычно ты играешь не так.

Любовь не понимал, что она чувствует. Ее разум как всегда был для него закрыт.

— Что ты имеешь в виду? Обычно так играешь ты.

— Именно, — кивнула Смерть. — Ты не я. Ты не...

— Я не что? — Подняв шляпу, он пригладил волосы. — Я не хочу победить? Вот как ты думаешь?

Смерть раздраженно выдохнула и вышла на улицу. Любовь последовал за ней.

— Оставь их в покое. Тебе не нужно этого делать, — сказала она.

Любовь оглянулся на людей, по-прежнему замерших в булочной.

— Ладно. Не буду.

Смерть отпустила время. Булочник изменился в лице. Посмотрел на пистолет, и Любовь слишком поздно вспомнил, что в сердце мужчины еще достаточно опасного яда.

Девушка закричала:

— Пожалуйста, не надо!

Любовь посмотрел на Смерть. Ее глаза побелели, когда булочник прицелился. Как только грохнул выстрел, она была уже внутри. Не успев спасти Грэди, Смерть подхватила его падающее тело. Пуля пробила газету, и теперь на бумаге и типографской краске расплывался алый цветок. Грэди кашлянул кровью, и Смерть осторожно уложила его на пол.

Булочник испустил крик. Его сердце лихорадочно колотилось. Он побежал к девушке, которая тщетно пыталась спрятаться за мешками с мукой и сахаром. Раздался второй выстрел, затем третий.

Любовь закрыл глаза и прошептал:

— Нет...

Несколько секунд спустя Смерть снова стояла около него. Три тела лежали рядом на полу магазина, словно наведенный Смертью порядок мог придать гибели этих людей какой-то смысл. На полу и стенах булочной виднелись брызги крови. Колени Смерти подогнулись. Любовь подхватил ее, восхищаясь тем, какая же она на самом деле крошечная. Смерть подняла на него глаза — все еще подернутые серебристой пленкой, как всегда, когда она кормилась. Вскоре радужки вновь окрасились цветом. Смерть отстранилась и вытерла глаза.

Она сбросила маску Хелен и теперь выглядела полностью собой — красивой, нестареющей, жестокой.

— Моя судьба — это тюрьма. Только это и роднит меня с людьми. Ты единственный из всех нас, кто не чувствует себя заключенным. Я взяла на себя ответственность за эти души, пусть гибель их смертных тел — твоя вина. Нужно заставить тебя почувствовать, каково это, не иметь свободы.

Расстроенная, она исчезла. Любовь знал, что должен последовать за ней, пусть она не сказала, где ее искать. Где-то вдалеке завывала полицейская сирена. И внезапно Любовь понял, куда ему идти.

***

Смерть ждала Любовь на мысе Пресидио, глядя через морской простор на Алякатрас. В лучах заходящего солнца остров на горизонте казался темнеющим синяком. Тамошняя тюрьма — одна из худших в мире, и именно ее Смерть решила ему показать. Пахнувший эвкалиптом бриз взметнул ее волосы. Затем завыл туманный горн, и Смерть почувствовала, что больше не одна.

— Оттуда правда невозможно сбежать? — спросил Любовь, подходя ближе.

— Откуда, из этой тюрьмы? — Учитывая обстоятельства, без такого вопроса было не обойтись.

Любовь кивнул.

— Кто-нибудь пытался?

— Пока что всего один заключенный, чуть больше года назад. — Смерть напряглась, силясь вспомнить. — Его звали Джо^[11]. Однажды он попытался покончить с собой, разбив очки и вонзив осколки в горло.

— Он был душевно болен?

— Подумай о том, где это произошло. Вдобавок он не тронул сонную артерию. Ему не хотелось умирать. Он просто отправлял послание кровью. — Ветер снова разметал ее волосы, и Смерть закинула их за спину.

— Что еще известно о Джо? — спросил Любовь. — Были ли у него друзья?

— Нет, никого у него не было. Даже изгой считали, что он не от мира сего.

— За что он сел?

— Ограбил почтовое отделение на шестнадцать долларов тридцать восемь центов. Дали двадцать пять лет.

— Будь там больше денег, он взял бы больше, — заметил Любовь. — Дело ведь не в сумме, а в самом поступке.

— Он был голоден. — Смерть повысила голос, чтобы перекричать ветер. — Он был голоден и не мог найти работу. Попробуешь угадать, каким был последний образ в его голове?

Любовь покачал головой.

— Его собственное лицо. На которое никто никогда не смотрел. Которого никто

никогда не видел. Которое никто никогда не любил. В его жизни был только один геройский поступок: когда он решил перелезть через стену и сбежать. А потом охрана его подстрелила.

Любовь сглотнул.

— И ты узнала это все по одному прикосновению? Как тебе удастся всех их помнить?

— А как ты помнишь собственные руки? — усмехнулась Смерть.

Любовь достал из кармана плитку шоколада. Отломил квадратик и протянул ей. Смерть положила его в рот, где он начал таять.

— Горькая сладость, — вздохнула она.

— Так и задумано. В шоколаде содержатся те же вещества, которые вырабатывает мозг влюбленного человека. Удивлен, что ты почувствовала его вкус.

Смерть пристально на него посмотрела.

— Снисходительность тебе не к лицу.

Они доели шоколад, когда в бесконечной клетке неба начали загораться первые звезды, по несколько за раз — прекрасные немигающие чудовища.

— Мне жаль, что так получилось, — прошептал Любовь.

Смерть стиснула его ладонь.

— Играй, как пристало тебе, а не мне. Поверь, так проще.

Любовь кивнул. Если бы в ту минуту их увидел человек, он подумал бы, что наблюдает за влюбленной парой под небом, пойманным на крючок растущей луны.

Глава 27

Генри заключил сделку с совестью: если он прочтет пятьдесят страниц учебника по истории, то пойдет в «Домино». Плевать, что он снова вернется поздно и будет слишком усталым, чтобы закончить домашнее задание по математике. Сейчас имели значение другие расчеты, например, как убедить Флору передумать насчет «может, однажды».

Прижимая к груди букет пышных розовых пионов из сада миссис Торн, Генри ускорил шаг. Он стеснялся, волновался и хотел сказать Флоре миллион слов. Но больше всего он хотел сидеть за своим столиком и смотреть, как она поет. Он не станет требовать большего, но должен быть рядом.

На улице было странно тихо. Обычно из клуба доносились звуки музыки, а стремящиеся внутрь пары болтали друг с другом и приветствовали знакомых. Может быть, сегодня просто день такой. Или же — Генри притормозил — полиция устроила облаву и закрыла клуб. Вывеска над входом не горела. Вышибала не стоял в дверях. Что-то было не так.

Генри колотил в дверь, пока не заболели костяшки пальцев. Наконец, когда он уже устал стучать, она открылась и из тени вышел дядя Флоры.

— Клуб закрыт, — уведомил он.

— Закрыт? — переспросил Генри и тут же мысленно себя упрекнул.

— Я знаю, что у тебя нет проблем со слухом, сынок. Иначе ты бы не таскался сюда так часто. Поэтому не вынуждай меня повторять.

Руки и ноги Генри будто одеревенели.

— Закрыт... навсегда? Что произошло?

— На несколько дней, парень. Контрабасиста застрелили, хотя тебя это не касается. Генри затошнило, как будто именно его неприязнь к музыканту стала причиной смерти бедняги.

— А Флора, она в порядке?

Мужчина не ответил.

— Иди домой, сынок. Выглядишь как кошачья блевотина. — И он захлопнул дверь.

Глава 28

Суббота, 15 мая 1937 года

Три дня спустя, после похорон Грэди, группа собралась на заднем дворе дома Флоры. Несколько музыкантов, все еще в костюмах, отвлекались от печальных дум игрой в крокет без правил. Барабанщик Харлан Пэйн и клавишник Палмер Росс сидели за столом и спорили с Флорой и Шерманом.

Несмотря на предшествующее скорбное событие, на свежем воздухе было хорошо. День выдался теплым и солнечным, в воздухе разливался аромат скошенной травы и распустившихся цветов глицинии. Но угрызения совести при этом мучали еще сильнее. В последний раз Флора виделась с Грэди после свидания с Генри. Грэди тогда отвез ее домой, не сказав ни единого слова, и поэтому в тот вечер Флора испытала облегчение. Теперь ее мучила совесть, и она винила в трагедии себя. Ей хотелось сесть в самолет капитана Жирара и покинуть город, начать новую жизнь под иным именем где-то в другом месте. Но она никогда так не поступит, помня о бабушке, которая целиком от нее зависит. Хотя желание никуда не девалось.

— Месяц без работы клубу не повредит, — сказала она. — А у нас появилось время найти нового контрабасиста и как следует все отрепетировать, может, даже выучить новые песни. Разве вам, парни, не хотелось отдохнуть?

— Музыка и есть мой отдых, — вздохнул Харлан. — Мне скучно, когда нечем заняться. — Он побарабанил палочками по столу.

— Так мы будем репетировать, — возразила Флора, — просто без выступлений.

— Знаете, кто действительно хорош? — предложил Палмер, потирая заросший щетиной подбородок. — Новый парень из «Мажестика», как бишь его? Да вы знаете, Пичез Хопсон. Я за то, чтобы мы попытались его переманить.

Шерман чокнулся с Палмером стаканами чая со льдом.

— Дело говоришь.

Что-то потерялось о ноги Флоры: кошка, выпрашивающая еды. Флора кинула под стол кусочек курицы. Кошка тут же его схватила и принялась жевать.

— Эта животина из тебя веревки вьет, — буркнул Шерман.

Охваченная духом бунтарства, Флора потянулась за окорочком и взяла его двумя пальцами.

— Не смей! — воскликнул Шерман. — Это моя любимая часть!

Флора кинула куриную ногу под стол.

— Поверить не могу, что вы всерьез обсуждаете, как бы сманить Пичеза из

«Мажестика». Они ведь наши друзья. Как бы вы отнеслись...

— Они нам не друзья, а конкуренты, — возразил Шерман. — Это бизнес. Док все поймет. И мне казалось, что после того случая с налоговиками мы договорились, что ты сосредоточишься на музыке, а я — на всем остальном.

Флоре не понравилось, что дядя напомнил ей о мистере Поттсе.

— Профсоюз точно не станет молчать, узнав о вашем замысле. — Они все состояли в профсоюзе чернокожих музыкантов. — Лучше нам дать объявление. Можно поместить его в газеты всего западного побережья до самого Лос-Анджелеса. Мы точно найдем желающего и заодно привлечем слушателей. Кроме того, контрабасист — это музыка.

— Разумно, — кивнул Харлан. — Мне бы не шибко понравилось, если бы Док попробовать переманить к себе Палмера или кого-то из близнецов Баркер.

Палмер рассмеялся:

— Кроме нас никто не примет к себе Чета и Ретта. — Чет и трубач Сид Уорк крокетными воротцами пришили руки и ноги Ретта к земле. — Да и Сида тоже, если на то пошло.

Кто-то на улице заглушил автомобильный мотор. Хлопнула дверь. Кошка отбежала.

— Поганая тварь даже окорочок не доела, — пожаловался Шерман. — Бесплезная трата вкуснятины.

Флора невольно улыбнулась и глотнула чая.

— Значит, разместим объявление и поищем контрабасиста в Сиэтле, Сан-Франциско, Лос-Анджелесе. Можно попробовать и в Новом Орлеане, Чикаго и Нью-Йорке.

Шерман потер щеку.

— Звучит так же весело, как стрижка ногтей на ногах ледорубом. Я по-прежнему убежден, что лучше нам переманить музыканта из другого клуба и открыться уже на следующей неделе.

Ведущая во двор дверь распахнулась, и бабушка высунула голову.

— Шерман, — позвала она, — зайди в дом на минутку.

Позади нее виднелся залитый солнцем силуэт. Шерман зашел в дом и захлопнул за собой дверь. Флора прислушалась: дядя, кажется, выставлял за порог коммивояжера. Они всегда пытались продать бабушке энциклопедии, ножи, кисти. Бабушка терпеть не могла отказывать и поэтому просила разбираться с ними Шермана, если тот был дома.

Раздались неразборчивые голоса, а потом отчетливая фраза Шермана:

— Скорее в аду найдешь эскимо.

— О, Шерман, — донесся до Флоры голос бабушки, — ты уверен? Что случится, если ты ему разрешишь?

— Ты ведь знаешь, какова его истинная цель, не так ли?

— Не глупи, Шерман.

«Интересно, что же там предлагает коммивояжер?»

Еще несколько неразборчивых фраз, а потом голос дяди:

— Поговорить с ней? А откуда ты ее знаешь? Так это ты тот парень, который рыскал вокруг клуба? Не признал тебя при дневном свете. А теперь проваливай, пока я на тебе не сорвался.

— Шерман! — Флора поняла, кто там в доме. Ей не хотелось встречаться с Генри, но и не хотелось, чтобы дядя ему грубил. Она взбежала по ступенькам на крыльцо. Генри вроде не из тех, кто ходит по домам и продает всякое барахло. Наверное, он явился по какой-то

иной причине, и поэтому все становилось еще сложнее.

Раскрасневшись, она открыла дверь. Генри стоял в гостиной в чистой рубашке и свежесбрившийся — на подбородке виднелся крошечный порез. Он зачесал волосы назад до блеска, а на полу рядом с ним стоял контрабас.

— Генри, — поздоровалась Флора.

— Этот белый пирожок говорит, что хочет у нас играть, — ввел ее в курс дела Шерман. С каких пор он играет? И с каких пор парни вроде него играют ее музыку?

— Я... я просто узнал, что вы ищете контрабасиста, — сказал Генри. — Это ведь так?

— Да, ищем, — кивнула Флора. — Но...

— Меня интересует эта работа, — перебил ее Генри. — Бейсбольный сезон почти закончился. Я смогу репетировать после уроков. А через месяц закончу школу и начну искать место. — Он повернулся, чтобы открыть футляр с инструментом.

Черная кошка проскользнула в приоткрытую дверь и потерлась о ноги Флоры. Та приложила ладонь к груди, борясь с головокружением. Наверное, слишком много курицы и солнца и мало чая со льдом. Она отогнала кошку, и та переметнулась к бабушке.

— Опять эта кошка, — вздохнула бабушка. — Клянусь, она послана мне на погибель.

Флора покачала головой. Мысль о том, чтобы взять Генри в группу, отдавала безумием. Но на удивление ей хотелось его принять. Непонятно почему, но Флора была уверена, что ей ничего в жизни так не хотелось. Поэтому она обязана сказать твердое «нет». Им обоим только хуже будет, если он сыграет плохо. После такого Флора больше никогда не сможет смотреть ему в глаза.

— Прости, — обратилась она к Генри. — Просто...

— Просто что? Думаешь, я играть не умею? — Он бросал ей вызов, и Флоре хотелось отступить.

— Да не в этом дело.

— Она говорит, — растолковал Шерман, — что это меньшее из зол. Есть еще вопрос твоего возраста. Если тебе уже восемнадцать, то я монашка-жонглер. Придется потолковать с Вагоном на тему, кого он пускает в клуб.

— Флоре нет восемнадцати, — заметил Генри.

— Флора владеет клубом, поэтому на нее правила не распространяются. Иди домой, парень.

— Флора... — Генри расслабил галстук. — Можно мне хотя бы пройти прослушивание?

То, как он произносил ее имя, задевало в душе потаенные струнки. Люди, переживавшие в своей жизни ужас, поняли бы ее чувства. Флора шагнула назад и наступила кошке на хвост. Та зашипела и юркнула во двор.

И Флора произнесла слова, которые ей очень не хотелось говорить:

— Прости, но ты нам не подходишь. — Она отвернулась и, спускаясь по ступенькам, услышала бабушкин голос.

— Может быть, съедите кусочек курицы? Я сама жарила.

Генри вежливо отказался, и его тень на ширме пропала.

***

Он поспешил на улицу, пытаясь не ударить футляром инструмента об углы. Флора даже не захотела его послушать, а такого он себе не представлял и теперь не мог в это поверить. Да, было неслыханной наглостью умолять о прослушивании. Но он талантлив и играл песни Флоры с того самого дня, как впервые увидел ее на сцене. Он так долго репетировал, что на

подушечках пальцев образовались мозоли, а она прогнала его без объяснений.

Он думал, что между ними что-то есть. То, как они встретились в детстве. То, как их дорожки снова пересеклись на взлетной полосе и в парке, словно судьба сама подталкивала их навстречу друг другу. То, что они оба понимали язык музыки. То, как она была в его объятиях, когда они вальсировали на крыше под безлунным и беззвездным, но все равно таким полным света небом.

Между этими минутами с Флорой и тем, как он чувствовал себя с Хелен за семейным ужином у Торнов, существовала огромная разница. Выбрать Хелен было бы правильно по многим причинам, но в том, что имело для Генри значение, этот выбор был ошибочен. И тут появилась эта возможность выступить с Флорой на одной сцене — да, благодаря трагедии, но появилась. И Генри был готов ей воспользоваться. Он предложил свою кандидатуру, а Флора сказала «нет». Как он мог быть таким дураком?

Если ей так угодно, он примет ее решение. Отпустит ее. Даст Хелен еще один шанс. Возможно, он ошибался по поводу любви. Возможно, Хелен научит его любить по-другому.

Он поставил футляр рядом с машиной Итана, открыл заднюю дверь и уже собирался положить инструмент на заднее сидение, когда воробей прочирикал мелодию, над которой Генри так напряженно трудился. Возможно, совпадение или просто игра воображения. Так или иначе, пальцы зазудели. По рукам и груди поползли мурашки, и справиться с ними можно было только одним способом.

Он закрыл дверь машины, вытащил контрабас из футляра, поправил смычок и нашел на обочине лоскуток дерна, в который можно было воткнуть шпиль. Да, он уйдет, но оставит Флоре воспоминание о себе. Он повернулся к забору вокруг ее дома, прижал к себе инструмент и проверил, все ли струны настроены.

Он начал с сюиты Баха, написанной изначально для виолончели, но пригодной к исполнению на контрабасе опытным музыкантом. Хорошая пьеса для разогрева, ненавязчивая и плавная. Не останавливаясь, он перешел к «Саммертайм», соединив два произведения интересным переходом. Этот кусок он исполнил так, словно никуда не торопился, а затем, почти закончив, отпустил смычок и пальцами заиграл джазовое пиццикато.

Генри играл все настойчивее. Он желал, чтобы Флора услышала его и поняла свою ошибку, но музыка его поглотила, и теперь ему хотелось только играть, а не причинять боль.

Время достаточно замедлилось, чтобы он смог превратить свои чувства в ноты. Прядь волос скользнула по лбу, разгоряченная кожа вспотела, но руки оставались легкими и быстрыми. Генри играл так, словно не может ошибиться, что ему суждено судьбой стоять на этой обочине и заниматься тем, для чего он был рожден. Его тело, земля и небо больше не были отдельными материями, а оказались связанными так, как три ноты, из которых можно составить бесконечное множество аккордов.

Генри не заметил, что из-за забора показались лица музыкантов из группы. Мужчины поразились, увидев, кто извлекает из инструмента эти чарующие звуки. Слушая его, они сняли шляпы и в конце концов переглянулись. Никто не проронил ни слова.

Генри играл, пока не доиграл до конца. Рубашка прилипла к спине, а капля пота со лба упала на тротуар. Он поднял глаза и увидел, что нашел слушателей. Флора стояла на крыльце, нервно прижимая руку к груди.

— Генри, подожди, — охрипшим голосом попросила она и поспешила к калитке.

Генри не стал ждать. Он убрал контрабас и смычок в футляр. Положил его на заднее

сидение, закрыл дверь и, не оглядываясь, сел на водительское место, завел двигатель и поехал домой.

Глава 29

Суббота, 5 июня 1937 года

Контрабас Генри нетронутым стоял в гараже целых три недели. Заключив временное перемирие с математикой, Генри лежал на кровати, подложив руки под голову, и изучал трещину в потолке, когда в дверь постучал Итан. Генри не стал отвечать; Итан в любом случае вошел бы.

— Как думаешь, старик или медвежья задница? — спросил Генри.

Итан недоуменно на него посмотрел, и Генри указал на потолок.

— Определенно, медвежья задница. — Итан закрыл учебник Генри и отодвинул его в сторону, чтобы присесть на стол. — Однажды тебе придется встать.

Генри хмыкнул. Однажды. Это слово теперь казалось безнадежно испорченным.

В недели, прошедшие после отказа Флоры, Хелен была к нему добра. Она взяла в привычку приносить Генри тарелки с едой и сидеть у него в комнате, пока он ел. Генри льстил ее интерес к нему, его жизни и его мнению по поводу разных важных вещей. Он не жаловался на ее бутерброды. Пока что ему не хотелось переходить к поцелуям, но, возможно, в конце концов это случится.

Он заставлял себя ходить в школу и играть в бейсбол. Ему повезет, если удастся сдать грядущие экзамены, а на площадке его уже перевели из основного состава на скамейку запасных. Когда он рассеянно шел по школьным коридорам, ученики расступались, словно разбитое сердце — это заразно.

Вчера, когда Генри выходил из часовни, его позвал директор.

— До меня дошли тревожные сведения, — сказал мистер Слоун, почесывая жидкую бородку прокуренными пальцами. — Мы ожидали от тебя более значительных результатов, чем ты показываешь в классе и на площадке.

Желудок Генри сжался.

— Простите меня, сэр, я постараюсь исправиться.

— Как высоко взнеслась его решимость!^[12] — У мистера Слоуна были припасены цитаты из Шекспира на все случаи жизни. Он кашлянул в ладонь и похлопал Генри по плечу. — Дашь знать, если что-то не так? Если тебе нужна помощь? Может, новая бритва?

— Конечно. — Генри отказывался сбривать едва пробившиеся усики.

— До окончания школы осталось всего ничего, мистер Бишоп. Знаю, с неуверенностью трудно бороться, но прошу вас не терять сосредоточенность перед финишной прямой. — Мистер Слоун расправил плечи и протянул Генри руку.

Генри ее пожал.

— Не буду, сэр. Спасибо, сэр. — Он не мог себе представить, что просит у директора совета в сердечных делах.

«Видите ли, сэр, есть одна девушка, которая поет в джазовой группе, и я хотел устроиться к ним контрабасистом, но у нас с ней разный цвет кожи, поэтому она отказала, и

после этого в моей груди возникла черная дыра, которая медленно всасывает в себя мою душу».

Мистер Слоун был знатоком литературы, а не жизни. В любом случае невозможно представить взрослого человека страдающим от несчастной любви.

— Рад слышать, Генри, рад слышать. Потому что нам совсем не хочется лишиться стипендии так близко к выпуску.

От предупреждения у Генри мороз пошел по коже. Он отставал по многим предметам, возможно, безнадежно. Он помогал Итану с письменными работами, но никак не мог написать свои, а вместо этого рисовал на листах, раскидывал их по столу и засовывал в книги.

Итан скомкал лист дорогой папиросной бумаги и кинул получившийся шарик в Генри.

— Видишь? — сказал он, когда Генри его поймал. — Все с тобой нормально, можешь вставать. Между прочим, я тут узнал о новом клубе. Там играют джаз.

Генри спрятался под подушкой.

— Только не говори, что бросаешь музыку, — предупредил Итан. — Закрытие старого доброго «Домино» не означает, что больше нигде послушать джаз. Джеймс говорит, что новый клуб ничем не хуже. — Итан всегда делал паузы, когда упоминал свой источник в Гувервилле.

Генри убрал с лица подушку и приподнялся на локте.

— Значит, Джеймс так сказал?

Итан напустил на себя безразличный вид, и Генри не понял, что именно друг скрывает.

— Статья получилась несколько сложнее, чем я думал. Отец не дает мне времени, но я хочу довести дело до ума. Поэтому я взял у Джеймса еще несколько интервью, и мы немного узнали друг о друге, в личном смысле. — Итан подошел к окну и выглянул на улицу. Генри мог бы поклясться, что кончики его ушей покраснели.

В последние несколько недель Генри почти не думал о вечерних прогулках Итана. Он полагал, что друг ездит в «Гатри» или в какую-нибудь закусочную для полуночников вроде «Золотой монеты». Итан явно пахал как вол, и Генри еще сильнее мучила совесть за уклонение от работы.

— Не могу, — отказался он. — Мне столько всего нужно нагонять.

— Слушай, — Итан повернулся к Генри, — ты мне так и не сказал, что тебя гложет, поэтому я ничем не могу тебе помочь. Но ты уже несколько недель не играл на контрабасе и не слушал музыку, а она для тебя как вода для растений.

— Что ж, я по ней скучаю, — признался Генри. — Но с чего ты так заинтересовался музыкой? Раньше мне приходилось чуть ли не силком тащить тебя на концерты.

Итан потупился и почесал затылок, словно выгадывая время.

— Знаешь, музыка мне всегда нравилась. Может, я и не играю, но зато постоянно слушаю радио. — Он пригладил волосы. — Работая над статьей, я в том числе обсуждал с Джеймсом и музыку, и он как-то раз сказал, что хотел бы сходить что-нибудь послушать, поэтому я его пригласил пойти с нами. Надеюсь, ты не против.

— Конечно, не против. — Генри замолчал, не в силах представить, почему Итан так стеснялся своего нового друга. Возможно, потому что тот жил в Гувервилле. Внезапно в голову пришла мысль. — А у нас найдется для него костюм?

— А, это. — Итан снова уставился в окно. — Джеймс сказал, что у него все есть. Только давай не будем говорить Хелен, ладно?

В коридоре скрипнула половица.

— Что вы тут собрались от меня утаить? — Хелен прислонилась к косяку и принялась подпиливать ноготь указательного пальца. — Мне показалось, вы тут что-то замышляете. С вами уже несколько недель скучно, как на кладбище. Если мне придется начищать еще один подсвечник вместе с твоей мамой, Итан, я кого-нибудь убью. — Она отставила палец, чтобы полюбоваться результатом.

Итан бросил взгляд на Генри.

— Мы хотим удостовериться, что тебе там понравится, прежде чем тащить тебя туда.

Не знай Генри своего друга, он бы поверил в эту ложь. Происходило что-то неладное, что-то, открывающее в Итане уязвимые места. Генри поднял бумажный шар и принялся разглаживать бумагу. Было бы галантно пригласить и Хелен тоже, но между дружбой и обходительностью он всегда выбирал первое. Генри продолжил тереть лист, зная, что битва уже проиграна.

Хелен закатила глаза:

— Я ничего не боюсь. Уже стоило бы понять. — Она занялась следующим ногтем, и несколько секунд тишина в комнате нарушалась только шуршанием пилки.

Итан потер руки, словно чтобы их очистить.

— Тогда договорились. Поедем все вместе. Ты как, Генри?

Генри кивнул. Его удивило, что Итан поддался, но с другой стороны, друг всегда был джентльменом.

— Как здорово! — Хелен повернулась к лестнице и напоследок посмотрела на парней через плечо. — Знатно повеселимся.

Оставшись один, Генри положил смятый лист бумаги на стол, понимая, что с ним уже ничего не сделаешь, но не в силах его выбросить. Он положил лист в книгу, зная, что и это не спасет положение, но по крайней мере бумага больше не будет мозолить глаза.

Глава 30

Позже тем вечером, разделавшись с последними упражнениями по математике и дописав эссе, в котором сравнивал Афины и Спарту с Севером и Югом в Гражданской войне, Генри впервые за три дня побрился. Он не спеша взбил мыльную пену, размазал ее по подбородку и шее и начал водить опасной бритвой. На шее пульсировала жилка яремной вены. Всего лишь тонкий слой кожи отделял ее от лезвия. Один порез — и прощай жизнь. Но Генри ни за что это не сделает. Одно дело грустить так, что хочется умереть, и совсем другое — лишиться разума настолько, чтобы покончить с собой. При этой невеселой мысли ему стало лучше, а то, что он собирался слушать музыку, было достаточным доказательством его отличия в этом смысле от отца.

Закончив бритье, Генри смыл остатки пены с ушей и шеи и нанес на щеки лосьон после бритья. Затем оделся, навел порядок на столе и выглянул в окно. Днем было облачно, и закат казался медленным погружением во мрак. Ущербная луна бледным серпом проглядывала из-за туч. Собирался дождь, но это в Сиэтле не редкость. Небо долгие дни могло вынашивать грозу.

Итан вышагивал у подножия лестницы, сясь застегнуть запонки.

— Помочь? — предложил Генри.

— Что? Нет. — Итан поднял глаза. — Просто расходую энергию.

— Смотри всю не израсходуй. — Хелен вышла из комнаты в белом платье, подчеркивающим все достоинства ее фигуры. Руки до локтя обтягивали черные атласные перчатки, а на плечах лежала горжетка, причем изготовитель оставил голову животного на месте. Потайная застежка соединяла пасть и хвост, а вставные глаза жестоко сверкали. Генри был рад, что вымылся. Он предложил Хелен руку. Спускаясь рядом с ней по лестнице, он уловил аромат ее духов и вспомнил, почему этот запах ему неприятен: на скромных похоронах отца из цветов были только лилии. Генри так и не понял, разорение ли было причиной того, что бывшие друзья отвернулись от отца, или же его самоубийство. Но с тех пор лилии всегда напоминали ему об отчаянии.

Было бы намного проще, если бы он хотел Хелен. Но хотя ее кожа была светлой и гладкой, а в декольте виднелись изящные ключицы, это лишь напоминало ему, что под плотью скрывается скелет. Ему хотелось любви, но при взгляде на Хелен в голову шли только мысли о смерти.

— «Мажестик» не очень далеко, — сказал Итан. — Можно даже дойти пешком, но сначала нам надо кое-кого забрать.

— Девушку? — поинтересовалась Хелен. — У Итана появилась подружка?

Итан покачал головой и усмехнулся:

— Что, хочется о чем-то посплетничать с моей матушкой? Но нет, это деловой контакт, связанный с газетой. Хотя вряд ли ты поймешь. Я работаю с ним по заданию отца. Можешь у него спросить, если хочешь.

— Не то чтобы я не могла понять, мне просто совершенно неинтересно. — Хелен открыла сумочку и вытащила сигарету из серебряного портсигара.

— Здесь не курят, — предупредил Итан. — Ты знаешь, что скажет мама.

— А Итан никогда не делает того, что не понравится родителям. — Хелен отняла от губ незажженную сигарету. — Идеальная марионетка. Сядь, Итан. Иди сюда, Итан. Поклонись нам, Итан.

— В машине тоже нельзя курить, — продолжил Итан, игнорируя ее слова. — Еще прожжешь обивку.

Хелен закатила глаза и убрала сигарету в портсигар. На фильтре остался отпечаток красной помады, что показалось Генри одновременно отталкивающим и притягательным.

Вечерний воздух был влажным и прохладным, и, вдохнув его, Генри почувствовал, что в голове проясняется. В тусклом лунном свете, пробивающемся сквозь облака, Хелен выглядела как ожившая картина. Генри только не понимал, приятно ли ему на нее смотреть или тревожно.

— Что еще мне сегодня нельзя делать? — поинтересовалась Хелен.

— Тебе весь список огласить? — фыркнул Итан. — Развивай воображение.

— О, оно у меня и так неплохое. — Она подождала Генри и потянулась к нему, но Итан вклинился между ними и повел ее к задней дверце.

— Генри, ты ведь не против поехать впереди?

— Совершенно не против. — Генри ценил, что Итан пытается его жалеть, но не был уверен, что нуждается в жалости. На заднем сидении Хелен играла с зажигалкой, то зажигая огонь, то гася. Генри ожидал, что она закурит, но Хелен не стала.

Она никак не хотела оставлять Итана в покое.

— За кем мы едем? Я его знаю?

— Нет. — Итан включил радио. Передавали новости о том, что Невилла Чемберлена избрали премьер-министром Великобритании.

— Фу, какая скукота, — запротестовала Хелен.

— Это международные новости, Хелен. Полезно интересоваться событиями, формирующими будущее человечества.

— Я уже на тысячу жизней вперед наслушалась, — надулась Хелен.

Генри посмотрел в окно, желая остаться в стороне от перебранки. Итан выключил радио. Впереди показался Гувервилль, освещенный кострами, от которых в воздухе разливался густой запах горечи. Итан остановился. Из темноты вышел Джеймс Бут в чистом сером костюме. Так мог бы выглядеть любой из их одноклассников. Возможно, сейчас у него появились деньги, и Генри совершенно точно знал, откуда. Итан вышел и пожал Джеймсу руку. Открыл заднюю дверь, и Джеймс, широко улыбаясь, сел рядом с Хелен.

— Это шутка, что ли? — Хелен посмотрела на Джеймса как на бродячего пса.

— Не будь снобом, Хелен, — пожурил ее Итан. — Это мэр Гувервилля. Родись он в богатой семье, мог бы через несколько лет стать мэром Сиэтла. Он прирожденный политик и генератор умных идей.

В зеркале заднего вида Генри увидел, что Хелен закурила сигарету и выдохнула дым Джеймсу в лицо.

— Хелен, — Джеймс протянул ей руку, — Итан так много о вас рассказывал.

— Забавно, а о вас ни слова не говорил. — Хелен едва коснулась кончиков его пальцев. Пепел с зажженной сигареты угрожал упасть ему на ладонь.

— В истории у вас имеется знаменитая тетка, — сказал Джеймс. — Из-за ее красоты в бой отправилась тысяча кораблей. Из-за вашей точно сразилась бы дюжина, и это комплимент. Современные военные корабли значительно больше древних. — Он забрал у Хелен окурочек и затушил его в пепельнице. — Вот так. Не хочется что-либо поджечь.

— Посмотрим, — усмехнулась Хелен.

Генри глянул на Итана, думая, а не встречались ли Хелен и Джеймс раньше. Их взаимная неприязнь казалась странно знакомой.

— Хелен, веди себя прилично, — одернул ее Итан. — Да, у Джеймса немного денег, но у него есть идеи и дар убеждения, которые в современном мире можно назвать богатством.

— О, для таких, как он, у меня уйма названий, — фыркнула Хелен.

— Так перечислите. — Джеймс откинулся на спинку сидения и взялся руками за голову, словно наслаждаясь унижением. — Я весь внимание.

Хелен смерила его взглядом.

— Для начала, моя тетка из вашей истории предала своего мужа.

— Согласно тем мифам, которые я читал, она была дочерью богини, которую у мужа похитили.

— Но она ничуть не возражала.

— Вы это своими глазами видели?

— А что, если да?

— Тогда я скажу, что вы неплохо сохранились.

— Как мило с вашей стороны это заметить, — ядовито отозвалась Хелен. — И в продолжение истории, после того, как муж ее вернул, она долго не прожила. Смерть

жестока к влюбленным, не так ли?

— Любовь ужасна, если из-за нее начинается война на десять лет, — вздохнул Итан. — Что в сравнении с войной предательство.

Генри жалел, что мало знаком с этой историей. Мифологией и философией всегда больше интересовался Итан. Однако стоило признать правоту Итана: Джеймс оказался весьма умным человеком.

— Нет такого понятия, как ужасная любовь, — возразил Джеймс, подвигаясь ближе к Хелен.

— Вся она ужасна, — отчеканила Хелен, отодвигаясь от него.

— Мне на ум идет кое-что похуже, — почти что прошипел Джеймс.

Они успокоились, когда Итан вежливо кашлянул и вновь включил радио. Генри с облегчением вздохнул. Новостная программа закончилась, и теперь ведущий рассказывал историю о женщине, ее служанке и любви, которая стала возможной благодаря мылу «Айвори».

— О, а вот и реклама про тебя, Хелен, — усмехнулся Итан и процитировал песенку: — «С нашим мылом Хильда не похудеет, но сердце Генри покорить сумеет».

— Хильда! — воскликнула Хелен. — Надо написать на радио возмущенное письмо, чтобы они исправились. Или так, или Генри придется объяснить, что это за Хильда.

Они приехали в «Мажестик». Генри думал, что поведет Хелен внутрь, но Итан и Джеймс обступили ее с двух сторон, оставив его одного.

Ну и хорошо. Они дали ему шанс перевести дух и повнимательнее рассмотреть освещенный вход и грозовое небо. Вышибалы не было, поэтому Хелен, Джеймс и Итан сразу вошли внутрь, а Генри остался на тротуаре, радуясь, что может пару минут побыть один. Воздух пульсировал энергией, и будь Генри ребенком, он непременно захотел бы пробежаться по улице, вопя во все горло, просто чтобы избавиться от возбуждения. А сейчас, как бы это желание движения ни досаждало, оно помогало справиться с печалью.

Начался дождь. Едва на лицо Генри упали первые капли, в воздухе что-то изменилось. Генри платком утер капли с лица и глубоко вдохнул, наслаждаясь загадочным ароматом мокрой земли. По тротуару раздались легкие шаги. Он повернулся и увидел ее.

— Флора. — Генри шагнул к ней, но тут же взял себя в руки. Она стояла одна под черным зонтом.

— Генри. Я... — Она закрыла рот, и по ее виду было ясно, что больше всего на свете ей хочется исчезнуть.

Спустя секунду она отвела взгляд, а Генри понял, что готов позволить ей миллион раз разбить ему сердце, если она взамен разрешит каждый день видеть ее лицо.

— Что ты там застрял, Генри? — В дверях «Мажестика» стояла Хелен и поглаживала голову горжетки. — Мы все тебя ждем.

Генри сглотнул и сказал Флоре:

— Прости.

Он вошел в клуб, зная, что она идет следом и наблюдает за ним, но не мог себе позволить оглянуться или снова с ней заговорить. Он пришел сюда с Хелен и отнесется к ней с уважением. А еще он не подпустит к ней Флору, ведь Хелен может сказать что-то не то. Да и Флоре он не нужен, поэтому лучше сохранять достоинство и держаться от нее подальше.

***

Генри хотелось раствориться в музыке. Группа исполняла сложную композицию в размере пять четвертей в рваном ритме, которому казалось безумно тяжело следовать. Но Хелен и Джеймс опять завели разговор о Троянской войне и жертвах предательства Елены: гибели Ахилла и его возлюбленного Патрокла, самоубийстве Аякса, бесконечном странствии Одиссея. Они перекрикивали музыку, а мрачный Итан изредка вмешивался, чтобы охладить их пыл.

— Этих людей сгубила любовь, — настаивала Хелен.

— Их убила война. Война. — Джеймс допил свой коктейль. — Война — это орудие смерти.

— Но война началась из-за любви. — Хелен взяла сигарету и наклонилась к Итану за огоньком.

— Вы говорите о любви так, словно она корень всех зол, — заметил Джеймс.

— А у вас не вышло доказать, что это не так. — Генри удивился, увидев в ее лице одновременно обиду, злость и страх. Что случилось с Хелен, что она так себя чувствует?

Итан подал знак официанту, чтобы тот принес еще коктейлей, но Хелен покачала головой:

— С меня хватит. — Она встала.

— Хелен, ну не будь такой, — сказал Итан. Генри хотелось поддержать друга, но он не смог.

— Какой? — отозвалась Хелен. — Это просто дружеский спор. Мистер Бут считает, что любовь — это нечто волшебное, а я утверждаю, что она — скорейший путь к смерти.

— Рад, что вы с кузеном расходитесь во мнениях, — заметил Джеймс.

— Д-давайте послушаем м-музыку, — заикаясь, предложил Итан, но Хелен была непреклонна.

— Спасибо, что познакомил с другом. — Она взяла сумочку. — Он очарователен. Но мне пора домой.

Итан встал. Джеймс положил руку ему на плечо.

— Я о ней позабочусь. Чувствую, что это я повинен в столь неловкой ситуации.

— Позвольте мне. — Генри встал.

— Нет, я ее отвезу, — сказал Итан. Официант бросился к ним, словно боясь, что компания уйдет, не заплатив.

— Сядьте, оба, — велела Хелен. — Меня может проводить мистер Бут, хотя я сомневаюсь, что ему есть чем заплатить за такси.

— Есть-есть, верите или нет, — кивнул Джеймс.

Генри попытался отойти от стола и проводить Хелен, но ноги словно приросли к полу. Забавное ощущение. Он глянул на Итана, который пожал плечами и отпил коктейля. Хелен и Джеймс, продолжая пререкаться, вышли из клуба.

— Забудь о них, — вздохнул Итан. — Устроили тут балаган. Хелен всегда портит все веселье, всю жизнь так. Прости, дружище.

Потрясенный Генри плюхнулся на стул рядом с ним и залпом допил свой напиток. Какой странный вечер, странный и ужасный.

На другом конце зала он заметил Флору. Она только что поставила пустой бокал шампанского и заметила, что Генри на нее смотрит. Но как только он улыбнулся и помахал, закрыла глаза. Но он не расстроился, поскольку имел возможность смотреть на нее, и для нее это что-то значило. Она так красива, когда поет. Так красива. И никогда не будет ему

Глава 31

Обреченные провести вечность вместе, Любовь и Смерть никогда не действовали как союзники. Но покидая «Мажестик», они преследовали одну цель — удержать людей внутри клуба, пусть и каждый по своим причинам. Смерть замедлила ход времени, а Любовь повлиял на сердца Генри и Итана, чтобы те послушно остались на своих местах. Выполнив эту миссию, Любовь и Смерть снова встали по разные стороны баррикад.

— То, что ты творишь с этим парнем, — сказала Смерть, — просто позорно и безответственно.

— С Генри? Это ты играешь с ним, как кошка с мышью.

— Я имела в виду Итана, — прошипела она. — Не думаешь, что он уже на грани?

— Я веду Игру. Итан любил Генри. Теперь он любит меня. Ты же рвешься убивать. Это ужасно. Никогда в истории Игры...

— Не думаю, что ты вправе предъявлять такие обвинения, — перебила Смерть. — Я взяла на себя те смерти, чтобы избавить тебя от этой ноши. Для нее ты недостаточно силен.

Любовь притих, и Смерть продолжила уже мягче:

— Зато я пока не преуспела в любовных делах. Генри почти на меня не смотрит. Только подумать, а я ведь сделала ему по меньшей мере тридцать семь бутербродов.

Услышав это признание, Любовь рассмеялся, и Смерть вместе с ним. С неба полило еще сильнее. От плеч обоих валил пар, смешиваясь с ночным туманом. Любовь обнял Смерть за плечи.

— Иди домой. Обсушись, выпей чего-нибудь теплого.

— Домой — это куда? — уточнила она.

— К Итану, конечно. Если ты сейчас исчезнешь, Джеймсу Буту прямой путь на виселицу.

— Не искушай меня. — Ее веселье обрадовало Любовь, пусть Смерть ликовала по поводу его возможной гибели. — Но я не могу отправиться домой сразу. Сначала нужно кое-что сделать. — Ее глаза потемнели, и она исчезла, прежде чем он успел спросить, что именно.

Стараясь не тревожиться поспешным уходом Смерти, он подошел к машине Флоры. Сначала подумал открыть капот и вытащить какую-нибудь важную деталь — испачканную маслом шестеренку или один из этих искрящихся поршней, благодаря которым железное чудовище ревет. Но для того, чтобы замысел сработал, повреждения должны быть видимыми.

Остерегаясь свидетелей, Любовь изменил внешность. Теперь его брюки и пиджак были черными, как и шляпа, скрывающая светлые волосы. Любовь вынул из кармана складной нож — в Гувервилле все носили оружие — и по очереди проколол все колеса. Стоя на мощеной бульжником мостовой, он несколько минут понаблюдал, как из шин выходит воздух. Когда дождь полил еще сильнее, Любовь поднял лицо к звездам, которые всегда есть в небе, даже когда их не видно. Звездам, которые пылают и сгорают в холодном одиночестве космоса, рассеивая тьму так долго, как могут.

Флора услышала все, что нужно. Пичез играл неплохо, но недостаточно хорошо для «Домино», по крайней мере в долгосрочной перспективе. Возможно, получится уговорить Дока иногда одалживать им контрабасиста, пока они ищут нового постоянного участника в группу. Флора решила завтра же дать объявления и впервые со дня смерти Грэди почувствовала себя хорошо. Ясность решения в сочетании с пузырьками шампанского в животе подарила ей смелость — ту самую дерзость, с которой она выписывала петли над озером Вашингтон.

На пути к выходу она прошла мимо столика Генри. Его спутница куда-то ушла — вероятно, в дамскую комнату. Флора до последнего притворялась, что не замечает Генри, но когда он поднял на нее глаза, остановилась и наклонилась к его уху, положив руку в перчатке ему на плечо.

— Он хорошо играет, — прошептала она. — Но до тебя ему далеко.

Ее губы коснулись уха Генри. Флоре хотелось задержаться подольше, вдыхая его аромат, или даже повернуть его за подбородок к себе и поцеловать в губы, всего один раз. Но она не стала. Этому не суждено случиться. Никогда.

Флора забрала из гардероба пальто и вышла на улицу. Дождь лил как из ведра, поэтому она сразу раскрыла зонт и уже почти дошла до машины, когда заметила нечто ужасное: все четыре колеса спустило. Несколько минут Флора смотрела на автомобиль, не зная, что делать дальше: поймать такси или дойти до дома пешком. Прогулка обойдется бесплатно. Едва она решилась отправиться в путь, сзади раздались шаги. Оглянувшись, она увидела Генри, Итана и парня примерно их возраста. Девушка куда-то подевалась.

— Похоже, у тебя колесо спустило, — сказал Генри.

— А то и все четыре, — ответила она.

— Мы на машине, можем подвезти, — предложил он. — Вообще без вопросов.

— Нет, спасибо, я лучше пройду.

— Флора, уже почти полночь, и дождь идет. Ты до нитки вымокнешь.

— Чепуха. — Она подняла зонт повыше и прижала к себе сумочку. Идти всего пару километров. Даже на высоких каблуках прогулка займет не больше двадцати минут. Да и после ее признания садиться к ним в машину было бы опасно.

— Позволь нам тебя подбросить. — В глазах Генри светилась мольба.

— Спасибо, но нет. — Она развернулась и зашагала в сторону дома. Туфли придется выбросить, и сама она умрет от простуды, зато сохранит гордость. Этого ей достаточно. Желая поскорее уйти от Генри, она ускорила шаг.

Смерть не стала возвращаться в особняк Торнов, а обернулась черной кошкой и жалобно мяукала, пока старушка не впустила ее в дом. Бабушка Флоры аккуратными стежками шила лоскутное одеяло. Игра игрой, но время этой женщины пришло, и никто, даже Любовь, не станет обвинять Смерть в ее убийстве. Старушка почти закончила одеяло, которое лежало на столе перед ней: буйство красок и лоскутов, годами вырезаемых из старых платьев и мешков из-под муки, теперь казалось упорядоченным и напоминало цветущие хризантемы.

Отчасти кошачья душа Смерти хотела броситься на стальную иголку и продетую в нее нить, которая змеилась по пальцам швеи. Смерть не поддавалась бы этому желанию, но все равно подкралась ближе и уставилась на бабушку Флоры своими загадочными черными глазами.

— Вижу, что ты там, смотришь на меня, — сказала Марион. — Не думай, что я этого не знаю.

Смерть лизнула лапу и почесала себя за ухом.

— Когда доживаешь до моих лет, — пробормотала Марион, заканчивая еще один маленький стежок, — лучше видишь суть всего.

Смерть опустила лапу.

— Конечно, нет смысла об этом говорить. — Марион внимательно оглядела результат своего труда и сделала еще несколько стежков. — Люди сочтут, что у тебя не все дома, если ты им расскажешь. Не ожидала, что ты будешь в таком облике, хотя была готова разmozжить тебе черепушку, если ты как-то навредишь моей Флоре. Разmozжить черепушку, слышишь? Может, даже вот этой лампой. — Она указала на тяжелую медную лампу в виде свистящего мальчика.

Махнув хвостом, Смерть подошла к креслу у окна, в котором Марион часто ждала возвращения Флоры домой. От кресла пахло старостью — сладковатый пудровый аромат. Смерть с легкостью обернулась человеком, чей облик, как она надеялась, порадует Марион.

Старушка выронила иглу.

— Вивиан?

— Нет, просто та, кто ее помнит. — Смерть пригладила складки платья — точь-в-точь такого же, как то, что было на дочери Марион, Вивиан, в ночь ее гибели. — Считайте это подарком вам.

— О да, это подарок, — судорожно выдохнула Марион. Приподняла очки и смахнула набежавшие слезы. — Рада, что не только я ее помню. Но от этого, конечно, еще хуже. Когда умирает ребенок, никто не хочет берeditь матери душу разговорами о нем, а потом, когда до матери это наконец доходит, время уже прошло и все забыли. Все, кроме тебя. — Она сняла очки, уже не пытаясь остановить слезы. — Позволь мне минутку тобой полюбоваться. — Найдя иглу, Марион закрепила ее в рукоделии. Вытерла лицо и прикрыла рот ладонью, сдерживая всхлип. Какое-то время помолчав, она произнесла: — Я так скучала по тебе, дитя мое.

Смерть не шевелилась, едва вынося эту сентиментальную часть. Но ничего, осталось недолго.

— Ты бы гордилась дочкой, — сказала Марион. — Она уже взрослая. Такая независимая. И поет, но не так, как ты, а по-другому. А еще она летает на самолете и мечтает перелететь через океан, хотя я знаю, что это верная смерть. — Она осеклась, вспомнив, с кем говорит. Надела очки и, приподняв одеяло, спросила: — Если можно, один

пшкурный вопрос: могу я закончить шитье? Осталось совсем чуть-чуть.

Смерти очень хотелось слегка изменить внешность, чтобы выглядеть не полной копией Вивиан, а скорее походить на ее несуществующую сестру. В такие минуты принимать облик близкого умирающему человека казалось несколько назойливым. Но Смерть сдержала этот порыв, не желая убивать в старушке надежду.

— Шейте, конечно, — кивнула она. — Я вам не помешаю.

— Спасибо. Терпеть не могу незавершенные дела. — Марион воткнула иголку в ткань и снова подняла глаза на Смерть. — Знаете, у вас не получилось передать цвет ее глаз.

— Так и есть. — Смерть пожала плечами. — Моя задача требует особого видения, поэтому глаза всегда остаются неизменными.

Женщины сидели в тишине, пока минутная стрелка часов на каминной полке не сделала еще один полный оборот. Полночь. Раздался первый из двенадцати ударов. Марион вздохнула.

— Разумная женщина уже бы десятый сон видела, но я как знала, что должна сегодня закончить рукоделие. Точно знала. — Под бой часов она сделала еще три стежка, вновь остановилась и приложила руку к сердцу. — Я знала, что ты придешь. Сердцем чуяла.

— Поздно уже, — сказала Смерть на третьем ударе часов и положила руки на подлокотники, готовясь встать.

— Я так и не закончу. — Марион окинула взглядом одеяло: миллионы крошечных стежков, воплощающих миллионы минут, которые никогда не вернуть.

Смерть покачала головой.

— Жизнь, в которой все дела закончены — слишком осторожно прожитая жизнь. — Смерть верила в то, что говорила. Она бы никогда и никому не стала лгать в такой обстановке. — Идем.

Марион глянула на дверь, и Смерть нахмурилась.

— Шерман не придет, как и Флора. А если вы побежите, я вас все равно догоню.

— Да не в этом дело, — сказала Марион почти с улыбкой. — Побежать... подумать только! Я просто пыталась представить, как это воспримет Флора. Может, есть какой-то способ...

— Увы, нет. — Смерти действительно было по-своему жаль. Она не могла избавиться от тела — от этого Флоре стало бы только хуже.

На десятом ударе часов Смерть встала. Остановив время для всех, кроме себя и Марион, она, все еще в облике Вивиан, пересекла уютную гостиную. На нее нахлынули непрошенные воспоминания о жизни Вивиан, и Смерть с горечью поняла, что Флора была слишком маленькой, чтобы запомнить мать. Марион в последний раз провела руками по одеялу, пересела на диван и хлопнула по месту рядом с собой.

— Посиди со мной немножко, — попросила она.

Усевшись на диван, Смерть почуяла запах души Марион, и на нее накатила ужасный голод.

— Как это работает? — спросила Марион.

Смерть взяла ее за руку. Марион обняла Смерть за плечи и наклонилась к ней, коснувшись лбом лба. В это мгновение воспоминания хлынули буйным потоком, и матери, и дочери, разделенные, но сшитые вместе...

И тут глаза Смерти побелели: жизнь Марион устремилась в нее, утоляя бесконечный голод, пока Смерть не почувствовала, что вот-вот лопнет.

С коротким «О!» Марион испустила дух. Тело обмякло. Смерть высвободилась из объятий покойницы и уложила тело на диван. Подложила под голову подушечку для иголок, сняла со старушки все еще теплые тапочки и аккуратно поставила на пол. Сняла с Марион очки, но глаза оставила открытыми.

Смерть посмотрела на одеяло, затем на часы и снова на одеяло. Взяла иглу, замороженная тем, что такой маленький острый предмет способен соединить так много лоскутов. Смерть вдохнула успокаивающий запах хлопка, детской присыпки и пчелиного воска, которым Марион натирала нить.

Смерть принялась за шитье, сначала с непривычки медленно, но потом, когда немного набила руку, все быстрее. Затем, так же внезапно, как начала шить, она встала и вновь запустила время. Часы пробили последние три удара, и Смерть исчезла.

Глава 34

Генри взял из «кадиллака» зонт и помахал на прощание Итану и Джеймсу, решив пойти за Флорой и проследить, чтобы она без помех добралась домой. Если он будет идти за ней шаг в шаг, она даже ни о чем не догадается.

Ему нравилось смотреть, как она идет, как зонт лежит на ее плече, как юбка обвивает ноги, как уверенно стучат каблук по тротуару. Цок-цок-цок в ритме сердца, приглушенные нежным шепотом дождя.

Время от времени Флора то замедляла, то ускоряла шаг. Генри давно привык подстраиваться под ритм других музыкантов, поэтому ему не составляло труда выдерживать ее темп. Но, миновав несколько кварталов, Флора остановилась, чем несказанно его удивила. От гаража отдалось эхо его собственных шагов. Флора стояла, словно прислушиваясь, и Генри ждал, что она обернется. Но она не стала.

Когда Флора пошла дальше, Генри последовал за ней, но, пройдя немного, она исполнила танцевальное па, которое он не сумел повторить. На этот раз, услышав его шаги, она повернулась.

— Мне показалось, что я слышала тень.

— Самую шумную из теней за всю историю. Извини, если напугал.

— Должно быть, ты спутал меня с какой-то другой девушкой, которая может испугаться прогулки.

— В полночь? Под дождем?

Флора высунулась из-под зонта и изобразила, что капли дождя ее ранят.

— Можешь так и идти следом, а можешь пойти рядом. Правда, сегодня у меня нет с собой имбирного пряника.

Она помнила тот день из детства, когда в город прибыл Чарльз Линдберг! От удовольствия Генри забыл о своей обиде. Не время помнить о ней, шагая рядом с Флорой, думая о ее голосе, умирая от желания узнать ее мнение о сегодняшнем концерте. В жизни Генри не было никого, с кем можно было обсудить значение музыки. До этого дня он и не понимал, как жаждал подобного общения.

Зонтики столкнулись, обдав хозяев ливнем капель, и Флора рассмеялась.

— Под моим хватит места для двоих. Иди сюда.

Она приподняла зонт, а Генри закрыл свой. Флора взяла его под руку. А она не такая высокая, как ему запомнилось. Ее макушка на пару сантиметров не доходила до его плеча. Но у нее все равно идеальный рост. Генри мог бы легко обнять ее за талию...

— Что, язык проглотил? — Флора подняла на него глаза.

— Проглотил? — Как хорошо, что она не умеет читать мысли. — Что думаешь о сегодняшнем концерте?

— Один из лучших контрабасистов на моей памяти, но не самый лучший.

Сердце Генри забилося быстрее, но тут они повернули на улицу, где жила Флора. Генри хотелось узнать, кто же лучший, хотелось, чтобы лучшим по ее мнению оказался он, и от этих мыслей ему стало неловко.

— О-о-о, стой! — воскликнула Флора. — Слушай — полночь.

Генри замер рядом с ней, чувствуя, как поля ее шляпы касаются его плеча, как подол платья задевает ноги, как Флора дышит. Сквозь шум дождя донесся звон колоколов церкви вдали. Время замедлилось, и не осталось ничего, кроме мурашек по коже от перезвона. Когда колокола замолчали, Генри смог выдохнуть.

Склонив голову, Флора посмотрела на свой дом.

— Странно. В гостиной горит свет. Обычно в такое время бабушка уже спит.

Дойдя до крыльца, Флора выскользнула из-под зонта, взбежала по ступенькам и, найдя в сумочке ключи, отперла дверь. Ворвалась в дом, оставив дверь нараспашку. Генри колебался, стоит ли ему заходить. И тут Флора закричала.

***

Генри поспешил в дом, готовый драться с грабителем, но увидел, что Флора стоит на коленях перед диваном и плачет. Ее бабушка лежала с широко открытым ртом, губы посинели, но именно открытые глаза давали понять, что она умерла.

Генри застыл на месте. Звать доктора уже поздно. Полиция ничего не сможет сделать. Он чувствовал себя лишним, но не мог оставить Флору одну. Только не это. Он сел рядом с ней и молчал, пока спустя несколько минут Флора сама к нему не повернулась.

— Может, позвонить кому-нибудь?

Флора покачала головой.

— У дяди нет телефона.

— Друзья? Священник?

— Никого, кому можно позвонить в столь поздний час.

— Может, Итан? Я могу ему позвонить, и он приедет. — Остается надеяться, что трубку снимет он, а не кто-то из его родителей. Те станут задавать вопросы, на которые Генри не хотелось бы отвечать.

— И что потом?

Генри тут же замолчал.

— По крайней мере коронеру позвонить надо.

— Подожди немного. Хоть чуть-чуть посидеть рядом с ней. — Флора расправила простое домашнее платье бабушки и осторожно закрыла ей глаза.

Потом прислонилась к дивану, сняла шляпку и положила на пол. Генри задумался, что скажут люди, узнав, что он был здесь, у Флоры дома, после полуночи и наедине. Если его волнует их репутация, надо уходить. Генри с трудом сглотнул. Некоторые вещи намного важнее общественного мнения.

***

Генри уже видел смерть. Сначала сгорели в лихорадке его мать и сестра. Накануне они были здоровы, а наутро проснулись с температурой. Затем несколько ужасных дней он бессильно наблюдал, как им становилось все хуже, как трескались их губы и мутнели глаза. Перед тем, как испустить дух, его мама вслух грезила о месте, где в детстве проводила каникулы. Она словно беседовала с кем-то, кто давно покинул этот мир.

Как выглядит внезапная смерть, он узнал, когда отец вышел из дома без шляпы по причинам, которые семилетний Генри еще не понимал. «Отец вернется, когда поймет, что забыл шляпу, — думал он. — Подожду его у двери, и он порадуется, что я ее нашел».

Генри сидел на стуле в прихожей, держа на коленях отцовскую шляпу, когда в дверь позвонили. Со шляпой в руках он вскочил, недоумевая, почему отец просто не зашел в дом. Генри открыл дверь, готовый сказать: «Папа! Смотри, что ты забыл!»

Но на крыльце стоял не отец, а два серьезных полицейских, которые также держали шляпы в руках. Усатый попросил Генри привести маму.

— Не могу, сэр, — вздохнул мальчик.

— Это очень важно, — сказал второй полицейский.

— Она умерла, сэр, — ответил Генри. — Как и моя сестра. Мы с папой остались вдвоем. Слуг пришлось уволить после биржевого краха.

Полицейские на большой патрульной машине отвезли его в участок. Посадили за старый деревянный стол. Кто-то принес из закусочной бумажный пакет, и пока Генри ел жирный пончик, усатый полицейский сообщил ему о смерти отца. Подробности Генри узнал только через несколько лет, услышав тихий разговор родителей Итана. С тех пор он жутко боялся высоты.

Генри вздрогнул, выныривая из воспоминаний. Флора смотрела на камин.

— Тебе холодно? — Ему хотелось чем-то себя занять.

— Холодно? — переспросила Флора. — Может быть.

Генри нашел растопку и спички, и вскоре в камине уже пылал огонь. Было не то чтобы очень холодно, но занятие помогло Генри успокоиться, да и пламя внушало умиротворение. Он зажег в гостиной свет, прогоняя ночь, а потом сел рядом с Флорой почти вплотную, чтобы чувствовать ее тепло.

— Она пекла лучшие в мире имбирные пряники, — прошептала Флора.

— Помню, — кивнул Генри.

Она подвинула руку ближе к нему.

— Надо было тебе попробовать ее жареного цыпленка. А сейчас... — Она не договорила, боясь, что снова заплачет.

— Жаль, что я не успел, — тихо сказал Генри. — Жаль, что я...

— Жаль, что я тогда тебе отказала, — вздохнула Флора. — Я не хотела говорить «нет». Удивилась, что ты пришел, да еще с контрабасом, а я себя ужасно чувствовала из-за того, что мы сделали, и из-за Грэди, и просто не могла... — Она взялась мизинцем за его мизинец, и сердце Генри едва не выскочило из груди.

— Забудем об этом, — выдавил Генри. — Я явился без приглашения. Понимаю, что свалился как снег на голову. И у нас нет... В общем, давай забудем. — Он хотел сказать, что она ему ничем не обязана, что он понимает, почему ее семья не хочет, чтобы Флора связывалась с парнем вроде него.

— Нет, — покачала головой Флора и спрятала лицо в ладони. — Прости меня. Все

это... Не могу объяснить. Не хочу быть жестокой. Во мне уже давно что-то сломалось, и лучше тебе держаться от меня подальше.

Генри оцепенел. Сгорать от любви к ней и не иметь взаимности — лезвие бритвы причиняет меньшую боль.

— Ты проголодалась? Я могу пожарить яичницу или еще что-нибудь. — Он встал.

— Не думаю, что смогу проглотить хоть кусочек. Но если ты голоден, пожалуйста, поешь. — Флора проводила его в кухоньку и села за стол на безопасном расстоянии, сворачивая и разворачивая салфетку, пока Генри хозяйничал.

Он нашел противень, положил на него ломтики бекона и сунул в духовку. Пока бекон жарился, Генри взял из ледника яйца, разбил в миску шесть штук, взбил венчиком и долил сливок. Поставил сковороду на слабый огонь и вылил в нее яйца.

— Ты готовишь совсем как бабушка, — улыбнулась Флора.

— А что, яичницу можно приготовить как-то по-другому? — Помешивая яйца деревянной ложкой, Генри задумался, как бы снова вернуть разговор к теме музыки. Ему хотелось задать Флоре миллион вопросов, узнать ее мнение о миллионе вещей. Но он молчал — время не то. Возможно, сейчас они в последний раз вдвоем, но даже если так, покой Флоры был для него важнее всего.

О музыке заговорила сама Флора:

— Знаешь, Пичез неплохо играет. Но ты лучше держишь ритм и играешь смелее.

Генри попытался скрыть радость.

— А их певица, как бишь ее, тебе и в подметки не годится. Хотя...

— Руби? Сегодня она была не в форме. Обычно поет восхитительно. — Флора снова занялась салфеткой.

Закончив готовить, Генри оглянулся в поисках тарелок. Флора читала его намерения, как ноты с листа.

— Второй шкафчик от раковины.

Он кивнул, нашел тарелки, разложил по ним яичницу и сверху пристроил ломтики бекона. Выглядело не очень изысканно, и петрушкой он не стал украшать, как делала Глэдис в доме Торнов, но пахло все так, как должно.

— Хотя что? — Флора положила салфетку на колени.

Генри поставил перед ней тарелку.

— Хотя ты можешь еще лучше. Мне так кажется.

Флора настороженно на него посмотрела.

— Может быть. — Она со вздохом перевела взгляд на тарелку. — Наверное, надо попытаться поесть. Предстоит длинный день, и вряд ли мне удастся поспать.

— Только если ты правда хочешь есть, — сказал Генри. — Мне просто нужно было чем-то себя занять. Да и бекон я обожаю.

Часы пробили один раз. Флора поднесла вилку ко рту. По щеке покатила слеза. Флора сглотнула и вытерла лицо.

— Я осталась совсем одна.

— Неправда. — Как бы ему хотелось найти правильные слова! — У тебя есть дядя.

— Это не то. Бабушка ведь меня вырастила.

Генри хотелось пообещать всегда быть рядом, но он не мог произнести эти слова. Она сама должна захотеть.

— Я останусь с тобой, пока нужен, — сказал он.

— До приезда коронера. Мило с твоей стороны. — Она вздохнула и отодвинула тарелку. — Пойду ему позвоню.

Она подошла к нише, где стоял телефон. Набрала телефонистку, которая соединила ее с участком. Флора быстро сообщила о произошедшем. Ее голос только раз сорвался, и у Генри защемило в глазах, когда он это услышал.

Флора вернулась за стол, доела и начала мыть посуду. Генри последовал за ней.

— Расскажи о своей бабушке. — Он взял у нее мокрую тарелку и начал вытирать, думая о своей жизни после смерти матери и сестры. Отец не разрешал ему о них говорить. Сказал, что слова ничего не изменят.

А после смерти отца никто не хотел о нем упоминать из-за того, что он добровольно ушел из жизни. Из-за этого замалчивания Генри казалось, что его родные никогда не существовали где-то вне его памяти. Прошло так много лет, что он уже начинал сомневаться, случилось ли это все на самом деле, правда ли у него были родители и обожаемая сестренка и он был для кого-то самым важным человеком в мире.

— Что бы ты хотел узнать? — спросила Флора.

— Все, что ты хочешь помнить.

Пока они прибирали в кухне, Флора рассказывала ему одну забавную историю за другой. Однажды бабушка положила крем в банку из-под майонеза, и Флора приготовила сэндвичи с курицей и кремом, думая, что это майонез. В другой раз Флора добавила в кукурузный хлеб соли вместо сахара, но бабушка все равно съела свою порцию и сказала, что ничего вкуснее в жизни не пробовала.

— И еще она шила лоскутные одеяла, — продолжила Флора. — Когда у кого-то из знакомых рождался малыш или просто так, когда ткань была. Этому научила ее бабушка, которая с помощью лоскутных одеял передавала шифровки беглым рабам. Они придумали целую систему сообщений и часто вывешивали одеяла на заборы или занавешивали ими окна.

Генри глянул на одеяло на столе в гостиной.

— А в этом тоже есть послание?

— Уверена, что да. Бабушка всегда прятала его в своих одеялах, каждый раз одно и то же.

— И какое?

— Ну, это может показаться глупым... — засмущалась Флора.

— Не хочешь — не говори. — Генри убрал тарелки в шкафчик и принялся натирать стакан.

— Да в нем нет никакой тайны. Просто... в общем, бабушка в каждом одеяле говорила, что меня любит. Она всегда вшивает — вшивала — куда-нибудь маленькое сердечко.

— Здорово, тайное послание, — восхитился Генри, ничуть не считая это глупым. Тайные послания использовались веками, чтобы завоевывать сердца и побеждать в войнах. Спартанский полководец Лисандр получал шифровки на поясе^[13]. Это единственное, что заинтересовало Генри, когда на уроке истории им рассказывали про Пелопоннесскую войну. — Давай его найдем.

— Бабушка не закончила одеяло.

— Давай просто посмотрим, — предложил Генри. — Ничего ведь не случится.

Флора подняла одеяло и начала рассматривать.

— Нашла?

— Нет. Бабушка все-таки его закончила. Она его целую вечность шила и наконец дошила.

Кто-то легонько постучал в дверь. Генри вышел в садик, а Флора открыла коронеру. Тучи слегка разошлись, и стали видны тоненький серп луны и россыпь звезд. Генри попытался читать по ним как по нотам, чтобы разобраться, какую песню поют небеса, но вариантов было столько, что он оставил это занятие. Вдохнул ночной воздух, чистый и полный надежд. Несмотря ни на что, Генри был спокоен, сознавая, что сделал для Флоры все, что мог.

Когда коронер ушел, Флора вновь позвала Генри в дом. Они сидели на кухне, не в силах перейти в гостиную. На диване все еще оставались вмятинки там, где лежало тело старушки, и Генри не мог даже представить, каково их потревожить. Флора все извинялась за слезы, и Генри хотел сказать, что все нормально и он ее понимает, но не был уверен, что стоит.

— Устала? — спросил он.

— До чертиков, — кивнула Флора. — Но я вряд ли усну.

— Мне уйти? Я...

— Останься, — попросила она. — Хотя бы до рассвета.

Она накрыла его руку ладонью. Генри желал поклониться к ней, коснуться ее лица, прижаться губами к губам. Когда он об этом подумал, Флора засмушалась и опустила глаза. Ресницы затрепетали, отчего сердце Генри забилось еще быстрее. Ударила молния, грянул гром и снова полился дождь, словно буквы в жидкой книге.

Генри ее не поцеловал. Ему хотелось, но сдержанность была его подарком Флоре.

Они слишком устали, чтобы говорить, и поэтому просто сидели рядом, прижавшись друг к другу, и медленно проваливались в сон без сновидений.

Когда Генри проснулся, дождь уже прошел. За окном занимался рассвет. Флора уже встала и варила кофе. В центре стола стояла тарелка с тостами, но Генри не мог задерживаться. Нужно вернуться домой, пока Торны не заметили его отсутствия, а еще важнее уйти отсюда, пока его не увидел никто из соседей Флоры, иначе ее репутация будет погублена. Да и уроки начнутся всего через несколько часов.

— Тебе кто-нибудь поможет с машиной? — спросил он, вспомнив о спущенных шинах.

Флора пожала плечами и прижала пальцы к векам.

— Разберусь. Утром надо будет найти дядю. А днем я должна работать на аэродроме, но придется все отменить.

— Позвони, если что-то понадобится. — Он коснулся ее руки. — Сожалею о твоей бабушке. — Генри написал на листке бумаги свой номер телефона и одним глотком выпил обжигающий кофе, не обращая внимания на боль.

Несколько минут спустя он уже стоял в дверях. Флора так же легко коснулась его руки.

— Можно один вопрос?

— Конечно. — Сердце замерло.

— Ты все еще хочешь играть в группе? Ты... ты мог бы нам пригодиться.

Генри задумался. Да, она ужасно ранила его самолюбие. Вдобавок будет почти невозможно объяснить это Торнам, и он не знал, как совместить работу с учебой. Сказать «да» означает «нет» для всего того, что давало ему ощущение безопасности и защищенности.

Но он все равно сказал «да», зная, что жизнь больше никогда не будет прежней.

Как Любовь и надеялся, Итан не опечалился, когда Генри пошел за Флорой.

— Он такой, — сказал Итан, держа руку над головой в тщетной попытке защититься от дождя. — Всегда поступает правильно. Это не будет по-свински, если мы уедем? — Он открыл дверь и робко посмотрел на Любовь.

— Ни в коем разе. Не возражаешь, если я сяду вперед?

Итан кашлянул.

— Как тебе угодно.

Его голос слегка дрогнул, и человек бы этого не заметил, но Любовь, умея тонко чувствовать, увидел, что все тело Итана словно вспыхнуло. Ему хотелось подвинуться ближе к этому прекрасному юноше, помочь ему понять, что возделенной им любви не стоит бояться или стыдиться. Если Итан смирится с тем, что полюбил мужчину, он точно поймет чувства Генри к Флоре. Возможно, тогда они смогут бороться плечом к плечу, как братья, даже если против них будет весь мир.

Но он не потянулся к Итану. Не сейчас. Любовь включил радио, где как раз звучала реклама чистящего средства «Санбрайт». Люди и их страх перед грязью...

— Добро пожаловать на очередную встречу младшего сестринского корпуса «Санбрайт»! Наше собрание, как обычно, начнется с официального приветствия и гимна. Прошу всех встать! Отдайте честь и повторите за мной!

— Эх, как бы мне хотелось занять приемник в Гувервилле, — сказал Любовь, постукивая по приборной доске. — Хотя, конечно, у нас нет электричества, чтобы он работал. Но все равно, намного интереснее слушать радио, чем то, как мужики поют и гремят тазами.

— Сестры, вы, конечно, знаете, что все общества, клубы и ложи обладают внутренней информацией, которую нужно хранить в тайне от тех, кто в них не состоят. Возьмем для примера младший сестринский корпус «Санбрайт»....

— Вот только обойтись бы без глупой рекламы. Сестринский корпус. Тайны. — Он выключил радио. Неловкость, казалось, можно было потрогать, и Любовь пожалел о неизбежном расставании. Да, оно разобьет Итану сердце. Но такова цена Игры. Иногда она выше, чем человек способен вынести.

Любовь вытащил из кармана блокнот и венецианскую ручку.

— Я тут думал о статье, над которой ты работаешь, — произнес он, на полную мощность включая обаяние Джеймса Бута. — И вспомнил об этом отрывке из одного греческого философа. — Он притворился, что читает Итану слова философа. Будь парень понаблюдательнее, то заметил бы, что в такой темноте ни зги не видно. Но, как Любовь прекрасно понимал, разум Итана померк, подавленный чувствами. — Гомосексуальность, — он помолчал, чтобы Итан понял, о чем пойдет речь, — считают постыдной варвары и тираны. Эти же варвары и деспоты считают постыдной и философию. — Итан молчал, не сводя глаз с дороги. — Эти правители боятся идей, их страшит дружба и повергает в ужас страсть — три свойства, зачастую присущие гомосексуальным отношениям. Развращенные и нечистые на руку политики ругают результаты этих свойств, потому что те не в их интересах.

Итан вцепился в руль так крепко, что костяшки пальцев побелели.

— Не вижу никакой связи с нами. — Он остановил машину. — То, чем мы занимались, это не оно. Я не такой.

Любовь коснулся руки Итана, даря спокойствие, однако не смог освободить его от печали.

— Разве ты не видишь, что та же система понапрасну растрчивает таланты всех жителей Гувервилля, которые хотят просто честно работать? Эта система ставит послушание выше мыслей и идей. Власть имущие с легким сердцем посылают людей на фронт, где те становятся калеками или погибают, но если человек задаст вопрос, его тут же объявляют предателем. Эта система могла бы бороться с несправедливостью, но она предпочитает ругать нечто столь простое и жизненно важное, как поиск второй половинки. Мы все рождены любить. Какая разница, какой расы или пола твоя вторая половинка, если вы оба счастливы? — Любовь взял голову Итана в ладони и вытер его слезы. — Зачем нужно выбирать страх, а не любовь? В каком мире это имеет смысл?

Итан навалился на руль и всхлипнул:

— Я лучше умру, чем буду этим.

— Не говори так. — Если Итан умрет, Генри будет раздавлен. Это может стоить ему Игры, что означает и смерть Флоры. Любовь даже думать о таком не мог, как бы ему ни нравился Итан. Он положил руку парню на спину.

Почувствовал, как бьется его сердце, и заставил свое биться в том же ритме. Он станет этой второй половинкой для Итана, и к черту последствия.

— Дыши, — прошептал он. — Дыши.

Из души Итана исторгла вся его жизнь в стыде и печали. Любовь поймал ее одной рукой и выбросил в окно, словно паутинку.

— Кто ты? — Итан поднял голову. Он больше не плакал и с любопытством смотрел на Любовь. — Кто ты на самом деле?

— Тот, кого ты всегда искал, — ответил Любовь. — Тот, кто здесь. Тот, кто тебя понимает. Тот, кто способен любить тебя в ответ.

Итан наклонился и поцеловал Любовь. Дождь барабанил по крыше машины, но ее водитель и пассажир не чувствовали ничего, кроме любви друг к другу.

***

Потом Любовь долго смотрел на спящего Итана. Он переоделся в обычный поношенный костюм Джеймса Бута и убрал Книгу Любви и Смерти в карман, впервые в жизни чувствуя, что она ему мешает. Хотя он умел ее уменьшать, на самом деле она была огромной коллекцией печальных историй любви. Он писал ее веками — тихий вызов Смерти, величайшей разрушительнице историй. Записывал, как игроки встретились, что увидели друг в друге, что захватило их воображение. Этим Любовь показывал свою приязнь к людям и их прекрасным оптимистичным сердцам.

В этих историях даже умершие продолжали жить.

Любовь всегда ощущал потребность записывать истории, но никогда прежде книга не казалась ему тяжелой ношей. Он бы хотел от нее избавиться, но переложить бремя, увы, было не на кого.

Воскресенье, 6 июня 1937 года

Солнце еще не взошло, но в воздухе уже разливался запах цветущей глицинии и лаванды. Сегодня будет теплее, чем вчера, но ненамного. Прохладная погода была для Генри одним из весомых плюсов этого города. Морось не шла на руку бейсболу — из-за дождя жители Сиэтла пропускали добрую четверть сезона, — но Генри всегда играл по большому счету из-за ритма и взаимодействия с другими игроками, а не ради состязаний, поэтому для него это не имело значения.

Воскресное утро, впереди экзамен по французскому. Казалось безумным, что за подобной невероятной ночью последует самый обычный день, наполненный такими будничными вещами, как французская грамматика.

Если в мире есть какой-то смысл, то после такой ночи должен родиться новый день, когда не нужно думать о школе и можно просто лежать на траве, смотреть в небо и воображать, каково было бы бегать вместе с Флорой, играть музыку, есть фрукты и гулять по улице всю жизнь, не опасаясь, что весь мир будет глазеть, осуждать или что похуже.

Отчасти он жалел, что вообще ее встретил. Жалел, что услышал ее пение. Жалел, что отведал яичницы у нее на кухне. Если бы всего этого не случилось, его жизнь представляла бы собой школу, музыку и бейсбол. Стипендия. Аттестат. Колледж. Все по плану, предсказуемо, уважаемо, безопасно. Возможно, даже брак с Хелен и вечная череда завтраков, обедов и ужинов. Рутинная, питательная жизнь для души, в которой нет места боли и страху. Жизнь в размере четыре четверти.

Но жалел он только отчасти, а по большому счету не обменял бы надежду ни на что. Он словно впервые в жизни прозрел и теперь не мог вернуться во тьму, как бы ни резал глаза свет.

За спиной послышался рокот мотора. Генри оглянулся и узнал «кадиллак» Итана, который ехал в сторону дома. Из центра. А может, из Гувервилля. Генри приветственно поднял руку, и Итан остановился. Его галстук торчал из кармана пиджака, а несколько пуговиц на рубашке были расстегнуты, однако, что самое странное, он выглядел счастливым и отдохнувшим.

— Видимо, ты тоже до дома не добрался, — усмехнулся Итан.

Генри скользнул на переднее сидение, и внезапно на него навалилась усталость.

— Ага.

— Ах ты шалопай. Но не волнуйся, я не скажу родителям.

— Что? Нет! — возразил Генри. — Ничего подобного. Ее бабушка умерла.

— Без дураков? — Итан скорчил скорбную мину. — Должно быть, ужасно прийти домой и увидеть такое. Что случилось?

— Похоже, старость. Она просто лежала на диване.

Друзья минуту помолчали. Потом Итан глубокомысленно сказал:

— Жизнь — временное явление, Генри. И чертовски непредсказуемое. Поэтому нужно хвататься за подвернувшиеся возможности, ловить удачу за хвост, стараться получить, что хочешь. Рисковать. Жить, любить... Все мы умрем, но если не будем жить так, как хотим, если не будем с теми, с кем хотим быть, то мы уже мертвы.

Генри повернулся посмотреть, не заменил ли кто-то его друга близнецом-самозванцем.

— С каких это пор ты исповедуешь такую философию?

Итан повернул на свою улицу, надул щеки и с силой выдохнул, подобно трубачу.

— Даже не знаю, с чего начать. — Он покосился на Генри. — Но кое-что со мной случилось. Просто... я не могу об этом говорить. — Он запустил пятерню в волосы и пригладил растрепавшиеся кудри. — Но мне кажется, что ты мог бы меня понять.

Он снова серьезно посмотрел на Генри, и тот с трудом сглотнул. Что он мог бы понять? И о чем именно Итан толкует? Они в тишине проехали по длинной, обсаженной деревьями улице.

Итан повернул на подъездную дорожку и заглушил двигатель.

— Значит, с тобой случилось что-то хорошее? — спросил Генри.

— Честно? — В глазах Итана таилась боль, и он судорожно выдохнул, прежде чем закончить мысль. — Это все, чего я на самом деле хотел. Но не знаю, назову ли когда-нибудь это хорошим.

Он закрыл лицо руками. Генри не знал, стоит ли что-то говорить. Потом Итан открыл дверь, вышел из машины и поплелся к дому, перебросив пиджак через плечо. Генри последовал за ним к парадной двери, которая распахнулась, едва они начали подниматься на крыльцо.

На пороге стоял отец Итана.

— Гуляли всю ночь, мальчики? — Его лицо было суровым, как всегда перед последующим нагоняем.

— Да, папа, — ответил Итан, скрещивая руки на груди. — Всю ночь. Я встречал рассвет. Ты никогда так не делал в молодости?

Мистер Торн почесал подбородок.

— Вообще-то делал. Именно поэтому сейчас и говорю вам пройти через черный ход и воспользоваться лестницей для слуг. Твоя мама уже не спит, и если она услышит, что вы явились под утро, нам всем на неделю будет обеспечена головная боль. Однако чтобы такое было в последний раз. Грядут облавы, и если вас заметут, это все усложнит. Последствия для обоих будут суровыми. Мы уважаемая семья, Итан. Не нужно навлекать на нас позор.

Итан обнял Генри за плечи, и юноши обошли заросшую плющом северную сторону дома, чтобы войти через черный ход. Оттуда через буфетную они попали на черную лестницу и поднялись на третий этаж в свои спальни, предварительно сняв обувь. Итан улыбнулся Генри, но тот не смог ответить тем же. Полицейские облавы грозят Флоре опасностью.

Глава 37

Понедельник, 7 июня 1937 года

После целого дня, проведенного за приемом соблезнующих и их подношений, Флора стояла на кухне одна и отмывала сковороду. Она сделала все возможное, чтобы постоянно чем-то себя занимать. После замены колес нужно будет поехать на аэродром и объяснить капитану Жирану свое отсутствие. Он поймет. Теперь ее мечта казалось столь далекой, что почти не имела значения.

В утренней газете Флора прочла заметку о кругосветном путешествии Амелии Эрхарт. Летчица проделала путь от устья Амазонки до столицы Сенегала, установив мировой рекорд — пересекла Южную Атлантику за тринадцать часов тридцать две минуты. Не так давно эти экзотические названия мест и мировой рекорд пробудили бы во Флоре соревновательный дух, но теперь они были просто буквами на странице, черными чернилами на дешевой бумаге, которая высохнет и пожелтеет за мгновение в вечности.

Да и какой в этом смысл? Флора по-прежнему хотела того, что давал ей полет: одиночества, хорошей зарплаты и возможности повидать мир на собственных условиях. Но также она хотела Генри и не могла иметь и то, и другое, жить двумя жизнями. Невозможность совместить одно с другим ощущалась почти как паралич. Но даже если она сделает выбор, однажды ее постигнет та же судьба, что и бабушку. Смерть неизбежна для всех.

Флора допила кофе, пытаясь выбросить из головы гнетущие мысли. Если не считать тиканья часов, в доме царила зловещая тишина. Со временем придется с ней свыкнуться. Бабушка всегда хлопотала по хозяйству. Готовила, мыла окна, натирала мебель, шила, слушала радио.

Флора подумала, а не включить ли его. Но нет музыки, которая сейчас не причинила бы боли, а драматическая постановка или, того хуже, комедия... нет, она не готова. Флора прошла в гостиную и взяла последнее сшитое бабушкой одеяло, которое вчера сложила и оставила на столе. Вдохнула его запах и, разложив одеяло на полу, внимательно рассмотрела каждый его сантиметр, пока не нашла послание, вышитое красными нитками в последнем сшитом бабушкиными руками квадрате. Когда уходит все остальное, материальные свидетельства жизни остаются.

Флора вновь сложила одеяло и попыталась набраться сил для починки колес. Шерман был занят организацией похорон, а потом собирался уехать по делам на север, поэтому его весь день не будет. Но замена колес хотя бы поможет убить остаток утра. Флора вымылась и потянулась к черному платью, но вдруг словно наяву услышала, как бабушка журит ее за любовь к черной одежде. Поэтому в конце концов выбор пал на длинную юбку в горошек и блузку. Флора надела шляпку, туфли и мамины перчатки и зашагала в сторону «Мажестика».

Тишина в доме казалась невыносимой, но уличный шум оказался еще более тягостным. Яркое солнце как будто насмехалось над ней, как и лай собак и рокот машин. Если в мире есть смысл, то время должно останавливаться, когда кто-то умирает. Хотя на секунду, чтобы отметить потерю. Тротуар поплыл перед глазами, и Флора сморгнула слезы.

Дойдя до клуба, она тут же занялась колесами, радуясь, что есть на что отвлечься. В багажнике лежали две запасные шины, но еще два колеса придется залатать. Сразу четыре спущенных колеса. Да, можно случайно пробить колесо, но не когда автомобиль стоит на стоянке. Кто-то явно сделал это нарочно. Флора мысленно пожелала этому человеку, чтобы на него нагадил больной голубь.

Достав из багажника домкрат, она подняла левый борт машины и тут услышала, как за спиной остановился автомобиль. Открылась и закрылась дверь, и Флора, даже не оборачиваясь, поняла, кто приехал.

— Привет, Флора, — ласково поздоровался Генри. — Помощь нужна?

— Тебе разве в школу не надо? — Она встала и непонимающе посмотрела на свои руки, словно вмиг забыла, для чего они ей нужны.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Генри приподнял шляпу и почесал макушку.

— Нет, не сегодня. — Однако было понятно, что он лжет.

Интересно, что он прогуливает? Возможно, экзамен, если принять во внимание время года. Флора решила не развивать тему, на удивление благодарная ему за то, что приехал составить ей компанию. Также она не стала спрашивать, как он угадал, во сколько приехать, потому что уже знала ответ. Он знал, что она здесь, а она знала, что он скоро приедет. Они словно играли дуэтом, но не на сцене, а в мире.

— Умеешь ставить заплатки на шины?

— Постоянно их ставлю для Итана.

Они присели вместе, и Флора, не удержавшись, вдохнула исходивший от Генри аромат лимона и пряностей. Ей нравился этот запах, но почему-то одновременно повергал в печаль, поскольку обострял обычное ощущение неизбежной утраты.

— Запатки в багажнике, — сказала она, стараясь говорить деловито. — В оранжевой банке. Я пока поставлю запасные колеса, а потом мы заклеим те, которые я сниму, хорошо?

Работая, она по привычке начала напевать.

— Что это за песня? — спросил Генри.

— «Легкая жизнь» Билли Холлидей. Слышал ее?

— Нет, но она мне нравится.

Флоре в голову пришла безумная идея, которую было неловко озвучить.

— Могу тебя потом научить ее играть, — предложила она. — Если хочешь, конечно. Может стать твоим первым выученным номером.

Последовала долгая пауза, и Флора засомневалась. Не сказала ли она глупость?

— Конечно, — кивнул Генри. — Ничего ведь не случится.

***

Закончив с колесами, они поехали в «Домино» и вместе поднялись по ступенькам.

— Днем все по-другому, — заметил Генри, снимая шляпу.

Поначалу Флора не поняла, что он имел в виду, говоря «все». Их двоих? Их общение? Странная легкость ночи бабушкиной смерти исчезла. Потом Флора догадалась: он имеет в виду клуб.

— Люди и музыка добавляют атмосферы. — Флора обошла Генри, чтобы включить в зале свет.

— Честно говоря, мне так больше нравится. Появляется ожидание чего-то захватывающего. — Он остановился у подножия лестницы, и Флора обернулась. — Это место хочет, чтобы его наполнили.

Флора радовалась тусклому освещению. Она положила перчатки на стол и взобралась по ступенькам в кулисы, где стоял контрабас Грэди. Генри положил шляпу рядом с ее перчатками и последовал за ней.

— Я возьму. — Он привычно поднял инструмент и понес на сцену.

— Значит, первые аккорды... — Флора набрала в грудь воздуха, словно готовясь нырнуть в озеро. — Я не распелась, но как-то вот так. — Она пропела ноты мелодии. — Малый минорный септаккорд от ля, потом уменьшенное трезвучие от ми...

Генри проверил, настроен ли контрабас, и начал играть, подстраиваясь под Флору. Она пела медленно, сначала тихо, распеваясь и следя за тем, чтобы Генри успевал. Он время от времени поднимал на нее глаза и вновь возвращался к инструменту, переставляя пальцы левой руки на грифе, а правой водя смычком по струнам.

— Ты поешь не в полную силу, — заметил он. — Почему?

— Я распеваюсь.

— Нет, я имел в виду вообще. Думаю, ты могла бы вкладывать в песни больше души. —

Он улыбнулся, давая ей понять, что это лишь наблюдение, а не упрек.

Флора подняла руку, словно отгораживаясь от него. Они прошли куплет, и на припеве она решила попробовать петь в полную силу, просто чтобы посмотреть, что из этого выйдет. А потом так и продолжила петь, как раньше в «Домино». Да, делать это под аккомпанемент только одного инструмента было непривычно, но Генри играл очень хорошо, извлекая звуки из нескольких струн одновременно. У него настоящий талант. Он умел соединять ноты в мелодию, время от времени импровизируя, и впервые со дня их встречи Флора почувствовала, как раскрывается ее душа. Больше всего ее удивило то, что петь так было намного легче — она просто позволяла каждой ноте жить своей жизнью. Флора чувствовала ноты в груди, в голове и, наконец, везде.

Заканчивая последнюю строчку, она услышала шаги. Кто-то приближался. Не один человек, судя по нестройному топоту. Она мысленно выругалась, увидев, кто пожаловал в клуб: мистер Поттс и его подельники, а с ними полицейский.

— Простите, дяди еще нет, — сказала она и поспешила к ним, намереваясь выдворить визитеров, пока Генри не догадался, кто они.

— Мы пришли не к вашему дяде. — Мистер Поттс устремился к ней.

Они встали посреди зала. Полицейский подошел к ним и взялся за свисавшие с широкого ремня наручники.

— Мы пришли к вам, — продолжил мистер Поттс. — По поводу взятки, которую вы не так давно предложили. Как выяснилось, это противозаконно. Вы, дорогая моя, нажили себе кучу неприятностей.

Флора почувствовала, как кровь отхлынула от лица. Они ее поймали. Клуб бы закрыли, если бы она тогда не заплатила. А теперь они все равно ее арестуют за дачу взятки. Генри пока молчал.

— Это несправедливо, — запротестовала Флора, отдергивая руки от полицейского, но сразу поняла, как глупо это прозвучало. — Пожалуйста. — Она отступила на полшага назад и поняла, что Генри стоит за ее спиной. Посмотрела полицейскому в глаза, потом перевела взгляд на нагрудный знак. Дж. Уоллес-младший. — Ладно вам, детектив Уоллес, мы просто не поняли друг друга.

— Мисс Саудади, — вмешался мистер Поттс, — мы действуем в интересах закона, а вы представляете угрозу обществу. — Он бросился на нее.

— Это просто нелепо! — Она отшатнулась, и Генри встал между ней и инспектором.

— Можно это как-то разрешить? Прошу, не арестовывайте ее. — Он нерешительно добавил: — У меня есть связи...

— Что ты говоришь, парень? — поинтересовался мистер Поттс. — Предлагаешь нам взятку? Угрожаешь? Поверь мне, ничего хорошего из этого не выйдет.

— Нет, ничего подобного. — Генри взял Флору за руку, и она стиснула его пальцы.

— А-а-а, теперь я вижу, — ухмыльнулся инспектор. — У молодого человека есть потребности, и иногда он находит неприемлемые обществом возможности их удовлетворять. В этих местах такое пока еще не нарушает закон, но является позорным. Но вы же не захотите лишиться из-за этого головы, фигурально выражаясь. Черномазая шляха вроде этой...

В полумраке мелькнул кулак Генри, раздался удар, и мистер Поттс схватился обеими руками за нос. По пальцам потекла кровь.

— Ты сломал мне нос! — провыл он. — Как пить дать, сломал!

Мужчины схватили Генри. Уоллес, так и не проронивший ни слова, по крайней мере аккуратно застегнул наручники на запястьях Флоры. Генри же подобного отношения не удостоился. Когда их бросили на заднее сидение полицейской машины, под глазами Генри лиловели фонари, а нижняя губа была рассечена.

— О Генри, — ужаснулась Флора. — Мне так жаль.

— Да все нормально, — улыбнулся он. — Целиться эти парни не умеют, по носу так и не попали.

Флора не смогла улыбнуться в ответ на шутку. На заднем сидении было достаточно просторно, и они не касались друг друга, но ей хотелось приложить лед к его опухшему лицу, смыть кровь с губы чистой влажной тряпочкой, а потом поцеловать Генри в лоб и извиниться за то, что вовлекла его в свой мир грубости, несправедливости и частых унижений. Она отвернулась к окну. В небе плыли кучевые облака. Скоро снова начнется дождь.

Генри промычал себе под нос первые аккорды разученной песни.

— Мы к ней еще вернемся, обещаю. Однажды.

Лоб Флоры запылал. Рассерженная тем, что так легко попала в ловушку, она похрустела пальцами и покрутила руками в наручниках, не зная, что дальше предпринять. Внезапно она вспомнила мамины перчатки, вместе со шляпой Генри оставшиеся лежать на столе. Черт. Без перчаток ее руки казались неприлично голыми. Перчатки не только скрывали цвет ее кожи и давали возможность появляться на публике пристойно одетой. Они имели другое, более важное значение. Флора попыталась убедить себя, что это просто перчатки, что тепла маминых рук в них уже давно нет. Флора, изо всех сил пытаясь сохранить спокойствие, откинулась на спинку сидения.

— Конечно, однажды вернемся, — ответила она.

Покосившись на Генри, она пожалела, что позволила горечи просочиться в голос.

— Флора, не прекращай верить, — взмолился Генри.

Они прибыли в участок. Уоллес вывел из машины сначала Генри, затем Флору. Они миновали стайку голодных детей, что шатались около участка.

— Ну-ка, кыш отсюда, — велел Уоллес. Детишки разлетелись кто куда, словно сухие листья.

— Мне бы хотелось воспользоваться правом на звонок, — сказал Генри.

— Всею свое время. — Уоллес отвел Флору в камеру и расстегнул наручники. Кровоток начал восстанавливаться, запястья заныли. Дверь захлопнулась. Камера была маленькой, темной и грязной, с дыркой для туалета в полу и продавленной койкой.

Укладываясь на тонкий матрас, Флора поняла, что ей никто не предложил кому-то позвонить. Не то чтобы это имело значение. Бабушка мертва. Шерман на другом конце штата закупает спиртное у своего недорогого поставщика и не вернется до самого вечера, да и все равно ни у него, ни у других музыкантов нет телефонов. За ней некому прийти.

Сначала бабушка. Теперь вот это. Больше всего на свете Флора хотела уснуть, на время забыть всю скорбь мира, но сон не шел. В камере было сыро и плохо пахло — полная противоположность небесам. Где-то в сумраке жужжала муха. Флоре не хотелось думать, что та ест. Она попыталась представить себя в самолете, оставляющей прежнюю жизнь позади, но ничего не получилось. Она прислонилась к шершавой влажной стене и попробовала отрешиться.

И тут до нее донесся голос Генри. Он пел. Прежде ей никогда не приходило в голову, что он тоже умеет петь. Его голос как будто был создан для ее ушей. Флора подвинулась ближе к решетке, чтобы слышать лучше.

Песня была незнакомой, но Флоре она тут же показалась родной, как собственная кожа.

*Ты — на небе луна,
Я — морская волна.
Меня тянет к тебе,
Где бы ты ни была.
Небеса против нас
И хотят разлучить.
Расстоянье меж нами
Может сердце разбить.
Но однажды твой свет
Обожжет мою кожу.
И однажды волна
Вглубь затянет тебя.
И с луною волна,
Обещаю, однажды
Вместе будут навек —
Ты и я.*

Однажды. На памяти Флоры это слово всегда было связано с неизбежностью смерти, собственной и всех, кого она любила. «Однажды» всегда внушало ей страх. Но эта песня позволила ей взглянуть на это слово под другим углом, под которым оно несло меньше боли.

С каждым куплетом горе по бабушке, ярость на сложившееся положение, вина перед Генри понемногу меркли. Флора могла бы вечно слушать эту песню, купаться в ее волшебстве. Но этому не суждено было случиться. Размеренное хлопанье в ладоши и стук каблучков по бетону разрушили очарование. Генри оборвал строчку.

— О нет, не останавливайся из-за меня, — донесся до Флоры резкий голос.

Она присмотрелась сквозь прутья решетки. Сердце сжалось при виде суровой девушки, которая приходила с Генри в «Мажестик». Если, оказавшись в тюрьме, он позвонил именно ей, она что-то для него значит. В принципе, логично. Она красива. Выглядит образованной. С правильным цветом кожи. Она — то, что ему нужно.

Флора это понимала, но хотя союз с этой девушкой сулил Генри счастливую жизнь, Флора завидовала темноволосой незнакомке, потому что та могла иметь то, что Флоре

недоступно, и быть той, кем Флоре никогда не стать. Хуже того, незнакомка узнает, что Генри унизили по вине Флоры. Она будет осуждать Флору, и правильно сделает.

Девушка остановилась перед камерой Генри.

— Поздравляю. После выплаты залога у тебя осталось двенадцать центов. Как здорово, что твои деньги меня никогда не интересовали.

Генри что-то тихо ответил, Флора не разобрала слов.

— Ты, должно быть, шутишь, — ахнула девушка.

Еще одна неразборчивая реплика Генри.

— Ты сумасшедший. Понимаешь ведь, что скажут Торны?

— Хелен, пожалуйста. Не говори им, почему я здесь оказался, умоляю. Когда закончишь, пожалуйста, заведи Итана из школы и доведи до его машины, чтобы он за мной приехал. У него есть деньги, и он не станет возражать, что я взял «кадиллак». Прошу... Ради меня.

Флора затаила дыхание, жалея, что не знает, о чем они говорят.

— Весьма странный способ просить меня об услуге, Генри. Что мне до этой девицы? И я совершенно точно не стану обещать хранить твою тайну. Разве что ты дашь мне что-то взамен.

Последовала долгая пауза, но Флора не осмеливалась выдохнуть. Потом Генри снова что-то прошептал, и Хелен безразлично ответила:

— Ладно. Ты сам роешь себе могилу.

Флора, больше не пытаясь скрывать неприязни к Хелен, пожелала, чтобы с неба на голову этой сучке свалилось пианино. Смерть от клавиши си-бемоль.

И тут внезапно Хелен в сопровождении охранника выросла перед камерой Флоры и бросила:

— Не стой столбом.

— Прошу прощения? — Ради Генри Флора попыталась замаскировать свое отвращение. — Что происходит?

Охранник позвенел ключами, и Хелен объяснила:

— Генри ведет себя как круглый дурак. У него хватило денег на залог только для одного арестованного, а поскольку он джентльмен — что меня в нем восхищает, — он выбрал тебя. Но если тебе тут хорошо, я могу попробовать еще раз воззвать к его разуму.

Флора чувствовала себя животным в зоопарке. Отвращение, казалось, было осязаемым.

— За мной придут, — сказала она.

— Что-то я сомневаюсь, — фыркнула Хелен. — Сейчас или никогда. Решай.

Слишком уставшая, чтобы как следует все обдумывать, Флора согласилась.

— В клубе есть деньги на залог для Генри. Если ты меня туда отвезешь, я за ним вернусь.

— Какой замечательный план, спасибо, что поделилась, — съязвила Хелен.

«Смерть от клавиши си-бемоль». Флора готова была отдать королевство в обмен на падающее с неба пианино.

Камера Генри была последней на пути к выходу. Генри бросился к решетке, но полицейский быстро вывел Флору на улицу.

— Я вернусь за тобой! — крикнула она, уходя. — Обещаю!

Но после этого все будет кончено. Придется сказать ему «прощай». Неважно, что она к нему чувствовала, как сильно привязалась. Если продолжить, она испортит ему жизнь, если

уже это не сделала.

Выходя из участка, Хелен помахала полицейским, словно навещала их со светским визитом.

— Увидимся!

Солнце в небе дало Флоре понять, что время перевалило за полдень. Она пропустила утреннюю смену на аэродроме. Флора чувствовала себя не в своей тарелке, когда надолго разлучалась с самолетом, пусть капитан Жирар и с пониманием отнесся к ее отсутствию. Вдобавок она не подготовила «Домино» к открытию, поэтому сейчас придется носиться в мыле. Нельзя допустить, чтобы все рухнуло.

— Сколько нужно денег? — спросила она.

Хелен назвала сумму, услышав которую, Флора побледнела. Придется опустошить весь сейф, а потом как-то объяснить это Шерману... Этого разговора она боялась больше всего на свете.

— Не хватает, да? — фальшиво посочувствовала Хелен.

Проигнорировав вопрос, Флора спросила:

— Где, говоришь, твоя машина?

— Ничего подобного я не говорила. Равно как и не предлагала тебя подвезти, но если ты очень попросишь... — Она хищно улыбнулась.

— Пожалуйста, — выдавила Флора.

Хелен оглянулась через плечо.

— Иди за мной.

Глава 39

Хелен мчалась к «Домино», как будто ей жить надоело: слишком быстро, не обращая внимания на другие автомобили. Когда она доставала сигарету из сумочки, машину вынесло на встречную полосу, но Хелен лишь истерически расхохоталась. Флора надеялась, что Хелен никогда не захочет сесть за штурвал самолета. Это плохо кончится.

Когда они прибыли к «Домино», Хелен беззаботно подкрасила губы.

— Пошли?

— Куда? — Флора потянулась к ручке.

— Пойдем внутрь и возьмем деньги на залог, конечно. — Хелен сжала губы и посмотрела на свое отражение в зеркале заднего вида.

— Здесь наши пути расходятся, — отрезала Флора. — Спасибо, что подвезла.

Хелен и слышать ничего не желала:

— Хочу побывать в клубе, о котором столько наслышана.

Флоре хотелось из принципа ей отказать, но также хотелось продемонстрировать, что «Домино» — это не просто клуб, а нечто особенное. Что-то, построенное ее семьей. Что-то, чем восхищался Генри. Что-то, чему удалось пережить многое.

— Ладно. — Она достала ключи и направилась к двери.

Они зашли в клуб, миновали портрет ее родителей, спустились по лестнице и повернули налево в кухню, где Чарли уже трудился над вечерним меню. Пахло вкусно: томленным мясом и кукурузным хлебом.

— Я бы предложила тебе перекусить, но знаю, что ты торопишься, — вежливо сказала Флора.

Оставив Хелен на кухне, она пошла в кладовую, открыла сейф и вытащила все деньги, надеясь, что Чарли ни о чем не спросит. Когда она вернулась, Хелен сидела за столом, а Чарли опирался на столешницу, прижимая руку ко лбу.

— Что-то мне нехорошо, мисс Флора.

— Тогда иди домой, Чарли, — разрешила она. — Я сама тут все закончу.

— Но Шерман еще не вернулся. Одна вы тут не справитесь, и, смею сказать, в зале еще полно работы.

— Все нормально, Чарли. Иди домой. Я знаю все твои рецепты и скоро вернусь. Позову девочек помочь. Справимся. Нельзя готовить, когда ты болен. А накрыть на столы — пустяки.

Чарли выглядел неважно, и Флора надеялась, что это не заразно.

— Так неожиданно поплохело, — пожаловался он.

— Все нормально. Иди, отдыхай.

— Думаю, так и сделаю. Спасибо за понимание. — Он, шаркая, вышел из кухни и побрел по лестнице. Повар снимал комнату в этом же квартале, иначе Флора пошла бы его провожать.

— Что ж, — Хелен медленно повернула голову к Флоре, — не повезло тебе. Он выглядел вполне здоровым, когда мы пришли.

— Такое бывает, — развела руками Флора. — Справимся.

Хелен сидела без перчаток, явно намереваясь задержаться. Зря это она. Флора повела ее вверх, по пути вспомнив о своих перчатках, которые лежали на столе вместе со шляпой Генри. Она сделала мысленную зарубку забрать их, когда проводит Хелен.

У выхода гостя спросила:

— Что, никакой экскурсии?

— Нет времени, — вздохнула Флора. — Прости. Еще раз спасибо, что подвезла.

Хелен протянула руку, и Флора ее пожалала, лишь бы гостя поскорее ушла. Но когда их ладони соприкоснулись, она почувствовала странный холодок. Мир потемнел, и вот она стоит уже не на тротуаре, а внутри «Домино» — клуба, каким он был много лет назад. Тело казалось чужим, как будто она под водой и погружается все глубже, а давление с каждой секундой усиливается.

В клубе было шумно и весело. Усатый мужчина в полосатой рубашке и брюках на подтяжках брэнчал на пианино рэгтайм. За столами играли в кости. Посетители чокались высокими стаканами, шуршали расшитые бисером платья, женщины с короткими стрижками танцевали с мужчинами в костюмах и поднимали напудренные лица к электрическим люстрам. Все смеялись. Но время явно было другим.

Флора хотела оглядеться вокруг, но не могла управлять своим взглядом. Она словно очутилась в чьей-то голове. Ее мысли прервал мужской голос:

— Что такая красивая девушка делает одна в подобном заведении?

В поле зрения появился бармен, у которого рукава рубашки были закатаны до локтей могучих рук. Он наклонился к ней, перегнувшись через полированную стойку. Рядом со стаканом Флоры виднелись белые женские пальцы.

Положив ладони на стойку, Флора почувствовала, как в нее что-то хлынуло, что-то сильное, старое и пахнущее дугласовой елью. Она словно высасывала из стойки жизнь.

Она ощущала в теле невиданную легкость, совсем как когда самолет отрывался от земли. Фортепианная музыка смолкла. Люди перестали болтать, пить и играть. Девушка, чьими глазами смотрела Флора, повернулась к заговорившему пианисту.

— Дамы и господа, представляю вам мисс Вивиан Крейн и группу «Старлайт»!

Вивиан Крейн. Ее мама. Живая. Как такое возможно?

Зал взорвался аплодисментами. Флора увидела, как ее мама вышла из тени в освещенное прожектором пятно в центре сцены, встав спиной к зрителям. Даже так она приковывала к себе взгляды. Когда она наконец повернулась лицом, на нее смотрели все без исключения. Но она глядела только на одного человека. Контрабасиста. Отца Флоры. Сердце Флоры екнуло при виде их вместе, живых.

Заиграла музыка: дребезжание тарелок, протяжный стон кларнета, ритмичный бас в руках умелого музыканта. Вивиан открыла рот, и полившиеся из него ноты больше походили на чувство, чем на голос, и временные уши Флоры слышали в нем любовь и тоску, которая проникала в запястья, горло и сердце. Стало трудно дышать.

Картинка изменилась. Флора все еще была в «Домино», но теперь смотрела на мужчину, который кидал кости. Откуда-то она знала, что под его пальто скрывается форма патрульного полицейского. И знала, что его карманы раздуваются от полученных в качестве взяток денег, которые он просаживал за игрой, время от времени прикладываясь к фляжке с джином.

И вот она уже на улице. Идет снег, и она ждет в длинном элегантном автомобиле с матерчатой крышей с круглыми передними фарами и запасным колесом на багажнике. В открытые окна задувает колючий зимний ветер. Она сидит на пассажирском сидении. Время идет. Идет и снег. Из «Домино» выходят люди. Наконец, спотыкаясь, появляется игрок в кости, которого поддерживает молодой дядя Шерман.

— Точно не хотите чашечку кофе, чтобы протрезветь? — спрашивает он.

Мужчина качает головой.

— Холод взбодрит не хуже. — Он хлопает себя по щекам и идет к машине, а из переулка выходят родители Флоры. Отец поправляет воротник маминой енотовой шубы. Лунный свет отражается от заснеженной мостовой и подсвечивает их лица снизу. Отец наклоняется поцеловать маму, она смеется и тянется к нему, сгибая правую ногу в колене и отрывая от земли.

— С днем святого Валентина, любимый, — говорит она.

Нет, нет, нет. Флора знала, что случилось той ночью.

Белый мужчина садится в машину, расточая запах джина. Поворачивает ключ. Мотор чихает и заводится. Пытаясь отъехать задом, мужчина чертыхается, когда машина катится вперед и наезжает на бордюр. Он переключается на задний ход и едет задом, колеса скользят на снегу. Водитель наваливается на руль и тяжело дышит. Флора пытается закричать, но губы не слушаются.

Ее родители выходят на дорогу. Флора пытается дотянуться до руля, но рука не двигается. Мужчина за рулем давит на газ. Родители слышат рокот мотора и, все еще держась за руки, поворачиваются к автомобилю. Свет фар выхватывает яркие детали: их глаза, зубы, драгоценности на маме, которые словно упавшие звезды мерцают в темноте.

Водитель дергает ногой, намереваясь ударить по тормозам, но по ошибке жмет на газ. И вот Флора уже на улице и держит на руках отца. Чувствует, как жизнь перетекает из него в нее: мерцающий свет свечей, отраженный декой контрабаса, удар биты по мячу субботним

утром, запах кукурузного хлеба из духовки воскресным днем. На короткий миг Флора видит взрывы в ночи, слышит запах пороха, страха и крови, замечает лицо капитана Жирара, освещенное пылающим в ночи пожаром. А потом снова мягкий свет, атласная кожа маминой шеи между ухом и ключицей, поцелуй и личико Флоры — сплошные карие глаза, розовые десны и пухлые щечки.

Руки отпускают отца и обнимают маму, и Флора впитывает воспоминания о подстриженных рождественских елках, горячих пирогах только из печи, весенних тюльпанах и зеленых летних озерах, музыке, идущей к горлу от самой земли. Во всех воспоминаниях, даже в детских, присутствовало личико малышки Флоры, как будто мама всегда хотела именно ее и всю жизнь копила в себе любовь, которую наконец произвела на свет в виде ребенка.

И тут мама умирает.

Белый мужчина вываливается из автомобиля, спотыкается, машет руками и выдыхает клубы пара в морозную ночь. Его шляпа падает, обнажая бледную плешь, обрамленную редкими седыми волосами. Он бухается на колени рядом с телами и всхлипывает. Брюки быстро промокают. Он прикрывает лицо руками, и Флора видит дюйм кожи и золотые часы на кожаном ремешке, которые он забыл завести.

И вот Флора уже стоит рядом с ним на коленях.

— Пожалуйста, — шепчет он, глядя на нее сквозь пальцы. Он где-то поранил костяшки, а на голове набухла шишка. — Я не знаю, что делать. Не могу так больше жить.

— Вам и не нужно ничего делать, — молвят чужие губы. — Осталось недолго.

— Слава Богу, — вздыхает он и опускает руки на колени.

Флора кладет руку поверх рук убийцы. Образы сменяются как в калейдоскопе: мужчина в майке и штанах сажает в саду деревья, утирая пот с загорелого лба, он же в полицейской форме вручает в участке тряпичную куклу плачущему грязному ребенку, он же, намного моложе, на свадьбе, стальная фляжка с джином в кармане его воскресного костюма. Затем фляжка превращается в графины, а потом в бутылки... и превращает смеющегося гладко выбритого брюнета в мутноглазую развалину, которая сейчас сидит рядом с ней.

— Что происходит? — спрашивает он. — Я вижу...

— Вы видите то же, что и я, — произносят губы. Рука накрывает его руку, и Флору тошнит от горя и потери. Мужчина выпучивает глаза. Вот он младенец в белом крестильном платье, вот годовалый карапуз делает первые несмелые шаги по изумрудно-зеленому газону, вот ему пять и он катается на пони на деревенской ярмарке, а в десять поднимается на заснеженный вулкан. Вот он шестнадцатилетний в летних сумерках на проселочной дороге целует девушку, которая запускает пальцы ему в волосы, а пять лет спустя женится на той же самой девушке, единственной любви всей его жизни... если не считать джин, бросить пить который не помог даже сухой закон.

— Вы же знаете, я любил ее, — говорит он. — Почти как любил дышать. — Он говорит медленно, с расстановкой, словно каждое слово дается ему нелегко.

— Знаю. Но в этом и проблема любви — она не такая крепкая, как говорят.

— Я не боюсь. Рад, что вы здесь.

— Жизнь намного страшнее смерти.

Он хватает ее за руки.

— Подождите. Я не хочу видеть все. Можно без последней части? — Его тошнит, и он выкашливает последний выпитый джин.

— Они не страдали. — Взгляд перемещается на тела родителей Флоры, уже припорошенные снегом. — Более того, я позволю вам унести эту часть с собой, когда придет ваше время.

— Я готов нести ее до конца времен, если... если она приведет к... другому исходу.

— Хорошо. — Она на секунду закрыла глаза. — Но другого исхода не будет. Все умирают. Все. Это единственный конец любой правдивой истории.

Это предложение... Флора его уже где-то слышала. Она отчаянным рывком вернулась в свое тело. Кожа казалась туго натянутой, словно прижатой к костям. Флора вырвала руку, открыла глаза и вновь оказалась у входа в «Домино», совершенно разбитая. Что с ней произошло? Как так получилось, что она увидела последние минуты жизни родителей?

Хелен стояла рядом с ней и смотрела на часы.

— Ты в порядке? Выглядишь так, будто подхватила то же, что и повар.

— Все хорошо. — Не хотелось доставлять Хелен радость лицезреть ее в таком виде. — Генри меня ждет.

— Мы не всегда получаем то, что хотим, — произнесла Хелен. — Мы играем роли, которые нам выдали.

— Намекаешь на то, что я пытаюсь стать кем-то другим?

В лице Хелен промелькнуло недоумение, затем пришло понимание.

— Теперь ясно, как бы ты сказала то же самое.

— Генри меня ждет, — повторила Флора. — Так что прошу прощения...

— С чего ты взяла, что он все еще там?

— А кто бы уплатил залог?

— Может быть, я оставила записку Торнам, — пожала плечами Хелен.

Флору затошнило. Если мерзавка так поступила, то у Генри ожидаются неприятности. Нужно успеть добраться до тюрьмы первой.

— Не говори мне, что ты его любишь, — предупредила Хелен.

— Ничего подобного.

— Уверена, ты понимаешь все последствия. Ты навредишь Генри.

— И в мыслях нет причинять ему боль.

— Но... — Хелен помолчала, будто подбирая слова. — Ты бы выбрала его, если бы могла?

— Выбрала для чего?

— Думаю, ты знаешь

— А я думаю, что это не твоего ума дело.

— Да ладно тебе, не злись. В других обстоятельствах мы бы подружились. Не так уж много нас разделяет.

— Нас разделяет все, — возразила Флора. — Ты можешь ходить, куда хочешь. Делать, что хочешь. Есть, где хочешь. Мир принадлежит тебе и твоей расе. А мы для вас просто рабы. Ваш мир опирается на наши спины. Нам даже приходится платить вам взятки за привилегию вас развлекать. Но потом вы все равно нас арестовываете.

— Как ядовито, — усмехнулась Хелен. — Мне нравится.

— Мы закончили, — припечатала Флора.

— Пока что да, — кивнула Хелен.

***

Флора миновала половину ступенек крыльца, когда из двери, понурившись, вышел

Генри, а по обе стороны от него шагали взволнованные мужчина и женщина. На женщине была шуба и шляпа, мужчина же бросался в глаза своим хмурым лицом.

— Генри? — окликнула Флора. — Прости, я приехала, как только смогла. — Она так торопилась, что забыла перчатки и его шляпу, и поняла это, только заметив его растрепанные волосы.

Генри поднял на нее удивленные глаза.

— А это еще кто? — потрясенно спросила женщина. — Откуда она знает твоё имя? Это из-за нее ты сюда попал? Неужели — пожалуйста, скажи, что это не так — неужели ты ее нанял? — Она заплакала.

Мужчина стащил Генри с крыльца мимо Флоры, которая отступила, пропуская их, и выронила сумочку, из которой вывалились деньги и разлетелись по тротуару. Голодные дети в грязной одежде, отиравшиеся у здания, набросились на купюры, как воронье, и растащили почти все, но у Флоры уже не осталось сил за ними гоняться. Опекуны Генри посадили его на заднее сидение автомобиля и с визгом шин по асфальту умчались прочь.

Глава 40

Проследив, как Флора покинула «Домино», без сомнения, чтобы отправиться в тюрьму с жалкой пачкой купюр в сумочке, Смерть немного отъехала от клуба и припарковала машину. Был разгар дня, своего рода мертвый час для этой округи. Никто не увидел целеустремленную темноглазую девушку в красном платье, вошедшую в клуб через запертую дверь, открывшуюся от одного касания. Никем не замеченная, Смерть поспешила спуститься в зал, точно зная, с чего начнет, и надеясь, что все пройдет по плану. Она намеревалась забрать у Флоры последнее, что держало ее в Сиэтле.

Смерть зажгла свечу и поставила на барную стойку, вдыхая запах расплавленного воска по мере того, как свет одинокого огонька распространялся по залу. Контрабас Грэди, все еще хранивший отпечатки пальцев Генри, лежал в углу сцены. Хотя он был размером со взрослого мужчину, Смерть легко подняла его, протащила через зал и водрузила на стойку. Она положила инструмент струнами вверх, воздавая должное человеческим жертвам, которые люди издревле приносили разнообразным богам, но все их смерти лишь проваливались в ее бездонную пустоту.

Смерть перенеслась на другую сторону барной стойки и принялась собирать бутылки: ром, водка, бурбон, скотч. Расставив их на полированной деревянной поверхности, она открыла первую бутылку и расплескала ее содержимое по инструменту, словно окропляя святой водой труп. То же самое она проделала со второй, третьей и четвертой бутылками. Дерево стонало от этого надругательства. Высохшая дека впитывала алкоголь, он вливался в эфы^[14], капли стучали по задней крышке деки. В воздухе пахло пылью и спиртом.

Смерть положила руки на стойку, вспоминая ту, из которой вытянула жизнь в ночь гибели родителей Флоры. Здесь еще меньше жизни, еще меньше сопротивления огню. Зрелище будет впечатляющее. Смерть взяла свечу и сунула в эф.

Из инструмента повалил дым, дерево покраснело, затем обуглилось. А потом, словно огонь понял, что проголодался, контрабас вспыхнул. Пламя сожрало лужицы протекшего спиртного, оранжевой рекой устремилось в разные концы барной стойки и перекинулось на

пол, полки и бархатные шторы.

Смерть взяла перчатки, которые давным-давно оставила в маленьком зеленом доме. В конце концов они принадлежали ей, а она всегда забирала свое. Затем повернулась к выходу, чувствуя за спиной дым и жар и понимая, что Любовь был прав по поводу огня. Он жил своей жизнью, являл собой некое создание с собственной душой.

Да пылает он долго.

Глава 41

Флора вышла из тюрьмы и поехала в «Домино», где намеревалась по мере возможности закончить готовить еду до концерта. Она возьмет свои перчатки и уберет в сторону шляпу Генри. Она найдет способ позже передать ее Генри и оставить его жить своей жизнью.

Вдалеке в небо тянулся черный палец дыма. Флора хотела верить, что горит не ее клуб, что огонь пожирает не ее смысл жизни, но почувствовала, как внутри что-то оборвалось, словно часть ее души обратилась в пепел.

Флора остановила машину неподалеку и побежала к пылающему зданию. Жар обдал ее лицо и руки. Дым вонял чем-то масляным и ядовитым, без сомнения, подпитываемый запасами бара и кухни, занавесками, деревянной лестницей... всем ей знакомым, последними остатками родительского наследства. Портрет родителей. Поняв, что он тоже утрачен, как и дорогие сердцу перчатки, она не смогла сдержать слез и остановилась.

За спиной были сирены, но пожарные смогут лишь помешать распространению огня. Плечи Флоры поникли. Семья Миясито в соседнем здании лихорадочно поливала его водой. Они что-то кричали друг другу по-японски, и от этого Флоре стало еще хуже. Если огонь перекинется на их дом, Миясито тоже потеряют все.

На другой стороне улицы стояла полицейская машина. Когда служители закона увидели Флору, они вышли на тротуар. Один держал лист бумаги.

— Вы владелица этого заведения? — осведомился полицейский.

Флора кивнула, не в силах вымолвить ни слова. Он вручил ей документ.

— Ужасно, что приходится отдавать вам предписание прямо сейчас, но я обязан это сделать.

Флора бросила взгляд на бумагу. Предписание городских властей закрыть клуб по обвинению в даче взятки. Чешуйка пепла упала на щеку Флоры, но она не обратила на это внимания. Отвернулась от полицейского, скомкала бумагу в шарик и швырнула его в огонь.

В голове звучали слова, которые произносил казавшийся непонятно откуда знакомым голос: «Однажды все, кого ты любишь, умрут. Все, что ты любишь, обратится в прах. Такова цена жизни. Такова цена любви».

Это «однажды» наступило.

Глава 42

Мистер Торн неодобрительно кривил губы, сидя за столом и перечисляя провинности

Генри:

— Ты украл машину Итана...

— Я бы все равно разрешил ему взять «кадиллак», — вставил Итан.

— Не перебивай. Ты украл машину, ты прогулял занятия в день последнего экзамена, ты сдружился с... с цветной певичкой из ночного клуба и заставил кузину Хелен вытаскивать ее из каталажки, тем самым подвергнув ее репутацию бог знает какому риску.

Генри побледнел. Он не ожидал, что Торны все это раскроют; предательство Хелен его очень удивило и обидело. Вполне возможно, понял он, что таким образом Хелен отомстила ему за то, что он предпочел ей Флору. Остальные же обвинения — что Хелен якобы нежная фиалка, которую может погубить помощь кому-то их возраста — казались полной ерундой. Но Генри удержал рот на замке.

— Я все перечислил? — поинтересовался мистер Торн. — Или ты бы хотел сам признаться в том, что я не упомянул?

Генри посмотрел на Итана и по выражению его лица догадался, что друг просит ничего не говорить о поездке в Гувервилль и возникшей после нее дружбе Итана с Джеймсом. И Генри совершенно точно не собирался признаваться, сколько времени на самом деле проводил в «Домино» и насколько снизилась его успеваемость.

— Полагаю, это все, сэр.

Мистер Торн вновь скривил рот, уперся руками в стол и поднялся. Его массивное тело почти закрыло льющийся в окно свет, а тень упала на Генри и как будто придавила его к полу.

— Ты поставил меня в ужасное положение. Ужасное!

— Знаю, — деревянным голосом ответил Генри.

— Правда? Откуда тебе знать, каково это — обнаружить, что мальчик, которого ты вырастил почти как собственного сына, напал на государственного служащего при исполнении?

— Но он оскорбил...

— Даже не произноси ее имени! Не хочу больше ничего о ней слышать! Прошу, скажи, что вы не... — он презрительно взмахнул рукой, — вступали в связь.

— Нет, — прошептал Генри, сгорая от стыда, что ему пришлось говорить это прилюдно.

— Слава богу. Значит, последствий не будет. — Мистер Торн снова сел, откинулся на спинку кресла и потер лысину. — В газете придется написать о нападении и аресте. Так как тебе нет восемнадцати, ты несовершеннолетний, поэтому твое имя упоминаться не будет. Но журналистская этика требует указать, что ты имеешь отношение к нашей семье. Это позор, просто позор.

Генри сглотнул. Он уже об этом думал, и в устах мистера Торна перспектива казалась еще более ужасной.

— И, само собой разумеется, ты не выступишь со своим классом. Мы уже побеседовали с директором. Он рассказал о твоих низких оценках и после твоей сегодняшней выходки решил исключить тебя из школы.

У Генри закружилась голова.

— И, безусловно, стипендия в университет также отменяется. — Мистер Торн снова наклонился вперед и уперся локтями в стол.

Стипендия была его будущим, вернее, могла бы им стать. А теперь ее больше нет. Новость ужаснула Генри, но в какой-то мере он всю жизнь ждал чего-то подобного. Как бы

он ни пытался быть полезным, следовать правилам, кровью и потом добиваться своего места в этом мире, отчасти он всегда знал, что чужой на этом празднике жизни, и подспудно ждал изгнания.

Но также он знал, что где-то его ждет иное, более желанное будущее, о котором он всегда мечтал и в котором для него существовала возможность любви.

— Отец... — Итан умоляюще положил руки на стол.

Мистер Торн повернулся к сыну и погрозил ему пальцем:

— А ты вообще молчи, Итан. Ты вроде как кажешься не виноватым, но ты ведь не хочешь, чтобы я копнул глубже и узнал о твоих проделках?

— Нет, сэр. — Итан отошел и убрал руки в карманы.

— Из уважения к твоему покойному отцу и благодаря приятным воспоминаниям о том, как ты рос под моей крышей, я не стану изгонять тебя из нашей жизни совсем. — Мистер Торн достал из хьюмидора сигару, зажег ее и выдохнул облачко сизого дыма. — Если хочешь, можешь работать на печатной машине. — Немного помолчав, он добавил: — Но тебе придется подыскать другое жилье. Нельзя, чтобы ты жил здесь, особенно когда твое поведение и знакомства подвергают риску и так подпорченную репутацию Хелен. Да и об Итане и Аннабель надо подумать. У них тоже есть репутация, которая нуждается в защите.

Итан со свистом вдохнул, и Генри пожалел его даже больше, чем себя.

— Понимаю, — кивнул он. — Спасибо, сэр.

Мистер Торн поднял сигару из хрустальной пепельницы, края которой переливались в полумраке кабинета, словно жидкие.

— Пожалуйста. — Он протянул Генри свободную руку. — Не ввязывайся в неприятности. И удачи тебе.

***

Итан последовал за ним наверх.

— Генри, ты должен пересмотреть свои взгляды.

— Пересмотреть? — Генри окинул взглядом комнату, размышляя, что бы взять с собой. Не так уж много. Одежду, фотографии родителей и сестры, контрабас, который все еще стоит в гараже. — Вряд ли это что-то изменит. Хотя... ты сможешь меня подвезти?

— Подвезти? И куда ты поедешь? — Итан закрыл за собой дверь. — Генри, это безумие. Если ты согласишься работать на печатной машине, это тупик. Ты никогда оттуда не выберешься, не сможешь позволить себе купить дом...

— Я не только этим буду зарабатывать на жизнь, — сказал Генри. Открыл ящик комода, вытащил небольшую стопку сложенных маек и положил на кровать. — Есть еще «Домино». Флора попросила меня присоединиться к группе, и я согласился.

— Но это... Попроси отца дать тебе второй шанс, — взмолился Итан. Голос его звучал странно, будто чужой. — Пообещай, что будешь держаться подальше от Флоры и «Домино». Брось музыку. Она не даст тебе безопасности. Ты это знаешь, я это знаю. Пришла пора с этим смириться.

Генри открыл следующий ящик и вытащил сменные брюки. Те, что от школьной формы, можно оставить здесь. И хорошо — они кололись. Он повернулся к другу.

— Итан, поверить не могу, что ты такое говоришь. Не ты ли недавно утверждал, что нужно ловить момент? Жить той жизнью, о которой мечтаешь?

— Знаю, знаю, — тихо отозвался Итан. Взял майки с кровати и шагнул к комоду, чтобы положить их назад, но Генри преградил ему дорогу. — И я все еще в это верю, теоретически.

Но вот так... снимать комнату в общежитии и работать на типографской машине, пока краска навечно не вьется в руки, а ты не станешь глухим калекой? Я видел печатников и знаю, что с ними происходит. Как можно зарабатывать этим на жизнь, а по ночам играть музыку? Может быть, подумаешь, как бы закончить школу? Получить аттестат? Тебе до выпуска осталось несколько дней, и я...

— Аттестат не поможет мне стать тем, кем я хочу, — отрезал Генри. — А эта работа только на первое время. — Он вытянул руки, и Итан нехотя вернул ему майки. Генри положил их на стол и вытащил из-под кровати старый отцовский чемодан, все еще обклеенный наклейками тех стран, где отец побывал. Италия, Франция, Англия, Бразилия — теперь они казались невозможно далекими.

Генри прошел к шкафу за своим единственным костюмом.

— Но не надо пока ставить на мне крест. Хотя у меня нет денег на аренду. После уплаты залога у меня осталось всего двенадцать центов. Что, если я пойду к Джеймсу в Гувервилль? Как думаешь, он поможет?

Итан покраснел и кивнул.

— Не волнуйся, — ободрил его Генри. — Поживу там до первой зарплаты, а потом съеду. Кстати, как там твоя статья? Уже нужно помогать тебе писать? И как Джеймсу понравилась музыка? Мы так об этом и не поговорили.

— Нет, все нормально, я... Вот, давай я тебе хоть как-то помогу. — Он завернул фотографии родных Генри в шерстяной свитер и положил их в чемодан поверх других вещей. Затем подошел к шкафу и взял смокинг, в котором Генри ходил в «Домино». — Он тебе пригодится. И, конечно, я тебя подвезу.

— Я его не возьму, — отказался Генри. — Он принадлежит твоему отцу.

Укладывая свою жизнь в чемодан, он чувствовал себя как во сне, когда хочется бежать, но ноги словно налились свинцом. Но, возможно, это и есть тот момент, когда начинается взрослая жизнь, а кажущееся вечным детство на глазах остается позади. Нужно двигаться дальше, и неважно, каким темным и узким кажется путь впереди.

Итан снял с вешалки смокинг и белую рубашку.

— Слушай, я хочу, чтобы ты остался. Попросил родителей дать тебе последний шанс. Тебе нельзя уходить прямо сейчас. Просто нельзя. — Он положил смокинг и сел на стол Генри, прижав ладонь ко лбу. — Не знаю, что я буду делать без тебя, Генри.

— Мы все равно будем видеться. Этого твои родители не запрещают. А став издателем газеты, ты сможешь меня повесить.

Итан горько усмехнулся.

— Неприятности у тебя, а я тут разнылся, как будто сам пострадал. Прости. Мы оба в курсе, какие у меня трудности с чтением и письмом. Отец рано или поздно выяснит правду. Я знал, что это случится, но сейчас мне кажется, что я тону — все происходит сразу и одновременно.

— Я по-прежнему могу тебе помогать, — предложил Генри. — Давай напишем статью о Гувервилле вместе.

— Не могу. — Итан тяжело вздохнул. — Если я совершенно не умею читать и писать без помощи, управлять газетой мне не под силу. Странно, но я раньше считал, что хуже этого не придумаешь. Теперь, зная, что это не так, я почти жду неизбежного. Возможно, придется просить тебя приютить меня в твоей новой квартире, когда ты ее найдешь.

Генри закрыл чемодан и снял его с кровати.

— А если уйти вместе? Когда я заработаю денег, чтобы платить свою долю?

— Отец никогда этого не позволит. — Итан поднял голову.

Генри тут же почувствовал себя виноватым.

— Прости. Я знаю. И никогда бы не захотел, чтобы ты это все бросил. Знаешь, тебе ведь повезло.

— Только львиную долю времени я так не думаю.

Генри поднял чемодан. Все его имущество, за исключением контрабаса, можно было унести одной рукой.

— Приходи меня навещать. Я буду недалеко и смогу помочь тебе со всем, что нужно. Твоему отцу необязательно об этом знать.

— Генри, — выдавил Итан, — я восхищен твоим мужеством. Ты должен играть музыку. Но если собираешься на сцену, ты просто обязан выглядеть соответственно. — Он открыл чемодан и сунул внутрь смокинг. — Иди за контрабасом. К черту отца и его возможные возмущения.

В комнату вбежала Аннабель и бросилась к Генри. Ее личико было розовым и мокрым от слез.

— Генри! Тебе нельзя уезжать! Я тебя не пущу!

Он присел на корточки, чтобы оказаться с ней лицом к лицу.

— Я буду жить неподалеку. Будем как прежде кататься на велосипедах в парке.

— Обещаешь? — спросила малышка.

— Обещаю. А еще я буду слать тебе письма. Так, где твой платок? Давай-ка вытрем сопли. — Аннабель вытащила из кармана передника платок Флоры, и Генри промокнул им ее щеки, при этом дотронувшись до вышитого на ткани крохотного сердца. Он задался вопросом, что сейчас делает Флора, думает ли о нем. С той самой ужасной встречи в тюрьме он не имел возможности с ней связаться и теперь не знал, когда в следующий раз окажется у телефона или сможет дойти до ее дома.

Генри обнял Аннабель. От девочки пахло травой и арахисовым маслом, и мысль о том, что он больше не будет по утрам слышать ее возню, не будет отвечать на ее глупые вопросы и не увидит, как она растет, будто в замедленной съемке... Он быстро выдохнул, разжал объятия и встал.

Итан с чемоданом ждал за дверью.

— Готов?

— Ну вроде.

Хелен в белой юбке и свитере ждала у подножия лестницы, покусывая жемчужины ожерелья. Она выплюнула жемчуг, чтобы задать вопрос:

— Куда это вы двое собрались с чемоданом?

— Не твое дело, — ответил Итан. — Уверен, ты и так уже все знаешь.

Генри смутился. Не то чтобы он когда-нибудь всерьез думал об отношениях с Хелен. Но, покинув дом Торнов, он больше никогда не сможет быть рядом с подобной девушкой с блестящими волосами, которая носит жемчуг и мягкие свитера. Чем-то неуловимым она напоминала ему маму, хотя в Хелен не было той теплоты, что присутствовала в его воспоминаниях. Он не мог сказать, что к ней чувствовал и что чувствовал вообще. Все тело словно онемело. Зная, что Хелен рано или поздно узнает правду, он решил озвучить ее сам. Стремительное падение ножа гильотины, навеки отрезающего его жизнь от ее.

— Я перебираюсь в Гувервилль, — сказал он.

На ее лице отразились противоречивые эмоции: смятение, затем гнев.

— Прости меня, — выдохнула она. От нее пахло дымом. Хелен пошла наверх, но на полпути остановилась. — Мы еще увидимся. Скоро. Обещаю.

Генри в этом сильно сомневался. Он поднял чемодан. По дороге к машине Итан пытался отговорить Генри от мысли остановиться в Гувервилле.

— У меня есть некоторые сбережения. Это место не годится для приличного человека.

— Джеймс же там живет, — возразил Генри, укладывая чемодан в багажник.

— Джеймс другой. — Итан схватил Генри за руку, словно физически мог его удержать. — Его не волнуют условия.

Генри высвободился и пошел к гаражу за контрабасом, надеясь, что его не украдут или не пустят на растопку, едва хозяин отвернется.

— Скоро я заработаю достаточно, чтобы снять комнату. Гувервилль вовсе не моя судьба.

До лагеря доехали быстро и молча. Гувервилль выглядел значительно меньше, чем в тот раз, когда Генри видел его впервые.

— По крайней мере возьми немного денег на еду, — сказал Итан.

Генри сунул купюры в бумажник.

— Я их обязательно верну. — Не хотелось еще больше быть перед Итаном в долгу.

— И думать не смей. — Итан удрученно огляделся. — Ну почему ты даже не попросил второго шанса?

Генри промолчал. Ему не хотелось говорить правду, что он испытал почти облегчение, когда то, чего он больше всего боялся, наконец случилось. Пока есть Флора и «Домино», больше ничто в мире не способно причинить ему боль.

Глава 43

Вторник, 8 июня 1937 года

Генри привык к грохоту и духоте типографии меньше, чем за день. Шум мешал ему уйти в собственные мысли, пока он загружал бумагу в намасленную печатную машину. Движение полос, шум, разлетающаяся повсюду бумага — обстановка отвлекала его от тяжелых дум о потерянном. О Флоре и ее бабушке. О себе и своем доме. Казалось, что какое-то невидимое лезвие раз за разом отсекало по кусочку от их миров, оставляя им все меньше пространства, за которое можно уцепиться.

Генри временно поселился в Гувервилле, где по меньшей мере Джеймс был рад ему помочь. Даже слишком рад, если честно. Он прилип к Генри как тень и даже выделил ему небольшую лачугу, в которой пахло смолой и опилками. Когда Генри останавливался, чтобы передохнуть и прислушаться, он чувствовал в воздухе неуловимую дрожь, словно все надежно стоящее на земле вот-вот обрушится.

— Поберегись, Бишоп!

Генри отскочил с пути своего начальника Карла Уоттерса, который тащил на тележке бочку чернил мимо печатной машины.

— Неудивительно, что у тебя фонари под глазами. Ты такой неуклюжий!

Смущенный Генри убрал со лба мокрый от пота клочок волос и вернулся к машине,

которую должен был смазывать. Он положил тряпку в карман и закрутил пару болтов.

За спиной кто-то закричал, и Генри обернулся. В одно из открытых окон, впускавших в душное помещение хоть капельку свежего воздуха, влетел воробей. Птица — еще не причина останавливать печать, но если она залетит в машину, на дневном выпуске газеты окажутся кровь и перья, а у рабочих вычтут из зарплаты.

Генри взял деревянную палку с крюком на конце, которой они обычно открывали и закрывали окна, и попытался прогнать воробья, но птица упорхнула в угол, где работники собирали и складывали газеты. Генри последовал за ней и обогнул колонну. Глупое создание ведь вполне может капнуть на передовицу.

Вон она, сидит на карнизе над стопками газет. И тут же, словно Генри вежливо ее попросил, птица вылетела в открытое окно. Впервые за несколько дней почувствовав, что ему повезло, Генри приставил палку к колонне и вытер лоб грязным платком. Внезапно его внимание привлек заголовок.

ПОЖАР В НЕГРИТЯНСКОМ НОЧНОМ КЛУБЕ

Он тут же узнал на снятой днем фотографии «Домино». Здание выгорело полностью. Держа в трясущихся руках газету, Генри быстро просмотрел текст. Имя Флоры в заметке не упоминалось. Он стоял в ступоре, пока мистер Уоттерс не рявкнул прямо над ухом. Генри бросил газету и глянул на часы. До конца смены девятью семью минут. Да к черту. Пусть увольняют, если хотят. Он снял холщовый фартук и швырнул на пол.

— Я доложу начальству! — бесновался Уоттерс. — Мне плевать, кто там тебя рекомендовал!

***

Выйдя на улицу, он повернул в сторону района, где жила Флора, но успел сделать всего три шага, когда услышал, что кто-то его зовет. Хелен. Она высовывалась из окна автомобиля мистера Торна, припаркованного на другой стороне улицы, и улыбалась, словно ничего не изменилось.

— Подвезти?

Генри посмотрел на свои измятые брюки и испачканные типографской краской ладони. Он сознавал, как выглядит его лицо после побоев, помнил о пятнах застарелого пота на спине и под мышками и даже с зажатым носом почуял бы, как от него пахнет. Он перешел улицу, чтобы не кричать, но остановился поодаль от автомобиля, чтобы Хелен поменьше увидела и унюхала.

— Неожиданно. — Ему не хотелось вселять в Хелен веру, что он рад ее видеть.

— Я была тут неподалеку, — объяснила она, заправляя локон за ухо. — Ой! Дурацкая булавка! — Она стянула перчатку и показала Генри палец, на котором набухла капля крови. — Иди сюда, поцелуй, чтобы прошло.

— Э-э, — замялся Генри.

— Не выносишь вида крови? — Она сунула палец в рот и облизала. Снова натянула перчатку и положила руку на руль. — Куда поедем?

Генри колебался. Денег на трамвай у него не было, а для пешей прогулки он слишком устал. Но ему не хотелось показываться Флоре в обществе Хелен, а также давать Хелен знать, куда он пошел. Это совсем не ее дело.

— Как насчет перекусить? Я жутко голодна.

Генри скривился. Даже при желании ему не хватит денег куда-нибудь ее сводить. Себе на хлеб едва хватало.

— Я угощаю, — предложила Хелен, похлопывая по сумочке. — У меня денег больше, чем я могу потратить.

Горячий обед. Почти ничего в мире так не хотелось, как полноценной еды. Почти.

— Я обойдусь, но спасибо.

— Давай уже садись, Генри, — прошипела Хелен. Она выглядела сердитой, почти опасной. — Некогда тут весь день ляды точить.

Тут его окликнул еще один знакомый голос, и Генри повернулся. Джеймс Бут стоял чуть дальше, держа плакат с надписью «РУКА ПОМОЩИ, А НЕ ПОДАЧКА».

— Ничего себе воссоединение, — заметил Джеймс.

— Какое совпадение, — процедила Хелен.

— Да уж, — кивнул Джеймс. — Неисповедимы пути и все такое. — Он смотрел на Хелен с не меньшей враждебностью, чем она на него.

Генри нестерпимо хотелось исчезнуть.

— Впрочем, я подумал, что лучше пройду. Мне недалеко.

— Не глупи, Генри, — возразила Хелен. — Позволь мне тебя накормить. Выглядишь полумертвым.

— Ну раз вы так щедры, — усмехнулся Джеймс, — я воспользуюсь вашим предложением.

— Не думаю, что это будет уместно, — ответила Хелен. — Я ведь приличная девушка.

— В таком случае нам будет вас не хватать, — сказал Джеймс, становясь между Генри и машиной. Хелен пристально уставилась на него, словно сочиняя хлесткую реплику, а затем молча захлопнула дверь и укатила.

— Куда идем? — поинтересовался Джеймс с улыбкой, давшей Генри понять, что странная перепалка ничуть не испортила мэру Гувервилля настроение.

Генри хотел остаться один, вдобавок ему не понравилось, как Джеймс и Хелен вели себя с ним: будто с игрушкой, за которую соперничали.

— Боюсь, я иду по личному делу.

— Личному? — спросил Джеймс. — Звучит интригующе.

— Прости, Джеймс. Ты так мне помог, но я правда не могу больше задерживаться. А свое дело я должен сделать сам.

Он удивился, заметив, что Джеймс не расстроился, а наоборот посветлел.

— Тогда желаю удачи, — сказал он. — Правда.

И Генри понял, что верит ему, даже несмотря свое желание поскорее распрощаться.

Глава 44

Флора хотела перестать думать о Генри. После недавних потрясений им обоим нужно перестроить свои жизни, по возможности обойдясь без шрамов. Она занимала себя подготовкой бабушкиных похорон, которые должны были состояться на следующий день. И она получила записку от Дока Хендерсона. Владелец «Мажестика» приглашал встретиться и обсудить концерт или два в его клубе. Флора была рада отвлечься от мыслей о бабушке и потере клуба, а также от бесполезных терзаний на тему, где сейчас Генри, что он делает и как себя чувствует.

— Я люблю тебя, — прошептала она, просто чтобы попробовать на вкус эти три слова, которые никогда ему не скажет.

Едва она взяла веник и начала подметать пол, как в дверь постучали. Флора сердито открыла, ожидая, что кто-то с благими намерениями принес ей запеканку. Запеканок натащили уже столько, что ей их вовек не съесть. Но человек на пороге стоял с пустыми руками. И это был Генри.

Несмотря на желание увидеться с ним, при его появлении Флора испугалась.

— Что ты здесь делаешь? Тебе не следовало приходить.

Генри отступил. Тень от козырька падала ему на лицо, но даже так Флора увидела, как сильно его задела.

— Прости, я не то хотела сказать. — Она коснулась его руки.

Генри сглотнул.

— Я слышал о пожаре в клубе и вот хотел выразить соболезнования.

— Что ж... — Флора выдохнула и глянула поверх его плеча, приветствуя жгучие лучи заходящего солнца. Генри подошел поближе, и она увидела, насколько он вымотался. Пригласить его войти и выпить стакан воды или отправить домой, пока она не сказала ничего, что навлечет на них неприятности или обидит Генри? В голове тут же раздался бабушкин голос: «Флора, помни о манерах! Пригласи юношу в дом!»

— Пить хочешь? — спросила она.

— Как верблюд, — ответил Генри.

Она отвела его к стулу у окна и пошла в кухню, жалея, что в доме нет ничего, кроме воды. Наполнила стакан и крикнула:

— Проголодался? — Еды-то у нее было полно.

— Как верблюд, который несколько дней не ел.

— Ветчина или запеканка?

— Ни один уважающий себя верблюд не ест запеканку. Там может быть его сородич.

Смеясь, Флора соорудила бутерброд с ветчиной и сыром и положила на поднос рядом со стаканом с водой. Отнесла поднос в гостиную и поставила на столик рядом с Генри. Он протянул руку к стакану, и Флора заметила, что его пальцы испачканы чернилами.

— Выглядит так, будто ты проиграл сражение с вечным пером.

— Перо — оружие куда серьезнее меча. — Он взял бутерброд. — Чудо, что я жив. — Он откусил кусочек бутерброда, прожевал и проглотил. — А если серьезно, это долгая история.

— У меня полно времени, — сказала Флора, усаживаясь на оттоманку. Подняла глаза на Генри, наконец расслабившись. — Расскажи.

Доев бутерброд, Генри поведал ей все, хотя Флора заподозрила, что он несколько приукрасил жизнь в Гувервилле.

— Прости, это я виновата.

Генри сел рядом и взял Флору за руку.

— Тихо, — прошептал он и коснулся ее щеки испачканным пальцем. Сердце Флоры заколотилось, словно барабан.

— Генри, нам не следует этого делать. У нас с тобой нет будущего.

— «Нам не следует» вовсе не равно «мы не можем». Кроме того, для меня нет будущего без тебя в нем.

— Если ты не заметил, — сказала Флора, — ты белый.

— Ничего не могу с этим поделать. Я бы изменил цвет кожи, будь это возможно, но,

увы, это нереально. Такие дела.

— Ты из богатой семьи, — продолжила Флора.

— Уже нет. Причем довольно давно. У Торнов я чувствовал себя чужим. Но с тобой я будто на своем месте.

— По моей вине ты угодил за решетку.

— Неправда, да и я уже об этом забыл. — Он поцеловал ей руку, а Флора наклонилась и положила голову на плечо Генри. — Я люблю тебя. Нам суждено быть вместе. Вот так просто.

Эти слова и их вес не были просто словами. Флора знала, что он говорит искренне. Но когда речь заходила об отношениях, их жизни им не принадлежали. Вокруг слишком много людей, у которых иное мнение по этому поводу. К тому же, все знают, что любовь всегда заканчивается болью.

— Мир будет против такого союза. Уверена, ты сам это понимаешь, — произнесла Флора.

— В бою нас против мира я ставлю на нас.

Флора отодвинулась от Генри и для поднятия настроения пошутила:

— Легко тебе говорить. Когда мы в последний раз виделись, у тебя в кармане было двенадцать центов. Ты смешон, понимаешь?

— О да, в дуракавалянии я чемпион.

Усмехнувшись, Флора позволила себе прижаться щекой к его груди, послушать, как бьется его сердце, вдохнуть его запах... Она резко села.

— Генри!

— Да? — Он взял ее за руки и серьезно посмотрел в глаза.

— От тебя ужасно пахнет. — Не то чтобы совсем ужасно, но помыться не помешает. — Ванная в конце коридора. Вымойся. У меня есть одежда, которая тебе подойдет.

Он улыбнулся.

— И что потом?

— Потом я звоню Шерману. И, возможно, мы поедем в «Мажестик», если сможем быстро подготовиться.

— В «Мажестик»? Но у меня совсем нет денег, а вся одежда осталась в моем замке из смолы и бумаги. До первой зарплаты еще почти две недели...

— Тс-с. Док нам заплатит. — Флора приложила палец к его губам. — И еще уйма клубов в городе. Они заплатят, я точно знаю. Поэтому приведи себя в порядок и за работу. Мне нужно шевелиться, иначе я начну думать о плохом и расклеюсь.

— Прости за то, что сейчас случится, — сказал Генри.

— Что? — Флора напряглась. — Что на этот раз?

Он не ответил.

Вернее, ответил не словами, а обнял ее и поцеловал так крепко, как будто от этого поцелуя зависела его жизнь. И Флора была этому рада, потому что если бы он не попытался, она бы умерла. Хорошо знакомые ей губы были такими мягкими и теплыми, а на вкус сладко-солеными, и целовали ее так, будто только для этого созданы. Флора и Генри никогда не станут парой, как в его мечтах, но по крайней мере у них будет этот поцелуй, эта тайная радость, которую можно хранить в памяти.

***

Пока Генри мылся и одевался, группа уже успела собраться. Голоса, смех, пробные

ноты... мир звуков, в котором, как думал Генри, он всегда обречен стоять на обочине, не имея возможности погрузиться в него целиком. Остановившись в темном узком коридоре, он прислушался.

— Мы уже поговорили с Доком, — донесся до него мужской голос. — Ждали только твоего согласия.

— Вы же знаете, что я пою только до тех пор, пока не накоплю на полет, — ответила Флора.

— Ты постоянно так говоришь, — возразил ей мужчина, — но ты ведь можешь заниматься не только одним делом. В жизни ты не обязана выбрать одну профессию в ущерб другой. И нас ждут не только в «Мажестике», а еще в куче мест.

— И Док согласен, чтобы Генри...

— Он хотел сначала его прослушать, но мы за него поручились. Генри с нами.

Сгорая от стыда за то, что подслушивал, Генри кашлянул и вошел в комнату, стесняясь своих мокрых волос, белой кожи и того, что на нем вещи, должно быть, отца Флоры.

— Смотрите-ка, кого кошка на хвосте принесла — нашего контрабасиста. — Оказывается, с Флорой говорил клавишник, Палмер.

— Серьезно? — искренне недоверчиво и радостно ответил Генри.

Палмер кивнул:

— Флора молчала как рыба. Мы уговаривали ее взять тебя в группу с того самого дня, как услышали твою игру. А теперь она заявляет, что ты написал настоящий хит. Не терпится послушать.

Лучше таинственной улыбки Флоры Генри никогда ничего не видел. Он оглядел комнату. Музыканты сидели на стульях, диванах, подоконнике. Те, кто переговаривался, замолчали. Все ждали. Ждали его.

— Но у меня нет с собой инструмента, — промямлил он.

— Флора, папин-то вы не выбросили? — спросил Шерман.

— Нет, конечно! — воскликнула Флора. — Правда, струны на нем уже совсем древние, даже не знаю...

— Лучше, чем ничего, — решил Палмер. — Помочь принести?

— Я сама. — Флора встала.

— Я помогу, — вызвался Генри.

— Только не увлекайся, — предупредил трубач, и Генри сделал мысленную зарубку попозже придушить этого парня. Он последовал за Флорой в спальню, в которой определенно жила ее бабушка. В углу, как старый солдат, стоял пыльный контрабас.

— Вот он. — Генри потянулся к инструменту. — Давай я понесу.

— погоди. — Флора взяла его за руки, оказавшись с ним лицом к лицу. — Ну вот так. Готов?

— Однажды, — произнес Генри, словно давая обещание.

— Ты имеешь в виду песню, да? — Флора сморщила лоб, словно о чем-то беспокоясь. — Потому что сейчас самое время ее сыграть.

— Я не это имел в виду, — многозначительно ответил Генри.

— Знаю. — Она отпустила его руки и другим тоном добавила: — Волнуешься?

— Столбенею, — вздохнул Генри. Господи, как же ему хотелось снова ее поцеловать.

Флора усмехнулась.

— Всем понравится песня. Я... — Она замолчала, пригладила волосы, и Генри пожалел,

что у них так мало времени. Казалось, будто ему никогда не надоеет ее общество. — Ну что, идем?

Генри кивнул, последовал за ней в гостиную и установил контрабас. Затем показал музыкантам аккорды куплета и припева. Он играл песню, надеясь, что все почувствуют, что он в нее вкладывает.

Закончив, все долго молчали. Наконец Шерман сказал:

— Эта песня изменит твою жизнь, сынок.

— Кардинально, — добавил Палмер.

Но Генри так не казалось. Он не просто изменит жизнь, а шагнет в ту, какую ему предназначалось прожить. И он наконец сделал этот шаг.

Глава 45

Пятница, 25 июня 1937 года

Прошло больше двух недель. Каждый вечер Генри, Флора и остальные музыканты репетировали и давали концерты в клубах по всему городу, а днем Генри работал в типографии. Любовь и Итан по-прежнему встречались, совмещая в свиданиях философские дискуссии и плотские утехы. Смерть, между тем, тихо наблюдала за происходящим, и ее гробовое молчание пугало Любовь.

Когда настал вечер дебюта Генри на сцене «Мажестика», Итан, волнуясь, пригласил Джеймса на концерт, и Любовь, желая услышать игроков, согласился. Он жалел, что не является в полной мере человеком и поэтому не может насладиться вечером как обычный влюбленный в белоснежной хлопковой рубашке, смокинге из дорогой шерсти и искусно сотканном галстуке из лазурного шелка.

Ему хотелось выскрести грязь из-под ногтей, распарить лицо, намылить подбородок и побриться новым лезвием, а еще лучше — отдать бритве на откуп умелому цирюльнику. Он мечтал о бутылках охлажденного во льду шампанского, нежных стейках, истекающих соком на изысканном фарфоре, насыщенном вине и потрясающем необычным десерте, возможно, лебедь из черного шоколада с кремовой начинкой и глазированными съедобным золотом перьями.

Раньше он наслаждался всеми этими удовольствиями. В прежних Играх он не заводил отношений с игроками или их друзьями и при желании мог роскошествовать. Но Джеймсу Буту подобные удовольствия недоступны, поэтому придется пожертвовать ими в пользу скромной одежды и пищи.

В «Мажестике» и без того хватало красоты. Свет свечи на столике подчеркивал резные черты лица Итана, его голубые глаза и ровные белые зубы. Игра или нет, но от соблазна этого парня Любовь не смог бы отказаться никогда. Итан не походил ни на кого: умный, творческий, страстный, красивый. Весь мир был у его ног.

Когда начался концерт, занавес открылся, и небольшая часть зрителей, собравшаяся послушать музыку, начала вежливо хлопать, но большинство гостей клуба продолжили разговоры, как будто музыка не имела значения. Зажглись софиты, раздался мерный барабанный бой. «Мажестик» несколько отличался от «Домино», и в его истории не было периода подпольного бара, придающего атмосферу опасности и интриги. «Мажестик»

больше походил на обычный ресторан, поэтому сцена была устроена намного проще, но все равно выглядела мило.

Музыканты начали выступление с хита Гершвина «Летние дни» — подходящий выбор, ведь дни становились все длиннее, а ночи — теплее. Флора вышла из-за кулис, и ее взгляд, обращенный на Генри, когда она шла мимо него к микрофону, покачивая руками, мог бы осветить целый квартал.

Люди, не знавшие, что перед ними разворачивается, скребли вилками по тарелкам и болтали, перекрикивая музыку, пока Флора не открыла рот. На первой же ноте многие посетители отставили напитки и повернулись к сцене. Разговоры прекратились. Певица теперь вкладывала в исполнение всю свою душу без остатка.

В песне была сильная партия контрабаса, и услышав эти медленные, печальные и тоскующие ноты, Любовь вспомнил о своих любимых летних днях, когда стояла жара, закатное солнце окрашивало горизонт лиловым, а мир был теплым, словно материнский живот, и таким же безопасным. Генри тоже полностью отдался песне, его пальцы бегали по струнам, создавая контрапункт мелодии Флоры и ритм, которого она могла придерживаться. Любовь внимательно слушал и очаровывался деталями: тем, как в ярком свете прожектора размываются силуэты музыкантов, ароматом расплавленного свечного воска, намеренными надломами голоса Флоры, которые превращали его из атласа в бархат.

Первая часть выступления завершилась, и Итан наклонился, чтобы прошептать ему на ухо:

— Потрясающе, правда?

Любовь кивнул, и тут Итан изменился в лице — к столику подошла Смерть в облике Хелен. Она надела красное платье: яркое, современное, броское. Этот цвет она носила, когда хотела кого-нибудь убить. Любовь пожалел, что увлекся представлением и не успел заметить приближения Смерти, и поэтому ей удалось застать его врасплох.

Барабанщик ударил по тарелкам, и музыканты заиграли новую песню. Смерть скрестила руки на груди и скривилась, словно жевала лимонную дольку. Сняла перчатку и обнаженной рукой потянулась к Итану. Любовь ахнул. Смерть не коснулась Итана, словно напоминая, что его жизнь тоже в ее руках.

Она отодвинула стул между ними и села.

— Что это у вас в кармане? — Она указала на нагрудный карман Джеймса, в котором Любовь носил блокнот с записями об игроках и развитии Игры. — Книга? Или дневник, в котором вы записываете подвиги Джеймса Бута? Все бы отдала, чтобы хоть одним глазком посмотреть.

Любовь покосился на Итана: заметил ли тот. О да. Итан покраснел и отвернулся к сцене, притворяясь, что заморожен музыкой.

Чего она добивается? В блокноте он просто вел хронику Игры, записывая то, что уже произошло и невозможно изменить. Он тоже отдался музыке и раскрыл свое сердце, чтобы все в зале почувствовали радость от его любви к Итану. Это чертовски утомляло, но Любовь уже достиг той точки в Игре, где больше ничего не мог спасти.

Генри и Флора задержались после выступления. Внезапно начался летний ливень, и они укрылись от него под красным козырьком «Мажестика».

— Умираю, как хочу есть, — сказала Флора, обхватывая себя руками.

Генри накинул ей на плечи свой пиджак.

— У наших желудков много общего. Куда бы ты хотела пойти?

— Пойти?

— «Серебряный кубок»? «У Гатри»?

— Генри, нас туда не пустят.

— Да нет же, они открыты, — настаивал он. — Мы с Итаном постоянно... — Он умолк, поняв, о чем она говорит. Он назвал рестораны для белых, в которых цветным в лучшем случае продадут еду на вынос с черного хода, и то днем.

— Ты можешь туда пойти, но не со мной.

— Прости, — вздохнул Генри. — Никогда об этом не думал. Мне казалось, что у нас вроде как свои любимые места, а у вас — свои.

Флора сняла пиджак и протянула ему.

— Ага, вроде прекрасного «Черномазого пустомели».

— Да ладно? — Генри отказался взять пиджак. — Туда никто не ходит. Там... — Он оборвал фразу на полуслове. Туда ходили белые бедняки. Семья Итана считала себя выше того, чтобы тереться локтями с подобным отребьем. Он вспомнил вывеску закусочной: мультяшный персонаж с черной кожей, пухлыми алыми губами и подмигивающим глазом. Она была карикатурной, и Генри никогда не думал над ее смыслом. Ему не приходилось. Он настолько привык ходить, куда пожелает, и так отвык думать о Флоре иначе, чем о любимой девушке, что даже и не думал, что их могут не пустить в ресторан.

— Если туда никто не ходит, — заметила Флора, — то почему на каждом третьем автомобиле в городе их наклейка?

У Генри не было ответа. Он стоял, держа пиджак для нее, не зная, что делать дальше.

— Флора, мне ужасно жаль. Прошу, надень пиджак. Твое платье промокнет, ты простудишься и умрешь. Я пойду с тобой куда угодно.

— Вот именно. — Она приняла пиджак. — Это часть проблемы. Ты можешь пойти куда угодно. Мир принадлежит тебе.

— Я не в этом смысле, а к тому, что пойду, куда ты захочешь.

Шумел дождь, время от времени гудели клаксоны и хлопали двери, но за исключением этого было тихо.

— Есть одно место, — подумав, сказала Флора. — Называется «Желтый дом». На улице Еслер. Работает круглосуточно, но там делают весьма отвратительный омлет.

Генри улыбнулся.

— Не думаю, что мы сможем туда попасть не промокнув.

— Зря ты отдал мне пиджак, дурачок. — Флора подняла пиджак над головой, чтобы уберечься от дождя.

— Что я могу сказать, — пожал он плечами. — Меня исключили из школы и все такое.

— На счет три, — предложила Флора. — Добежим.

— Я вовсе не тороплюсь. Давай промокнем.

— Ты точно дурачок. Ну ладно, давай промокнем до нитки.

Окна ресторана ярко светились впереди, освещая им путь. Когда Генри открыл дверь, звякнул колокольчик. Разговоры утихли, едва посетители заметили Генри. Одной рукой он

откинул волосы со лба, другой обнимая Флору. Оба вымокли до нитки.

— Все хорошо, милая? — спросила официантка у Флоры, которая пыталась высвободиться из объятий Генри. Мужчина за столиком дернулся, словно собираясь встать. У Генри бешено забилося сердце. Ему не хотелось неприятностей, он думал только о еде и крыше, способной уберечь их с Флорой от дождя. И о месте, где можно провести время с любимой.

— Все нормально, мисс Хэтти, — ответила Флора. — Просто промокли.

Мужчина сел, но не продолжил есть. Генри отвел взгляд.

Хэтти оглядела их обоих.

— Хм. — Она пожала плечами, расправила белый фартук и отвела их к столику у туалета. Положила на стол два меню. — Кофе или сок?

— Кофе, пожалуйста, — заказала Флора. — Со сливками и сахаром.

— Я тоже буду кофе, если можно, — сказал Генри.

— И насколько черный вы предпочитаете? — поинтересовалась официантка. Мужчины за соседним столиком хохотнули.

Генри посмотрел на мисс Хэтти, которая напомнила ему давно умершую бабушку. Та всегда ворчала, но постоянно подкармливала внука мятными карамельками. В его сердце сохранилось достаточно места для брюзгливых старушек.

— Такой же, как и ей.

у, будьте готовы заказать.

Генри глянул на Флору, изучавшую меню.

— Что здесь вкусно? Помимо отвратительного омлета и паршивого кофе?

Флора усмехнулась.

— Да все вроде ничего, кроме овсянки. — Она положила меню. — Я один раз взяла и будто бисера нажевалась.

Генри сложил из салфетки кораблик и «поплыл» к Флоре, пытаясь вернуть то ощущение, что связывало их во время концерта.

— Что ты делаешь? — поинтересовалась Флора.

Он положил салфетку.

— Не знаю. Строю ковчег?

Мисс Хэтти принесла кофе.

— Что будете заказывать?

— Глазунью из двух яиц, — сказала Флора. — И два кусочка поджаренного хлеба.

Генри просмотрел меню в поиске чего-нибудь, подходящего к шутке о ковчеге, но ничего не нашел.

— А мне болтунью с колбасой и галету.

— Хорошо. Еще кофе?

— Нет, спасибо, мэм, — отказалась Флора.

Мисс Хэтти вздохнула и пошла на кухню.

— Я думал, ты назовешь ее Ноем, — пошутил Генри.

Флора закатила глаза и отпила кофе.

— Вот видишь, мы нашли место, — продолжил он.

— Один из нас, возможно. Но меня в твоём мире никогда не примут.

— Флора. — У Генри перехватило дыхание. — Ты и есть мой мир. — Он взял чашку в ладони, отчаянно желая согреться.

Мисс Хэтти принесла еду.

Уплетая яичницу, Флора с сожалением посмотрела на Генри.

— Ты мне нравишься. Пусть это неправильно, но это так. Ты талантливый музыкант и порядочный человек. Мне по душе даже твои дурацкие шутки. Но я хочу кое-чего другого. Если я сделаю то же, что Амелия Эрхарт, но быстрее...

— Я понял, — перебил Генри. Яичница на вкус была как цемент. Он оттолкнул тарелку. Если Флоре он не нужен, то что он может сделать?

Флора понизила голос.

— Может быть, пока сосредоточимся на музыке? А все остальное пусть подождет.

Они сидели молча, пока все посетители закусочной не разошлись. Усталая Хэтти прислонилась к стене и закрыла глаза. Наконец в запотевшие окна стали пробиваться первые лучики утреннего солнца. Одежда Генри высохла, и он чувствовал себя измочаленной развалиной.

— Не понимаю, — начал Генри, осторожно подбирая слова — он знал, что в таком состоянии может сказать что-то не то. — Не понимаю, как мы дошли до такого после всего хорошего, что между нами было.

— Так безопаснее, — сказала Флора. — Уж поверь.

Генри потянулся к ней, но Флора не взяла его за руку.

— О чем ты мечтаешь? — спросил он. — Какова твоя мечта, если не эта? Ты, я и музыка. Мы могли бы построить на этом жизнь, я знаю.

— Посмотри на свои пальцы. Они все в чернилах.

— Пожалуйста, не меняй тему. Впрочем, тут не только чернила. — Он повернул левую руку ладонью вверх и показал ей стертые до крови подушечки пальцев. — Видишь кровь?

— Чернила днем, кровь по ночам. Чернильные дни, кровавые ночи. Звучит как название песни.

— Так напиши ее, — предложил он.

— Не глупи.

— Сейчас не я валяю дурака.

— Генри.

— Посмотри, как далеко мы зашли. Я не хочу сдаваться. Не сейчас. Потому что однажды...

Флора зевнула и потерла виски, словно у нее болела голова.

— Можем подумать об этом в другой раз. Но не сейчас.

Мисс Хэтти проковыляла к их столику.

— Еще кофе?

Генри глянул на свою пустую чашку.

— Нет, спасибо.

— Тогда, наверное, вы хотите рассчитаться, — предположила официантка.

Генри понял намек и вытащил из кармана одну из купюр, которыми чуть раньше с ним расплатился Док.

— Сдачи не надо. — Чаевые в два раза превосходили сумму счета. Но ему требовался союзник. — Флора? — Он протянул ей руку.

Она заколебалась.

— Мы должны покончить с этим сейчас, пока не стало еще хуже. Капитан Жирар всегда говорит про полеты, что только дурак летит в грозу.

— Дождь уже прекратился.

— Ты знаешь, о чем я. Это плохо кончится.

— А кто говорит, что оно вообще должно кончиться? — удивился Генри.

Флора наконец взяла его за руку, и они вместе вышли в занимающееся утро.

Глава 47

Суббота, 26 июня 1937 года

Смерть жалела, что не нуждается во сне. Как же повезло людям — проводить треть жизни в бессознательном состоянии. Ей ни на секунду не удавалось забыть, кто она такая. Ни на секунду не удавалось притвориться, что она нечто иное, чем карающий меч. Когда она собирала души, ей становилось легче, но потом приходили боль и неутолимый голод.

Смерть запахнула шелковый халат и надела тапочки. Итан наверняка спит. А она точно сможет сделать все тихо...

Она моргнула и материализовалась в его комнате, не желая рисковать и идти по коридору — а вдруг еще кто-то из обитателей дома бодрствует? Итан мерно дышал во сне. Сквозь щель в занавесках в комнату просачивался свет почти полной луны. Смерть подкралась к кровати. Итан лежал на спине, подложив одну руку под голову, а другой стискивая одеяло. В лунном свете кожа казалась синеватой. Смерть точно знала, какой будет на вкус его жизнь. Она наклонилась и вдохнула запах Итана. Тепло его тела согрело ее губы. Она внушила ему не двигаться, а потом нашептала на ухо слова, которые позже обратятся в сон.

Утром он проснется, охваченный единственным желанием, направленным не на Любовь, а на то, что тот прячет в нагрудном кармане. На книгу. Книгу и ее секреты. Прочитав ее, Итан узнает, что он всего лишь пешка в Игре, а Генри в смертельной опасности. Как бы он ни распорядился полученной информацией, у Смерти будет преимущество. И все это в соответствии с правилами.

Снова моргнув, Смерть вернулась в комнату Хелен, опустошенная и одинокая в ожидании нового дня.

Глава 48

Воскресенье, 27 июня 1937 года

Итан проснулся в поту и ознобе. Было слишком рано даже для птиц. Он не слышал ничего, кроме шума собственного кровотока. Сон казался ему мутным прудом с чем-то жизненно важным на дне. Он хотел поймать ускользающее воспоминание. Что-то о книге. Открытой книге в руках Джеймса. Книге, в которой Джеймс писал.

Итан сел.

Что же Джеймс пишет в своем блокноте?

Он свесил ноги с кровати. Сердце билось везде: в ушах, в руках, под кожей. Если в книге есть записи о том, что они с Джеймсом делали, если в ней упоминается его имя... Итан

распахнул окно. Где-то вдалеке зачирикала одинокая птица.

В этой книге его погибель. Итан понимал это так же точно, как на бейсбольной площадке чувствовал, что вот-вот схватит мяч перчаткой. И поэтому желал не смерти, но чего-то даже большего: чтобы его существование стерлось полностью, не оставив и следа в памяти людей.

Кто-то постучал в дверь, и Итан замер. Пожалуйста, пусть кто бы это ни был подумает, что он еще спит.

— Тук-тук. — Хелен открыла дверь.

Она уже была одета в красное платье в черный горох и несла поднос с завтраком. Кофе, тост с маслом, ломтик дыни и свежавыжатый сок из красного апельсина.

— Что это? — ощерился Итан, чтобы скрыть волнение под грубостью.

— Подумала, что ты, наверное, уже проснулся. Разве девушка не может принести завтрак любимому кузену?

Итан уселся на широкий подоконник.

— Генри здесь больше нет.

— Опять ты занимаешься самоуничижением. Кроме того, мы с Генри не кузены. Осторожнее там, не выпади из окна.

— Ага, тогда ведь тебе некого будет мучить. — Прозвучало грубо, но ему не удалось подобрать нужных слов, чтобы извиниться. Поэтому он прыгнул с подоконника, взял тост и намазал его вареньем. — Спасибо за завтрак.

— Не за что. Давай сходим куда-нибудь вместе? — Она улыбнулась и, покачивая бедрами, вышла из комнаты.

Итан молча съел завтрак. У него есть неотложное дело. Просто нужно выбрать подходящий момент.

Глава 49

Понедельник, 28 июня 1937 года

Смерть сидела за письменным столом в комнате Хелен. На красной промокашке лежал лист бумаги, рядом стояла чернильница с пером. Смерть закрыла глаза, призывая слезы. Одной точно будет достаточно, но для большей гарантии она выжала из себя три и дрожащим пальцем перелила их в чернильницу. Трясущиеся руки — что-то новенькое. Несомненно, признак напряжения. Эта Игра, в отличие от остальных, казалась скользкой, словно рыба, выловленная голыми руками из быстрой бурной реки.

Слезы зашипели, упав в чернильницу, и от нее поплыл странный запах: острый, со сладковатой ноткой гниения. Чистый лист перед Смертью открывал бесконечное море возможностей. Но ненадолго. Едва она поднесет ручку к бумаге, уверенность вернется. Уверенность. Ее царство.

Смерть окунула перо в чернильницу. Рука дрожала, чтоб ее. С кончика пера сорвалась клякса. Смерть промокнула ее, испачкав средний и безымянный палец. Следующую кляксу она посадила на платье и восхитилась тем, что руки не слушаются — возможно, в этом теле она наконец стала кем-то другим, непредсказуемым.

Смерть не стала комкать бумагу, а начала писать. Слова текли как вода. Возмутительно.

Пошлая музыка. Опасное смешение рас. Это против воли Бога. Она отправит письмо главному редактору газеты — отцу Итана. Эти слова дойдут до глаз и сердец обеспокоенных граждан и поведут толпу к «Мажестику», чтобы покончить с тем, что белый юноша поет любовную песню чернокожей девушке. Флора и Генри потеряют все: источник дохода, надежду, друзей. Их любовь умрет. Флора от него сбежит. Или, что еще вероятнее, улетит.

Как же обидно, что большинство людей растрачивают свое время на преходящие мелочи. Великие страсти кипят по дыму, тогда как огонь пылает совсем в другом месте. Генри — один из редких людей, умеющих понимать важное. Смерть отложила перо и подула на высыхающие чернила. Вот и славно.

Она сунула письмо в конверт и тут почувствовала, что за спиной кто-то стоит. Аннабель.

— Что ты делаешь? — спросила девочка.

— Пишу письмо. — Смерть показала Аннабель конверт. — Хочешь, научу, как его отправить?

— Да, — кивнула Аннабель и положила куклу. — Хочу.

И Смерть ее научила.

Глава 50

Вторник, 29 июня 1937 года

Получив первую зарплату, Генри переехал в общежитие на Капитолийском холме. Комната была небольшой и располагалась в старом викторианском здании под управлением невысокой властной женщины по имени миссис Косински. Генри делил ванную с восемью постояльцами, но в комнате жил один, и условия значительно превосходили гувервилльские. Здесь имелись стол, кровать и узкий шкаф. Контрабас украшал помещение, стоя у выходящего на запад окна, где закатный свет падал на него в конце дня, когда Генри приходил отдохнуть между работой в газете и вечерним концертом.

Новая жизнь казалась Генри наполненной и правильной. Группа Флоры сыграла еще несколько концертов в разных клубах, но лучшим было признано выступление в «Мажестике». Как и предсказывал дядя Флоры, людям полюбилась «Однажды». Они с Флорой пели ее дуэтом.

После переезда Генри в общежитие Итан заходил к нему каждый день, и Генри помогал другу писать статью о Гувервилле. Генри видел, что с Итаном что-то не так. После окончания школы тот похудел и выглядел усталым. Генри пару раз спросил у него, в чем дело, но Итан отмахнулся. Генри был уверен, что история о Гувервилле имеет отношение к состоянию друга.

— Отец просто озверевает, не так ли? — Итан лежал на кровати и смотрел в потолок.

— Так это правда? Ты сам делал заметки?

— Да, но к тому же я узнал все факты снаружи и изнутри. — Итан потер глаза и зевнул. — Не прочитаешь мне еще разок последние абзацы?

— Конечно. — Генри откашлялся. — «Гувервилль — это пристанище забытых людей.

Согласно нашим подсчетам, там живет шестьсот тридцать девять человек, и у каждого своя достойная внимания история — их слишком много, чтобы вместить в нашу скромную колонку. Поселение представляет собой современный плавильный котел. Там живут скандинавы, филиппинцы, африканцы, мексиканцы, индейцы, южноамериканцы, японцы, а также белые, кому не повезло разориться после биржевого краха двадцать девятого года. У многих из этих мужчин есть жены и дети, многие владели домами, трудились на производстве и занимались ремеслами. Некоторые из них помогали умирять окружающие город леса, обеспечивая дома и предприятия пиломатериалами. Другие вернулись с войны калеками и не могут работать. Все вместе они сдружились и образовали радугу всевозможных этносов, мечтая в итоге получить не горшок с золотом, а тарелку супа и достойную работу. Чем не мечты каждого из нас: респектабельность, пища и крыша над головой. Так утверждает Джеймс Бут, харизматичный и приятный двадцатилетний юноша, называющий себя мэром Гувервилля. “Если люди увидят нас настоящих, — сказал мистер Бут, — их добрые сердца отзовутся”.»

Итан сел.

— Вот в последнем абзаце не перегнул ли я палку?

— Написав о том, что Джеймс харизматичный и приятный? — уточнил Генри. — Наверное, стоит это вычеркнуть.

Итан переменялся в лице, и Генри замолчал, в ту же секунду кое-что поняв. Сердце камнем ухнуло вниз, но не от ужаса, как, возможно, было бы прежде, до встречи с Флорой. Генри охватили печаль и сострадание. Ему захотелось поделиться с Итаном своей тайной, дать другу, почти брату, знать, что он все понимает. Но Генри не имел права предать Флору. Пусть она еще не согласилась стать его девушкой, их связь казалось священной, и ее надлежало держать в секрете.

Генри беспокоило положение Итана. Друг скоро поступит в колледж, а Генри, так и не получивший аттестат, не сможет ему помочь. Тайны, отдаленность друг от друга... вполне возможно, что их пути естественным образом разойдутся.

Но Генри постарается этого не допустить.

— Не бери в голову, — сказал он. — Все нормально, это же правда. Что там говорится в Библии по поводу правды? *Veritas vos liberabit?*

— Истина сделает вас свободными, — перевел Итан, глядя в окно. — Чем старше становлюсь, тем меньше в это верю.

Глава 51

Четверг, 1 июля 1937 года

Протестующие с самодельными плакатами стояли перед «Мажестиком».

НЕТ ГРЕХОВНОМУ ПЕНИЮ

ГОСПОДЬ ПРОТИВ СМЕШАННЫХ БРАКОВ

Флора терпеть не могла идти мимо них в клуб, терпеть не могла, что они толпились на тротуаре и вынуждали ее идти в обход, терпеть не могла их невежество. Самые противные обзывали ее и плевались. Когда она подошла к двери, подъехала машина с новыми протестующими. От пассажиров, четверых белых мужчин, прямо-таки разило

неприятностями.

Внутри жена Дока, Гло, красила оконную раму.

— Не обращай на них внимания, — посоветовала она, увидев выражение лица Флоры. — Нет бы найти чем полезным заняться. — Гло отошла, чтобы осмотреть результат своей работы. — По-моему, любой, кто говорит от имени Господа, явно что-то путает.

— Аминь, — усмехнулась Флора.

Гло окунула кисть в краску.

— Господь даровал мне безмятежность, чтобы я смирялась с тем, чего не могу изменить, терпение, чтобы закрасить то, что могу, и мудрость, чтобы заниматься этим со стаканчиком джина. Я годами хотела привести это место в божеский вид. Спасибо тебе за то, что теперь я могу себе это позволить.

Флора не успела ответить, увидев, что за окном мелькнула тень, но успела оттолкнуть Гло. Зазвенело разбитое стекло, и в помещение что-то влетело. Взвизгнули шины отъезжающего автомобиля.

Флора и Гло, тяжело дыша, лежали на полу. Когда показалось, что опасность миновала, Флора подняла голову. В нескольких сантиметрах от нее лежал завернутый в газету кирпич.

— Ох, Гло, — выдохнула она.

Гло встала на колени.

— Мои окна, мои прекрасные окна. Господи, нет, нет, нет. Краска разлилась. — Лужа растеклась по линолеуму поверх осколков.

Флора сбегала за тряпками и, как могла, вытерла пол.

— Скипидар бы помог, у тебя он есть?

— Есть у Дока в задней части клуба. Пойду принесу. — Она залпом допила джин.

Флора вытерла почти всю краску. Свернула тряпки и выбросила в мусор. Затем липкими от краски пальцами подняла кирпич. Развязала нитку и развернула газету. В глаза сразу бросилось письмо в редакцию о музыке, которую они играли. Автор называл их концерты преступлением против человечества, признаком морального разложения и еще кучей нелестных эпитетов, от которых Флоре стало плохо. Голос автора, подписавшегося «Обеспокоенный гражданин», словно живой забрался ей в голову и грыз, будто хищная крыса.

Флора разложила газету на полу и вытерла об нее руки. Хуже всего то, что это опубликовали в газете, принадлежавшей семье Генри, и его собственные руки управляли машиной, соединявшей бумагу и чернила. Он совершенно точно видел это письмо. И наверняка потеряет работу, если продолжит с ними играть. И как тогда он будет платить за комнату, особенно если городские власти закроют «Мажестик»?

— Что такое, детка? — Гло вернулась вместе с Доком, который принес скипидар и тряпки.

— Ничего, — ответила Флора, комкая газету.

— Что-то непохоже.

— Там письмо редактору. Глупое и желчное. Правда, Гло, не то, о чем стоит думать.

Пока Гло подметала осколки, Флора вышла с кирпичом на улицу, почти желая, чтобы тот, кто его бросил, все еще был у клуба. Ей хотелось швырнуть кирпич ему в голову и посмотреть, как ему это понравится. Она взглянула на часы. Сегодняшний концерт состоится совсем скоро. Но играть придется без Генри.

Она отправит ему записку, а еще лучше, сообщит лично. Глупо было подпускать его так

близко. Следовало бы понять это после визита в закусочную, а теперь семья Итана и все люди в городе настроены против них. Что еще хуже, пострададут и Гло с Доком. Флора была осторожной, всегда была. И больше никогда не повторит этой ошибки.

Глава 52

Итан припарковался у каменного здания «Инкуайрера». Мир вокруг казался ярко очерченным, словно кто-то навел солнцу резкость. Итан замечал все: трещины на тротуаре, отсутствующие пальцы голубя, клюющего объедки на помойке, каплю горчицы на брючине швейцара.

— Добрый день, мистер Торн. — Швейцар приподнял шляпу.

— Добрый день, мистер Боулз, — ответил Итан, вовремя вспомнив имя собеседника.

В портфеле он нес статью о Гувервилле. Слова, которые очутились на бумаге только с помощью Генри. Больше никогда. Не то чтобы Итан хотел поведать миру о своей беде. У него просто не осталось сил продолжать притворяться. Генри выгнали из дома, через пару месяцев начнутся занятия в университете, и работавшая до сих пор уловка казалась дорогой, закончившейся крутым обрывом.

Внутри здания было жарко и пахло бутербродами, кофе и застарелым сигаретным дымом. Эти три запаха у него всегда ассоциировались с будущим, в котором теперь он уже не был уверен. Не мог видеть дальше настоящего.

Он проехал с лифтером наверх, ощущая, как вспотела ладонь на ручке портфеля. Облизнул губы, мечтая о стакане прохладной воды. Лифт остановился, двери открылись, и перед Итаном предстала шумная новостная редакция: звонили телефоны, кричали журналисты, щелкали клавиши печатных машинок.

— С чем пожаловал? — Редактор городских новостей, Роджер Ганнер, не тратил времени на пустые разговоры.

— Принес статью о Гувервилле.

Ганнер поправил козырек кепки и потер ладони.

— Наконец-то. Ну что, нашел доказательства, что они производят алкоголь и не платят налоги?

— Нет, ничего такого. Я нашел другую тему, — ответил Итан и сам удивился, как непринужденно солгал. Но ведь он тренировался годами.

— Да? — Ганнер откинулся на спинку стула, снял кепку и вытер лоб. — Ну-с, взглянем.

Итан открыл портфель и вытащил листы бумаги. Ранее он засыпал стенографистку комплиментами, и она согласилась набрать рукописный текст Генри на машинке. Потрясающе, что добрым словом и улыбкой можно заставить человека сделать что угодно. Если бы отец иногда прибегал к такому способу, мама не стала бы такой дерганой.

Ганнер выхватил у него статью, и Итан собрался уходить. Возможно, стоит выпить пива. Он никогда не любил смотреть, как его статьи читают, не только потому что боялся услышать чужое мнение, но и потому что читающие люди напоминали ему о том, что сам он неспособен складывать слова в предложения. Наблюдать, как чужие глаза скользят по строчкам, было сродни ковырянию в ране.

Ганнер поднял глаза, прежде чем перелистнуть страницу.

— То есть ты хочешь предложить это в печать?

Итан знал, о чем на самом деле спрашивает редактор: «Ты уверен, что хочешь поругаться с отцом?»

— Да. — Как мало это все теперь значило.

— Хорошая статья, — похвалил Ганнер. — Твоему старику не понравится, но написано здорово, парень. И о важном.

Такая похвала — уже зеленый свет.

— Спасибо.

Редактор вернулся к чтению, красным карандашом делая пометки на полях. Внезапно он поднял голову.

— Проваливай, Торн. Займись чем-нибудь. Ты мне свет загораживаешь.

Итан улыбнулся и зашагал к лифту, в последний раз глядя на обшарпанную обстановку редакции и мужчин, закатавших рукава рубашек до локтей и стряхивающих пепел с сигарет прямо на столы. Иногда это захламленное помещение казалось ему самым интересным местом в мире. Местом, где люди кричали, стучали кулаками по столам и вытаскивали правду отовсюду, где бы она ни скрывалась. Местом, где на глазах творилась история и разбивались сердца.

Итан никогда не чувствовал себя там своим, как и в кабинете издателя на верхнем этаже, где его отец и другие власть имущие подталкивали мир в нужном им направлении. В их присутствии Итан всегда казался себе осколком стекла, маленьким и прозрачным. Ему не было места нигде. Если бы не верность и порядочность Генри, отец давно списал бы Итана со счетов. Он всегда это знал, но не был готов к тому, что реальность окажется столь жестокой. Нужно достать книгу Джеймса, пока никто его не опередил. Нужно узнать, что там внутри, и, если понадобится, уничтожить ее, пока его позор не стал известен всем.

***

Теперь, когда у Итана не было профессиональной необходимости посещать Гувервилль, он хотел сохранить свой визит в тайне. Жители Гувервилля не станут его судить, поскольку они далеко не сплетники, а Итан и Джеймс были не единственными, кто пришел к пониманию своей сущности. Но Итан все равно постоянно чувствовал, будто за ним следят.

Он остановился на краю лагеря. Ветерок поднимал в воздух пыль, смазывая горизонт и придавая пробивающимся сквозь облака солнечным лучам потусторонний вид. Что-то заставило Итана повернуть голову, и он увидел Джеймса, который стоял в тени у стены церкви, не шевелясь, будто на фотографии.

Джеймс оттолкнулся от стены и зашагал к своей лачуге. Оглянулся через плечо, чтобы удостовериться, что Итан идет следом. Оглядываться было необязательно: Итан сразу же устремился за ним.

Джеймс ногой захлопнул дверь. Свет и тень слились в полутьме. Юноши обнялись, и Итан почувствовал грудью очертания книги. Он помог Джеймсу снять пиджак, запомнив, куда тот приземлился. А потом обе их рубашки полетели на пол, и Итан пожалел, что не может влиться в могучую грудь Джеймса, пасть под ударами его колотящегося сердца.

— Не спеши, — прошептал ему на ухо Джеймс. — У нас есть время.

Итан не мог не спешить. Их время было почти на исходе. Или станет, как только он найдет в себе силы порвать с Джеймсом.

— Ты голоден? — спросил тот, отстраняясь.

Вопрос показался Итану забавным, и вскоре они оба хохотали до слез.

— Я сдал статью, — поделился Итан, отсмеявшись.

— И?

— Редактору она понравилась. А отец ее возненавидит.

— А ты сам как думаешь? — Джеймс зажег фонарь.

— Я? — Итан даже не пытался сформировать собственное мнение. Оно ведь ни на что не влияло.

— Мы должны любить то, что создаем, — сказал Джеймс. — Так мы отличаем истинное от ложного. — Он отодвинул фонарь.

Близость с Джеймсом была всем, чего Итан хотел и желал, всем, что его печалило и ужасало. После Джеймс держал его в объятиях на своей самодельной кровати, нашептывая слова утешения, пока веки Итана не потяжелели. Немного поборовшись со сном, он сдался.

Проснулся он в одиночестве. Подтянул голые ноги к груди, пытаясь убедить себя, что он тот же самый человек, каким был до того, как это все случилось, до того, как узнал о себе правду.

Он надел брюки и рубашку, нашел носки и ботинки. Как мог, пригладил волосы. Пиджак Джеймса лежал в углу. Итан коснулся книги и заколебался. Затем все же вытащил ее и восхитился изящными узорами на кожаном переплете. Он не стал открывать книгу, поскольку даже не надеялся, что сможет ее прочесть. Но если он ее заберет, больше никто ее не увидит. Итану до смерти хотелось узнать, что же писал в ней Джеймс. Чувствовал ли он то же самое, или даже в этом Итан был одинок?

Крадучись, Итан покинул Гувервилль. Позже ему пришло в голову, что можно было просто спросить у Джеймса о содержании книги. Но, как всегда, эта мысль пришла слишком поздно.

Глава 53

С вершины креста гувервилльской церкви Любовь наблюдал за уходящим Итаном. После часов, проведенных в облике Джеймса Буга, тельце воробья казалось маленьким и тесным, несмотря на легкость полета и остроту зрения.

Глазами мы видим далеко не все.

Он забыл об истинности этого утверждения.

Рядом с Итаном Любовь чувствовал, как юноша жаждет завладеть книгой, и от этого ему хотелось умереть. Каждое нервное окончание Итана горело от удовольствия и резонировало болью. То, что, испытывая такое, он мог дышать, стоять, ходить и разговаривать... Возможно, смертные не так хрупки, как считал Любовь.

Хорошо, что Итан не спросил о книге. Теперь Любовь не понесет никакой ответственности, что бы ни случилось. Конечно, он бы прочитал Итану эти истории. Истории любви, как вода в пригоршне, держались в руках только несколько блаженных секунд. Возможно, он бы не остановился, дойдя до Генри и Флоры. Эта история была его самой любимой, и он мог бы поделиться ею с Итаном. Но если Итан расскажет все игрокам, Любовь не сможет его защитить. А Итан в любом случае им бы рассказал. Эти знания пригодились бы Генри и Флоре, а Итан — верный друг.

Сердце его наполнилось сожалением. Оно ширилось и крепло и наконец исторглось

наружу в птичьей пени. Внизу жители Гувервилля перестали готовить и разговаривать. Они зачарованно слушали, пока планета вместе с ними поворачивалась от света к темноте. Эти люди понимали его мелодию.

Потом они вернулись к своим делам, успокоенные тем, что поняли — в этом мире они не одни.

Глава 54

Генри высматривал в газете статью Итана. Он знал ее наизусть, но надеялся увидеть в печати, подписанную фамилией друга. Может быть, редакция решила придержать ее до большого воскресного номера. Итан не заходил к нему уже пару дней; Генри обязательно спросит его о статье при следующей встрече.

Он заметил письмо на редакционной полосе, когда сидел за столом в комнате отдыха и ел скромный бутерброд из хлеба с горчицей. Не в силах проглотить ни кусочка, он отложил бутерброд и прочитал письмо. Оно было о нем. О них с Флорой.

— И слава богу.

Генри поднял глаза. Начальник сидел рядом с ним и ел свой обед. Генри заставил себя проглотить.

— Прошу прощения, мистер Уоттерс?

— Наконец кто-то взялся за эти грязные джазовые притоны для ниггеров. От них одни неприятности. Колеса на тележке, катящейся напрямик в ад.

— А вы когда-нибудь там были? — Генри спрятал руки под стол, чтобы шеф не увидел кулаки.

— Делать мне больше нечего. Не бывал ни на тележке, ни в негритянском клубе, — ответил Уоттерс, разворачивая вошедшую бумагу, под которой обнаружился толстый бутерброд из кукурузного хлеба с говядиной, от которого так вкусно пахло, что у Генри потекли слюнки.

— Тогда откуда вам знать, что там творится?

Начальник вонзил зубы в бутерброд, откусил и сказал с набитым ртом:

— Да как можно не знать? Достаточно послушать их музыку. Но то, что у них на сцене вместе с ниггерами выступают белые? Это противоречит божьей воле. Бог намеренно разделил расы, и именно поэтому негры живут в Африке. Говорю тебе, если закрывать на это глаза, общество перестанет быть прежним. Поэтому нужно задушить это в зародыше. — Он откусил еще кусок и глянул на бутерброд Генри. — Ха! Похоже, ты забыл положить на хлеб ветчину, сынок.

Год назад Генри, возможно, согласился бы с этим аргументом. Но теперь, познакомившись с Флорой, он не мог понять, почему то, что ему кажется нормальным и правильным, общество воспринимает в штыки. Нельзя жить в двух мирах сразу. Он отодвинул тарелку, стряхнул крошки с фартука, встал и бросил на стол салфетку.

— Мистер Уоттерс, я нашел другую работу и ухожу.

Мистер Уоттерс поднял палец, откусил еще кусок бутерброда и вытер испачканный горчицей уголок рта.

— Я так не думаю.

— Простите?

— Ты не можешь уйти, — пояснил шеф. — Прямое указание Берни Торна. Старый мошенник был прав, предполагая, что ты захочешь уволиться. — Он усмехнулся и доел свой бутерброд.

Генри сорвал с себя фартук и удивился, насколько без него стало легче. Значит, ему не позволяют уволиться? Он не так много зарабатывал музыкой, но на комнату и еду хватит. Генри расхохотался. И почему он так поздно понял, что не обязан делать то, что говорит отец Итана?

— Бишоп! — крикнул мистер Уоттерс. — Мистеру Торну это не понравится.

Генри даже не замедлил шага.

— Я потеряю работу, если ты уйдешь.

Генри притормозил. Ему было тяжело сознавать свою ответственность за чужие беды. Существует только один способ этого избежать. Он не хотел разговаривать с мистером Торном, но понимал, что придется это сделать, дабы сократить ущерб, который мистер Торн способен нанести другим людям. Он предпочел подняться по лестнице, а не на лифте, зная, что так уменьшает вероятность кого-нибудь встретить. На шестом этаже он выглянул из окна на улицу, подавляя приступ страха. Глубоко вдохнув, он распахнул двойные двери, разделявшие коридор и приемную, в которой сидела секретарь отца Итана.

— Вам сюда нельзя, — произнесла она и лишь потом подняла голову. — О, прости, Генри, не знала, что это ты. Мистер Торн говорит по телефону. Доложить ему о тебе?

Генри прошел мимо нее напрямик в кабинет мистера Торна. Секретарь последовала за ним, на ходу говоря, что не виновата в этом вторжении. Мистер Торн сидел в кожаном кресле, повернувшись к окну с видом на город, и был поглощен серьезным разговором — что-то про полицейские облавы, аресты и освещение этих событий в газете.

— Мистер Торн, — окликнул его Генри. — Бернард.

Отец Итана развернул кресло, недовольный тем, что ему помешали, и указал на телефон.

Генри подошел к столу и нажал на кнопку отбоя.

— Генри!

— Я сказала ему не беспокоить вас, мистер Торн, — объяснила секретарь. — Но он просто ворвался в кабинет.

— Я пришел сообщить вам, что увольняюсь, — заявил Генри.

— Ты не можешь.

— Я уже это сделал. Это вопрос принципа. Я не согласен с вашим решением напечатать в газете это письмо.

— Генри, настало время взяться за ум. — Мистер Торн заложил руки за голову и грузно осел в кресле, которое протестующе заскрипело. — Посмотри на все, от чего ты отказываешься ради нее. Сначала дом и образование. Теперь работа. Не хочу даже слышать имя этой девчонки! И мы печатаем все письма, не только те, с которыми согласны.

— А с этим конкретным письмом вы согласны?

Мистер Торн пару секунд подумал и ответил:

— Целиком и полностью. В твою должностную инструкцию не входит оценка материалов в газете. Ты работаешь в типографии. Присматриваешь за чернилами, бумагой и машинами. И все. — Он потянулся к телефону. — А теперь прошу меня извинить.

— Я увольняюсь, — повторил Генри. — Не хочу, чтобы мое имя как-то связывалось с

вашей газетой.

— То же самое сказал Итан, когда я отказался печатать ту ерунду, которую он написал. Не знаю, что с вами не так, мальчики. В наши дни...

— Прощайте, мистер Торн, — сказал Генри.

— Если ты сейчас уйдешь, моя семья больше не будет с тобой знаться. Ты не сможешь общаться с Итаном, Аннабель и миссис Торн. И не вздумай приползти ко мне, когда кончатся денежки и придется просить милостыню на улицах. Знал бы я, что твое музицирование приведет к такому, сжег бы контрабас к чертовой матери много лет назад. Твоего отца это бы убило.

— Мой отец уже мертв, — отрезал Генри. — Он покончил с собой.

Он повернулся и вышел из кабинета.

Глава 55

Флоре осталось накрыть еще несколько столов до ухода в «Инкуайрер». Казалось добрее сообщить Генри обо всем лично. Он точно найдет другую группу — теперь его имя на слуху во всех клубах города. Генри, конечно, будет огорчен. Но иного выбора нет.

Док вынул из рамы последние осколки.

— Я заколочу окно, — сказал он, — но в такой хороший день как же не хочется лишать нас свежего воздуха.

— Да, но как же безопасность? — Гло раскладывала ножи и вилки на аккуратно сложенные салфетки. — Люди, которые это сделали, могут вернуться и ограбить клуб. Если не что похуже.

Док почесал подбородок.

— Ну да. — Он ненадолго ушел и вернулся с листом фанеры, которую начал пристраивать в раму.

— Жалко-то как, — вздохнула Гло. — Теперь еще и темень.

— Простите, — извинилась Флора. — Это я виновата.

— Ничего подобного. Назовем это атмосферой. А пока давайте не будем проклинать темноту. — Гло включила свет, чтобы все спокойно продолжили работать.

— Я верну вам деньги, как только заработаю, — пообещала Флора.

В клуб вошел Шерман.

— Кому тут нужны деньги? Пожалуйста, скажите, что окно выбил не кто-то из наших ребят.

— В окно кирпич кинули, — пояснил Док. — Подарочек от тех, кому не понравился наш концерт. Флора, покажи ему газету.

Флора вытащила лист из кармана. Газета слиплась в тех местах, куда попала краска, но Шерман смог уловить суть. Дочитав, он присвистнул.

— Ужас. Просто ужас. — Открыв бумажник, он протянул Доку несколько купюр. — На новое стекло. Нам выплатили по страховке.

Док отмахнулся от денег.

— Вам самим стекла понадобятся.

Флора посмотрела на Шермана с надеждой, что выплаты хватит на ремонт «Домино»,

но дядя покачал головой. Флора сникла. И без слов понятно, что заплатили немного.

— Сейчас мы думаем не об окнах, а о новых способах заработка, — признался Шерман и грустно усмехнулся. — Скажем так, страховой корабль скорее похож на каноэ.

— Здесь вам всегда рады, — сказала Гло. — Вряд ли денег достаточно, чтобы Флоре хватило на полет?

Флора покачала головой, не в силах об этом говорить.

— Время покажет. — Шерман положил руку ей на плечо. — Было бы желание, а возможность найдется.

— Тук-тук, — произнес новый голос. Тут же его узнав, Флора встрепенулась.

В зал вошла Хелен.

— Прочитала сегодняшнюю газету и пришла лично посмотреть, в какое безумие вы с Генри вляпались. Я так беспокоюсь. Как ты? С того инцидента с по...

— Нормально, — коротко ответила Флора. Она не рассказывала Гло про арест и не собиралась этого делать впредь. Это ее личное дело. — К сожалению, мы еще закрыты. — Она бухнула приборы на стол.

— Но я с радостью предложу вам меню, — сердечно сказала Гло. — Приходите вечером на ужин и концерт.

Хелен взяла меню, но не стала его читать.

— Неудачи следуют за тобой, как хвост за собакой. — Она кивнула на разбитое окно. — Какая жалость.

— Нехорошие люди, а не неудачи. Есть разница. — Флоре не требовалась жалость Хелен. — Могу ли я чем-то тебе помочь?

Хелен рассмеялась.

— Вообще-то, это я собиралась помочь тебе.

Флора сильно в этом сомневалась, но не хотела, чтобы Шерман, Гло и Док сочли ее грубой.

— И что ты задумала?

— Налей мне выпить, — сказала Хелен, — и я все расскажу.

Шерман подтолкнул Флору.

— Не заставляй леди ждать. Нам понадобятся все друзья, какие только возможно.

***

Генри, почти пританцовывая, вышел из здания «Инкуайрера». Да кому вообще нужна эта жалкая работа? Ну, вообще-то, ему. Но он и без нее справится. Генри снял пиджак, закатал рукава рубашки и сел на трамвай до рынка на Пайк-плейс, где собирался купить персик для себя и букет роз для Флоры.

На лотке фермера из Лягушачьей ложины легко отыскался персик размером с теннисный мяч, и Генри съел его прямо в проходе, впервые в жизни не боясь помешать кому-то пройти. Это был лучший персик в истории человечества, съеденный в день, когда Генри обрел власть над своей жизнью. Доев фрукт, он кинул косточку в урну и выбрал букет красных роз.

— Это «робингуды», — сказала цветочница. — Их все выбирают. — Она завернула букет во вчерашнюю газету. Генри покачал головой, увидев это. Столько пота, труда и крика, а на выходе лишь грязная недолговечная газетенка. Она должна была стать будущим для них с Итаном, но сама на следующий день неизбежно оказывалась в мусоре. Ни в коем случае нельзя тратить на нее жизнь.

Генри прижал к себе букет и пошел сначала на север, а потом на запад мимо лотков с овощами и торговцев рыбой. Выудил из кармана пятицентовик и сел на трамвай, едущий мимо Смит-тауэр. Впервые в жизни он ничего не почувствовал, проезжая отбрасываемую башней тень. «Мажестик» находился недалеко от остановки на улице Еслер. Когда Генри как раз сходил с трамвая, из клуба вышла Флора.

— Генри! — удивленно воскликнула она. — Что ты... Я думала, ты в газете.

— Я уволился! — поспешил сообщить он. — Чувствую себя другим человеком.

Флора помрачнела.

— Это тебе. — Он протянул ей цветы, гадая, что же ее опечалило. И тут она бросила взгляд на окна. Он заметил фанеру в одной из рам, и сердце сжалось. — Что случилось? С тобой все в порядке?

— Все хорошо, но я должна тебе кое-что сказать. — Она замолчала, словно пытаясь подобрать правильные слова.

Генри сглотнул.

— Я понимаю. Все из-за того письма. Доку оно не понравилось. Репутация «Мажестика» и все такое. — Он чувствовал себя дураком, все еще держа цветы. Что за глупая идея.

— То, что мы делаем, злит людей. В следующий раз все будет только хуже.

Во рту у Генри пересохло. Он знал, что должен сделать.

— Тогда я уйду. Не волнуйся. — Он пожалел, что дважды потратился на трамвай. Ему будет не хватать тех монеток.

Флора теребила платье.

— Сначала я тоже так решила. Подумала, что мы найдем тебе другую группу, даже с помощью профсоюза устроим тебя в какое-нибудь заведение в центре. Но музыка — не моя жизнь, а твоя. Ты ею дышишь, а я все еще хочу осуществить то, что пытается сделать Амелия Эрхарт.

— А деньги? — Они уже считали, во сколько обойдется полет. Целое состояние. Музыка была половиной дохода Флоры.

— Я нашла спонсора. Поэтому из группы ухожу я, а не ты.

Новость ошеломила Генри. Он попытался порадоваться:

— Могу ли я узнать, кто этот спонсор?

Флора удивленно округлила глаза, словно думала, что он в курсе.

— Странно, что она тебе не сказала. — Она обеспокоенно сжала губы. — Это Хелен. Она купила для меня самолет. Будет готов через неделю.

Глава 56

Пятница, 2 июля 1937 года

Смерти всегда нравилась Амелия Эрхарт, которая во многом напоминала ей Флору. Летчица с песочного цвета волосами не готова была легко отдать свое сердце. Ее муж шесть раз делал ей предложение и наконец добился согласия, но Амелия отправила ему письмо, в котором просила позволить ей уйти, если спустя год брака она будет несчастна.

В письме говорилось: «Вполне возможно, у меня будет некое убежище, куда я буду

удаляться время от времени, потому что не могу гарантировать, что не устану от заключения даже в самой привлекательной клетке».

Флора могла бы написать Генри те же самые слова. О, как же она боялась привлекательной клетки любви. Небеса были ее убежищем, и Смерть могла сделать его еще более манящим. Она могла устранить соперницу Флоры.

Летчица и ее штурман весьма удивились, увидев Смерть на борту своего «Локхид Электра» десятой модели. Еще больше они удивились, когда отказала система радиосвязи. Смерть поглотила их души еще до того, как самолет рухнул в воду, и пока их жизни перетекали в нее, кровь пела о том, чего Смерть больше никогда не ожидала почувствовать. Люди и их тайны... Возможно, однажды они перестанут ее удивлять.

На следующий день она в личине черной кошки заглянула в окошко гостиной Флоры, подсматривая за тем, как хозяйка домика читает утреннюю газету. Реакция Флоры на новость еще больше удивила Смерть. Девушка не выглядела преисполненной надежды или задумавшейся, как обычно, когда открывается новая возможность.

Наоборот, она свернула газету, спрятала лицо в ладони и заплакала.

Глава 57

Воскресенье, 4 июля 1937 года

Прошло уже несколько дней с того вечера, когда Итан взял книгу, а он все еще не решил, что с ней делать. В кармане она казалась живой, дарила тепло, а время от времени вздрагивала, словно вдыхая. Итан часто к ней прикасался, не для того, чтобы удостовериться, что она не пропала, но потому, что ощущение от нее было таким странным, что ему хотелось проверить, а не живая ли она на самом деле. Пару раз он заглядывал внутрь, но пасовал перед изящным почерком.

За эти дни он ни разу не видел Генри и держался подальше от Джеймса. Отец вернул статью, размашисто написав на каждой странице «ОТКАЗАТЬ». Итан не возражал, опасаясь дать отцу повод задуматься, а не были ли их отношения с Джеймсом чем-то большим, нежели общение журналиста с источником.

Не находя себе места, он катался по городу, пока солнце не начало заходить за горизонт. Ему не хотелось ехать домой, где был отец и не было Генри, равно как не хотелось и вливаться в ожидающую праздничного салюта толпу у городского теннисного клуба. Пришла мысль остановиться и поесть, лишь бы отвлечься. Но аппетита не было, поэтому незадолго до заката он поехал домой и поставил машину под серебристым кленом у гаража. Достал из кармана книгу, твердо намереваясь наконец узнать, какие секреты она хранила. Текст по-прежнему представлял собой бессвязный набор букв.

Будь она бейсбольным мячом, он бы запустил ею в окно просто ради того, чтобы что-то разбить. Но Итан все же сунул ее обратно в карман и вошел в дом с черного хода, рискуя тем, что убирающая посуду после ужина Глэдис его увидит. Но даже если так, она просто кивнет и опустит глаза, как приучил ее мистер Торн. Пока Итан проходил по лакейской, его осенило: отец полагал, что все, что он не хотел видеть, должно оставаться в тени. Итан так давно мирился с собственной невидимостью, даже не сознавая, что скрывается.

В кухне, к счастью, никого не было. На столе стояла миска темно-красной, почти

черной черешни. Итан взял горсть блестящих ягод, и тут кто-то прошептал его имя. Он вздрогнул и выронил черешню, которую уже нес ко рту. Из тени, которую он только что окинул взглядом и никого не увидел, вышла Хелен.

— Ай-яй-яй, — протянула она.

— Что ты здесь делаешь? — Итан поднял ягоду, и сок окрасил его пальцы.

— Господи, как будто кровь, — плотоядно ахнула Хелен.

— Я проголодался. — Итан был не в настроении ее подкалывать.

Хелен подошла ближе. Каблуки стучали по полу, будто кости.

— Где ты был? — Она взяла из миски черешню, сунула в рот и зажала губами стебель.

Закрывает глаза и сплюнула косточку в ладонь.

— Гулял, — ответил Итан. Скрестил руки на груди, и под правой почувствовал очертания книги.

— Как загадочно, — голос сорвался, когда шагнула еще ближе, глядя на Итана из-под ресниц. — Да ладно тебе, ты можешь мне рассказать. Я унесу твои тайны с собой в могилу. Я так одинока, Итан, и мне не помешает друг поинтереснее Аннабель.

— Мы никогда не подружимся. Я тебе не доверяю. — Он опустил руки.

— Что я такого сделала, отчего у тебя сложилось подобное мнение? — Она коснулась рукой его груди над книгой. — Знал бы ты, что я натворила, никогда больше не волновался бы о чужом мнении на твой счет.

Итан стряхнул ее руку и съел еще одну ягоду. Хорошая попалась, сочная и на вкус идеально сладкая с кислинкой. Просто и совершенно. Не припомнив ни одного случая, когда Хелен выдала бы его секрет, он понял, что смягчается. Если честно, его поведение — его предпочтения — гораздо более скандальны, чем любые выходки Хелен в прошлом. Если бы люди знали... При этой мысли он закашлялся.

Итан посмотрел на Хелен и еще более остро осознал собственное одиночество.

— Положи в миску еще черешни, — попросил он и протянул ей руку. — Съедем в библиотеке.

Она улыбнулась, и Итан пожалел, что никогда не сможет полюбить ее как женщину. Но это не значит, что они не могут быть союзниками. Разум подсказывал, что лучше подождать, когда у Генри появится время прочитать книгу. Но Генри расстроится, узнав, что Итан украл ее у Джеймса. Даже больше — это может стать концом их дружбы.

Хелен поймала его взгляд.

— Мы будем лучшими друзьями, Итан, — пообещала она. — До конца твоих дней.

Он велел себе не думать о нарастающем в груди страхе.

— Я нашел одну книгу...

— Книги — это скукота, — фыркнула Хелен. — Может, лучше сыграем?

— Эта очень интересная. Мне бы хотелось, чтобы ты почитала вслух. — Такая жалкая просьба. Несомненно, Хелен тут же поймет, что он не умеет читать. Но надо узнать, о чем написано в книге, и он сможет остановить Хелен, если Джеймс написал что-то слишком возмутительное.

— Ну ладно, — кивнула Хелен. — Вечер выдался ужасно скучным. Я почитаю с выражением. Может, стоит позвать твоих родителей? Устроим представление.

— Нет! Не думаешь, что вдвоем нам будет намного веселее? А если этими сведениями стоит поделиться с родителями, мы всегда сможем сделать это позже.

— Как пожелаешь, кузен, — ответила Хелен. — Я вся твоя.

Смерть знала, что Любовь тысячи лет заполнял страницы этой книги, но ее никогда не подмывало заглянуть внутрь, потому что она боялась прочитать о себе. Одно — делать то, что она должна. Другое — читать об этом, особенно от лица врага.

— Где сядем? — Она глянула на обнаженное запястье Итана. Одним прикосновением она могла бы облегчить ему душу временно, а потом и навечно. Ей до боли хотелось показать ему его жизнь такой, чтобы он разглядел в ней красоту.

— Как насчет вон там? — Голос Итана вторгся в ее мысли. Юноша показывал на диванчик для двоих, накрытый алым покрывалом. Подобная мебель всегда радовала Смерть. Не раз такие диванчики становились местом, где человек испускал последний вздох.

— Идеальный выбор. — Руки чесались убить Итана здесь и сейчас. — Здесь так уютно.

Итан усадил ее на диванчик и вытащил из кармана книгу в затейливой обложке.

— Где ты ее взял? — Она провела пальцем по резным завиткам переплета. Любовь ценил красоту и умел превращать простое в превосходное.

Итан посмотрел на нее, и его лицо омыл лунный свет. В долгой войне со временем его красота будет проигравшей стороной. Гладкая кожа сморщится и обвиснет, на ней появятся пигментные пятна. Глаза поблекнут, белки пожелтеют, а радужки подернутся пленкой катаракт. Не будет ли подарком сохранить его красивым, пока время не нанесло неизбежный ущерб?

Итан кашлянул и отвел глаза. Лжец.

— Я... я ее нашел.

— На улице?

— Вроде того. — Он покраснел.

— И не заглянул внутрь? Возможно, владелец написал там свое имя. Или владелица. Весьма женственная обложка, тебе так не кажется? — Смерть забрала у него книгу.

— Она красивая, но я бы не сказал, что женственная. — Итан сглотнул. — Я смотрел, но имени не увидел.

— Умираю от любопытства. — Смерть открыла книгу. — Хм.

— Что там написано?

Смерть крайне редко проникала в сознание людей и всегда делилась с ними лишь парой воспоминаний, самым последним из которых была сцена гибели родителей Флоры. Что же сделает вся книга? Возможно, убьет Итана или сведет с ума. Смерть сжала его запястье.

— Твои ногти. Они такие красные, — заикаясь, пробормотал Итан. Его глаза закатились, а конечности задергались, когда Смерть начала вливать в его разум содержимое книги. Он боролся, пытаясь отцепить ее пальцы. Но даже этому идеальному образчику человека так же не под силу избежать Смерти, как и Земле оторваться от Солнца.

Если он выживет, то станет единственным, кто знает всю напрасную и жестокую историю Игры. Он увидит, как аспид вонзает зубы в Клеопатру, как оскопляют Абеяра, как медленно умирает Ланселот, как покончила с собой Джульетта и конец прочих игроков. Кое-что Смерть утаит, например, свою личность, а также то, что Игра закончится через три дня. Если Итан расскажет об этом Генри и Флоре, ее победа может оказаться под угрозой. А

все остальное пусть знает и наконец поймет суть ее дара — освобождение от боли. Настоящая любовь — это смерть. Если он выдержит этот опыт, то будет счастлив принять смерть.

Но она не могла оборвать его жизнь, пока еще нет. Они ведь так похожи, Итан и она. Поэтому Смерть отпустила его руку. Оставив Итана приходить в себя на диване, она медленно вышла из библиотеки, унося с собой книгу.

***

Земля вращалась, и в бархатно-черном небе горели звезды. Итан, спотыкаясь, вышел в коридор и медленно, ступенька за ступенькой, поднялся по лестнице. Комната Хелен была совсем рядом. Он слышал, как она ходит за дверью. Что же произошло? Они сели почитать, она взяла его за руку, а потом он очнулся, зная то, что казалось невозможным.

Но эти новые знания многое ему объясняли. Например, власть над ним Джеймса. Почему Итан влюбился в него с первого взгляда, пусть и был в этой Игре лишь пешкой.

Итан закрыл дверь и оглядел комнату, в которой провел столько времени: кровать, стол, окна, выходящие на город, где вдали гроыхали последние залпы салюта. Если Джеймс Бут был кем-то иным и не совсем человеком...

Возможно, то, что они с Итаном делали, не считается.

Возможно, он не один из этих.

На секунду на Итана накатило такое облегчение, что захотелось заплакать. Он так хотел, чтобы его не тянуло к юношам, столько часов провел в этой комнате, борясь со своим желанием, прежде всего направленным на Генри.

И все же дальше притворяться невозможно. Тяга к людям своего пола пробудилась в нем задолго до Джеймса. Пусть он никогда ей не поддавался, такова была его природа. И ее не изменить. Празднование Дня Независимости закончилось, за окном светила ущербная луна. Растущая или убывающая? Итан никогда не понимал, как это определить. Будь у луны выбор, она бы съежилась и исчезла или наоборот, отраженным светом гордо сияла бы в небе?

Итан взял перо и лист бумаги. Одно выстраданное письмо, слово за словом, он написал Генри, которому необходимо знать, во что они с Флорой оказались втянуты. Генри также нужно узнать, кто такой Джеймс и что он их союзник. Как же Итану хотелось узнать, кто такой Смерть. Один из музыкантов? Человек, арестовавший Генри? Да, наверное, это наиболее очевидная кандидатура.

Он просил, чтобы Генри не отказывался от Флоры. «Мы не выбираем, кого нам любить, — писал Итан. — Выбрать мы можем только то, как проявлять свои чувства».

Почерк был ужасным. Итан вымарывал целые предложения и был уверен, что половину слов написал неправильно. Так не пойдет. Такое нельзя отправлять. Несмотря на усталость, он переписал письмо набело и выбросил черновик. Потом заклеил конверт и надписал адрес. Следом набросал короткую записку родителям, в которой объяснил, что утром запишется добровольцем во флот, и подсунул ее под дверь. Затем собрал сумку, опустил адресованное Генри письмо в щель для исходящей почты и исчез в ночи. Ему хотелось провести последнюю ночь свободным, знающим, кто он такой и каким никогда не станет. Хотелось видеть восход солнца в первый день своей новой жизни.

Когда за ним закрылась дверь, Смерть выскользнула из комнаты Хелен и нашла в ящике письмо.

Которое тут же сожгла.

Понедельник, 5 июля 1937 года

После всего, что произошло с Итаном, Любовь потребовал встречи. Смерть согласилась, но настояла на выборе места. Когда Любовь прибыл в китайскую комнату Смит-тауэр всего несколькими этажами ниже крыши, с которой спрыгнул отец Генри, Смерть уже ждала его на стуле из розового дерева с вырезанными на нем драконом и фениксом. Перед ней был столик с бокалом красного вина и блюдом улиток, из которых она вилочкой выковыривала мясо.

Любовь устроился на простом стуле. Место возле сердца, где столько лет хранилась книга, казалось пустым и угнетало, словно пропавшее воспоминание.

Смерть разгрызла улитку.

— Эта никак не поддавалась. — Она выплюнула осколки раковины на тарелку. Один пристал к ее губе, и Любовь отчаянно хотел его убрать.

— Супа? — предложила Смерть. — Черепаховый.

Любовь отказался.

— Не знаю, как девушки сидят на этом стуле. — Ее губы блестели от масла. — Такой неудобный.

Стул исполнения желаний городу подарила китайская императрица. Любая девушка, посидев на нем, в течение года получала предложение руки и сердца. Несмотря на неудобную конструкцию, стул работал. Любовь посочувствовал сопернице, не способной испытывать надежду, но тут же себя одернул. Это не его печаль. Он хотел вернуть свою книгу. И Итана. Но боялся, что к этому сердцу больше не посмеет воззвать.

За его спиной Сиэтл доходил до самого побережья. В большинстве зданий горели электрические лампы, подсвечивая небо. Вокруг тоненького серпа луны сверкали звезды, одинокие адресаты бесконечных людских желаний.

— Тебе придется вежливо попросить, — сказала Смерть. — Очень вежливо.

Будь проклята она и ее способность читать его мысли. Что ж, если она хочет играть так, ладно. Он послал ей образы того, что видел без нее, пока следовал по городу за Генри.

Генри завязывает галстук. Генри расчесывает непослушные кудри. Генри чистит ботинки, и от них отражается свет лампы. Серая лента тротуара разворачивается под ногами Генри. Залитая солнцем листва. Мир глазами человека, влюбленного в женщину, влюбленного в жизнь.

Любовь сосредоточился, чтобы посылать Смерти яркие образы, но время от времени останавливался и смотрел, как она меняется в лице. Затем она принялась нетерпеливо рыться в его воспоминаниях об украденных поцелуях и легких касаниях, а больше всего о том, как Генри и Флора пели «Однажды» — о каждой ноте, о концертах, каждый из которых заканчивался громом аплодисментов.

Волшебство уже случилось. Даже если им больше не суждено выступить на одной сцене, песня безвозвратно изменила игроков.

Смерть отстранилась. Уголки ее глаз потемнели. Любовь наклонился, чтобы промокнуть их платком, но Смерть перехватила его руку.

— Не надо.

Она одним махом смела со стола вино, пустые ракушки и суп.

— И что с того? Игра закончится через два дня, а она по-прежнему ему отказывает.

Запястье ныло в том месте, за которое она ухватилась.

— А как продвигаются твои попытки соблазнить Генри?

Смерть беспечно забросила ногу на ногу, а руку положила на спинку стула.

— У меня два пути к победе, а у тебя только один. История и шансы на моей стороне.

Любовь не мог оспорить ни того, ни другого.

Но каковы шансы? У любого человека огромные шансы не родиться. К рождению ведет длинная цепочка мгновений, и каждое звено в ней — людской выбор, каждый из которых должен происходить в определенной последовательности, чтобы привести к рождению конкретного человека. Шансы на то, что Флора и Генри вообще родятся, были один на плюс-минус четыреста триллионов.

— Осталось два дня. — Смерть подняла два пальца. Как будто Любовь мог забыть или не понять ее слов. Она кинула ему книгу. Любовь ее поймал и тут же успокоился, держа в руках знакомую теплую вещь.

Смерть одарила его последней жутковатой улыбкой Хелен и растворилась, словно Чеширский кот из сказки Льюиса Кэрролла. Когда она пропала, Любовь внезапно кое-что вспомнил. Где же настоящая Хелен? Та, в чьем облике явилась Смерть? Это кажется неважным, но от крохотной возможности может зависеть многое. Любовь глубоко вдохнул и встал, надеясь, что время еще есть.

***

Любовь добрался до настоящей Хелен посреди ночи. В лечебнице пахло потом и чистящим средством, в коридорах горел ядовитый свет. Палаты, белые прямоугольники за дверями с окошками из пуленепробиваемого стекла, по большей части были темны. Почти все их обитатели спали, но не Хелен, чему Любовь очень обрадовался, потому что не хотел тревожить покой пострадавшей.

Он материализовался в комнате не в облике Джеймса Бута или иного человека, а в личине, которую Хелен бы приняла: виляющего хвостом щенка кокер-спаниеля, чье дыхание пахло сеном и летом. Он заскулил, и она села и оглянулась. Затем в полумраке она увидела на полу собаку и подняла к себе в постель. Любовь дотронулся до ее сердца. «Прошу, скажите мне, что это не новая галлюцинация. Они говорят, я сошла с ума, но я знаю, что это не так. Я просто все забыла».

Любовь лизнул подбородок Хелен, и она захихикала. Обняла его и прижала к груди мохнатую спинку. Любовь почувствовал то место, из которого Смерть стерла воспоминания. Края дыры были неровными и мешали Хелен добраться до более потаенных воспоминаний. Любовь зашил дыру. Выбранный им облик прекрасно подходил для такой работы: мягкий, уязвимый, полный жизни и любви.

Едва он начал, Хелен уснула. А когда утром проснулась, его уже не было, и всю свою последующую жизнь она считала его появление чудным сном. Возвращение к ней памяти переполошило врача, и он, установив, что она действительно все помнит, находится в трезвом уме и, что еще более важно, имеет опекунов, способных оплатить счет за лечение, позвонил ее родителям. К тому времени, когда за ней приехали, Любовь уже вернулся в Сиэтл.

Вторник, 6 июля 1937 года

Перешептывания. Их было так много с тех пор, как Итан ушел из дома. Аннабелл терпеть не могла перешептывания. Это гадко, гадко, гадко. Сейчас, после телефонного звонка, их стало еще больше, а когда она спросила, о чем все шепчутся, родители выгнали ее из комнаты.

Так нечестно!

Сначала Генри, потом Итан, и вот теперь Хелен, которая исчезла вскоре после того, как мама повесила трубку. Кузина подслушивала под дверью, а Аннабель пряталась в нише за ее спиной. Хелен исчезла совсем незаметно. Вот она здесь, а вот ее уже нет. Нужно будет спросить об этом, когда мама успокоится.

Аннабель прокралась в комнату Итана, где до сих пор были почти все его вещи. Бейсбольная форма. Школьный значок. Все его костюмы, галстуки и туфли. Запах тоже остался. Трава, пот и «Лаки Тайгер Бэй Рам», Аннабель он больше всех нравился.

В корзине для бумаг лежал смятый листок. Аннабель вытащила его и разгладила. «Дорогой Генри», гласила первая строчка. Аннабель попыталась его прочитать, но брат писал о каких-то противных и непонятных вещах. Кроме того, ей не терпелось перейти к той части, где она клала письмо в конверт, заклеивала его, надписывала адрес и лизала марку. Вот это самое веселое в письмах, а не писанина.

Аннабель села за стол Итана, нашла конверт, окунула перо в чернила и написала адрес, как учила ее Хелен. Она запомнила адрес Генри после того, как он прислал ей письмо, в котором спрашивал о велосипеде. Аннабель наклеила марку и опустила письмо в ящик. Почтальон доставит его уже завтра днем.

Перешептывания прекратились, но никто не пришел за Аннабель, которая уснула на кровати Итана и во сне увидела брата. Сон был плохим. В нем Итан попал матросом на войну и умер. Аннабель во сне расплакалась, но проснувшись от крика мамы, зовущей ее на ужин, порадовалась, что это всего лишь сон, а не настоящая жизнь. Вытерла слезы и спустилась в столовую, впервые в жизни голодная как волк.

Среда, 7 июля 1937 года

Скоро Генри придется уйти из съемной комнаты в «Мажестик», чтобы проверить звук перед вечерним выступлением. Неделю назад он бы уже давно умчался, отсчитывая минуты до встречи с Флорой. После ее ухода из группы замену ей так и не нашли, а она проводила все время на аэродроме, осваивая купленный Хелен «Стэггервинг». Генри теперь сам пел ее песни, но не соглашался исполнить «Однажды», как бы ни просили его Шерман и зал. На зал он не обращал внимания, а Шерману и группе пообещал написать новую песню, когда его посетит вдохновение.

Он пытался ее написать, но все, что выходило из-под пера — записки Флоре, которые

он никогда не отправит.

Однажды мы взберемся на Эйфелеву башню.

Однажды мы будем лежать на песке под итальянским солнцем.

Однажды мы дадим концерт в Нью-Йорке.

Однажды...

Их было так много, и каждая следующая захватывала больше, чем предыдущая. Он разорвал лист бумаги на полоски и на каждой из них написал желание. Когда в дверь постучала миссис Косински, Генри сунул их в карман пиджака, потому что они предназначались только для одной пары глаз.

Генри открыл.

— Пришло для вас. — Миссис Косински стояла в халате и смотрела на письмо. — Похоже на почерк маленькой девочки.

Он протянул руку за письмом, и миссис Косински нехотя его отдала, но осталась стоять на пороге.

— Спасибо, — сказал Генри, и она разочарованно вздохнула.

Он закрыл дверь, прислонился к ней и открыл конверт, ожидая увидеть письмо от Аннабель. Но его написал Итан. Генри перечитал послание дважды, во второй раз уже сидя на кровати, потому что содержание письма оказалось просто невероятным. На первый взгляд в рассказе Итана не было никакого смысла. Но в глубине души, в той ее части, которой Генри чувствовал правду так же легко, как музыку и свою любовь к Флоре, он понимал, что все написанное Итаном — правда. И она меняла все для всех.

Он положил письмо в тот же карман, что и записки. Немного подумал, что же ему делать, потому что не хотел глупо выглядеть в глазах Флоры. Но недолго. А потом надел пальто и шляпу, вышел за дверь и зашагал совсем не в сторону «Мажестика».

— Должно быть, важное письмо! — крикнула ему вслед миссис Косински.

Генри не озаботился ответом.

Глава 62

Следуя лишь своему чутью, Генри поймал такси и поехал на аэродром. Он потратил на поездку последние деньги. Если Флоры нет на полосе, он окажется в ловушке в километрах от дома. Но Генри не позволил себе об этом думать и нашел Флору именно там, где предполагал. Она в одиночестве работала на своем новом самолете, «Стэггервинге» цвета глазированного яблока. Одетая в комбинезон, Флора утерла пот со лба, словно день был длинным и хлопотным. Но она выглядела счастливой и такой довольной, что Генри едва не развернулся, чтобы отправиться в долгий путь до клуба.

Но он не смог устоять перед искушением еще немного за ней понаблюдать. Как падали на нее лучи закатного солнца, как она совершенно точно знала, что делает, обходя самолет и дотошно осматривая каждую деталь. Если бы он мог оставить ее с этим счастьем, зная, что покидает ее свободной заниматься любимым делом, он бы не раздумывая так и поступил.

Но если он не убедит Флору его полюбить, она умрет.

Таким будет конец Игры, как написал Итан. Генри желал, чтобы было по-другому. Будь он игроком, обреченным на смерть, решил бы иначе. Конечно, такой судьбы ему не

хотелось, но он бы ее принял, тем более что Игра свела его с Флорой.

Небо темнело, пока Генри стоял и взвешивал варианты. Теперь он полностью осознал безнадежность положения и жестокость Игры. Он видел два выхода: сохранить правду в тайне и в последний раз обратиться к Флоре, попросить ее о взаимности. Если она согласится, не зная, что от этого зависит ее жизнь, он поймет, что она искренна. Или можно рассказать Флоре о письме и использовать его как метод давления. Несомненно, лучше полюбить его, чем умереть.

Но любить кого-то, лишь бы избежать смерти — это вовсе не любовь, а трусость. Флора никогда на это не пойдет.

И тут Генри пришел в голову третий вариант.

Он расскажет Флоре правду. Если она ему откажет, он отыщет Смерть и предложит ей свою жизнь в обмен на жизнь Флоры. Будет ли этого достаточно? Должно быть. Больше ему предложить нечего.

Наконец Флора его заметила.

— Разве у тебя сегодня нет концерта? — Она заправила за ухо выбившийся локон.

— Нашлось дело поважнее.

— Генри, — грозно начала она.

— Я не отниму у тебя много времени. — Он подошел ближе. — Есть кое-что, о чем ты должна знать. Мы можем пойти куда-нибудь, чтобы не стоять вот так на улице?

Она отвела его в ангар, и там он протянул ей письмо Итана, которое Флора прочла в свете единственной электрической лампочки.

— Генри, — дочитав, сказала она, — только не говори, что ты в это веришь.

— Я не хотел верить, но чувствую, что это правда. А ты нет?

Флора надолго замолчала. Ее зубы застучали, и Генри, как всегда, укутал ее в свой пиджак.

— Спасибо, — поблагодарила Флора. — Мне даже не холодно. Не знаю, почему дрожу, словно мокрая кошка.

— Могу догадаться, — вздохнул Генри.

Снова тишина. Флора свернула письмо и протянула Генри.

— И думать об этом не хочу. Даже если в письме правда, это так унижительно. Нами играли как марионетками. Я не давала на это согласия. Это варварство!

Он недоверчиво поднял на нее глаза.

— То есть вот что ты чувствуешь? И это все?

— Что ты имеешь в виду? — не поняла она. — Я ничего не знаю о том, что чувствовала на самом деле. Как и ты. Все, что ты чувствуешь и чувствовал, вложили тебе в голову, преследуя собственную цель.

— Но я могу знать, — не согласился Генри. — И знаю. Мне плевать, как я пришел к этим чувствам к тебе. Я хочу, чтобы они остались со мной навсегда. Я хочу дать тебе все...

Флора подняла руку, останавливая его.

— Я с самого начала все понимала, Генри. Правда. Всю жизнь я была уверена, что не хочу никакой любви. И для нас будет безумием продолжать, зная, чем все закончится.

— Нельзя так говорить, — возразил Генри. — Вовсе необязательно, что все закончится именно так.

— Я отказываюсь следовать их правилам. Лучше уж не верить ни в Игру, ни в ее последствия. Я собираюсь прожить свою жизнь сама, по своему выбору, и предлагаю тебе

сделать то же самое.

— А что, если мы сбежим? — Генри не понравилось, как отчаянно это прозвучало.

— Генри. — Флора подняла на него полные слез глаза. — Они нас отыщут.

— Может, и нет. По крайней мере не сразу. Стоит попытаться.

— Я не могу сказать на это «да». Только не так. Если только...

— Если только что? Просто скажи. Что нужно?

Флора отвернулась.

— Ты ничего не можешь сделать. Поэтому, пока мы не ранили друг друга еще сильнее, давай лучше попрощаемся. Я не стану жить ни на чьих условиях, кроме собственных. На деньги Хелен я совершу кругосветный полет, и он все для меня изменит.

— Зачем она вообще это делает? — Генри обошел ее, чтобы вновь оказаться лицом к лицу.

— А ты как думаешь? — Флора горько засмеялась. — Она от меня откупается. Как только я уйду с дороги, ты будешь целиком ее.

— Но... — Эта мысль не приходила в голову Генри. Да, она казалась логичной, хоть и возмутительной.

— Новый самолет уже готов, и завтра мы с Хелен отправимся в первый полет.

Генри молча взял ее за руки, и на этот раз она не возразила.

— Всю свою жизнь я знал, что хочу тебя и никого больше. Я влюбился в тебя с первого взгляда.

— Мы были детьми, — сказала Флора.

— Но разве ты не помнишь, как оно было в детстве? Все просто и понятно. Иногда мне кажется, что в вопросах любви дети смышленнее любых взрослых. Они ни на секунду не сомневаются в своих чувствах, как не сомневаются и в том, что любовь взаимна. А когда мы вырастаем, с нами что-то случается. Неудачи нас подкашивают. Мы забываем, как можно просто любить, не вмешивая всю остальную жизнь. Мы обмениваем любовь на страх, и я больше не хочу этого делать.

— С тобой и мной в детстве случилось что-то ужасное, — вздохнула Флора. — У нас никогда не было шанса, и это чувство не любовь. Никогда ею не было и быть не могло.

Генри не спорил, не желая ссориться. Но он не мог отрицать того, чем жило и билось его сердце. Ничему не под силу изменить факт его любви. Он не знал, что с ним случится после смерти, но сердце стояло на своем уверенно, будто солнце.

— Ты был чьей-то игрушкой, — продолжила Флора. — Как и я. В этой игре нам не победить. Неважно, что мы выберем — в конечном итоге мы проиграем. Я умру, ты умрешь, мы оба умрем... однажды, рано или поздно, нас обоих ждет смерть. Единственное, что мы можем сделать сейчас — отказаться участвовать в игре, которую затеяли не мы. Мы отказываемся, и каждый живет своей жизнью.

Генри положил руки ей на плечи.

— Я бы выбрал тебя. Игра или нет, я всегда буду выбирать тебя. Пожалуйста.

— Не судьба, — покачала головой Флора. — В этой жизни нам не судьба быть вместе. — Она высвободилась и посмотрела на часы. — Концерт начнется через двадцать минут. Ты должен одеваться и настраиваться. Тебе пора.

— Я не буду сегодня играть, — сказал Генри. Он всю жизнь прожил, совершая правильные поступки, будучи человеком, на которого всегда можно положиться. Хватит с него.

— Но ты не можешь уйти, пока тебе не найдут замену, — возразила Флора. — Я тебя подвезу.

Ошеломленный и рассерженный, Генри отвернулся и вышел в сумеречный воздух, жадно лоя каждый вдох. Она не могла сказать ничего хуже. После всего, что между ними было, она не придавала ему никакого значения. Думала, что его можно заменить, словно мебель. Повернувшись к ней, он задал последний вопрос:

— Ты скорее рискнешь жизнью, чем меня полюбишь?

— Все не так просто.

Лавина обиды захлестнула Генри, мешая говорить. Почему она его отталкивает, даже не попробовав полюбить?

— Генри! — воскликнула Флора. — Мне очень жаль.

— А мне нет. Но не понимаю, почему ты так уверена в нашем проигрыше. Я бы боролся за тебя. За каждую секунду, что нам осталась.

Глава 63

Итак, Смерть победила.

В тот момент, когда Флора, даже зная о последствиях, отказала Генри, Смерть это почувствовала. Под безлунным небом ее чувства обострились. Музыка, сигналы машин, обрывки разговоров, смех... уши наполнял шум человечества. А запахи... дым, вино и увядающие цветы.

Нужно только дождаться полуночи. Тогда час пробьет.

Плохо, что Торны узнали правду о Хелен. Неаккуратно получилось. Но теперь, когда Игра закончилась, это вряд ли имело значение. Они никогда не узнают, кем она была на самом деле, а она не собиралась возвращаться в их особняк.

Когда пришла победа, Смерть сидела в кафе и вспоминала книгу, написанную Любовью. Поразительно, настолько они с Любовью разные, как она предполагала и боялась. Это означало, что, как всегда, Смерть безмерно одинока и навеки обречена быть злодейкой. Любовь вдохновлял на истории и записывал их, а она их разрушала и питалась разрушением. Она чудовище. Чудовище, у которого нет выбора. Вечно голодное чудовище, которого никто не хочет.

Ну и ладно. Если ей суждено быть чудовищем, она будет самым худшим из них. Единственный оставшийся нерешенным вопрос: когда можно забрать свой приз. Она вправе это сделать в любую минуту. Ей хотелось отведать душу Флоры, хотя Смерть сдерживала голод. Будет намного приятнее поглотить жизнь бедняжки, когда голод станет сильнее.

Если только...

Если только Генри не выберет смерть.

Если он так поступит, ей достанутся оба игрока. И она, несомненно, сумеет доказать слабость любви.

Ведь любовь правда слаба. Имея обширный опыт, Смерть могла утверждать, что люди зачастую предпочитали самой любви ее абстрактную идею. Они хотели добиваться любимых, но, завоевав их сердца, быстро остывали. Если их любили, они использовали эту любовь как доказательство собственной значимости. Во имя любви использовали друг друга.

Трусливо лгали, намеренно или случайно. Существует так много способов разрушить любовь. И в отличие от разлагающегося трупа, который кормит червей и удобряет почву, какую пользу приносит разлагающаяся любовь?

Любовь верил, что Генри любит Флору. Он верил в искреннее сердце своего игрока. Смерть же считала иначе. Она подозревала, что Генри нравилась сама идея быть любимым и безопасностью, которую эта идея дарила. Поэтому она не станет убивать Флору, пока не завоюет и Генри.

Она уже выиграла Игру для себя. И победа будет еще слаще, если Смерть сумеет победить как Любовь. Смерть обернулась тем, перед чем Генри не сможет устоять. И на пути к нему впервые за долгое время чувствовала себя превосходно.

Глава 64

После ухода Генри Флора вспомнила, что на ней все еще его пиджак. Долго-долго она стояла в круге света, пока сгущалась тьма, ожидая, что он вернется — если не за ней, то за пиджаком.

Она даже надеялась на это, хотя вовсе не доверяла своим чувствам. Да и как она могла, зная, что Смерть выбрала, вернее, выбрал ее, когда Флора была всего лишь младенцем в ящике из-под яблок? Конечно, ее выбрал Смерть. Немыслимо, чтобы это сделал Любовь. Ради бога, ее родители погибли в Валентинов день. Когда речь заходит о любви, весь род Флоры будто проклят.

Генри не вернулся. Холодало. Флора посмотрела на часы. Миновала полночь. Начался новый день, причем без помпы, в отличие от той полуночи, когда они с Генри шли под дождем из «Мажестика», звонили колокола и все казалось волшебным. А спустя несколько минут она нашла бабушкино тело. И вновь на нее накатила печаль, эхо разбитого сердца.

Внезапно озябнув, она сунула руки в карманы пиджака и нащупала бумагу. Разорванную на полоски. Достала одну и прочитала.

«Однажды мы поднимемся на Эйфелеву башню».

Сердце кольнуло, когда она узнала почерк Генри. Париж. Можно поехать туда одной. Именно там училась летать Бесси Коулмен.

Снедаемая любопытством, Флора достала следующую полоску. Еще одно «однажды», на этот раз о воскресном завтраке в их зеленом домике. Флора глянула на часы. Концерт, наверное, в самом разгаре, с Генри или без него, потому что именно так происходит в жизни. Она продолжается.

Флора достала следующий клочок. Развернула его и заплакала, не в силах читать о детях, которых у нее не будет.

Флора прочитала все записки до последней, вереницу тайных посланий, которые означали то же самое, что и сердечко, которое бабушка вышивала на одеялах.

«Однажды начинается сейчас», — гласила последняя записка.

Нельзя что-то написать и потом осуществить, ни на бумаге, ни в нотной тетради. В лучшем случае эти мечты заставляют хотеть невозможного. Отцовской силы. Материнского тепла. Бабушкиной любви. Любовь — это потеря. Флора знала это с тех самых пор...

Она резко ахнула.

Она знала это всю свою жизнь. Это единственное, в чем она была уверена. Однажды все, кого она любит, умрут. Все, что она любит, обратится в прах. Такова цена жизни. Такова цена любви. И единственный конец любой правдивой истории.

Эту уверенность дал ей Смерть. Только ее. Не любовь.

Любовь, которую она испытывала к музыке, полетам, родителям, бабушке и больше всего к Генри? Она была настоящей и шла из глубины души, неизвестно откуда взявшись.

Игра или нет, однажды она умрет, как и все живое. Но ничего трагичного в этом нет. Как и в том, чтобы быть пешкой. Все души, если не считать души бессмертных, являются пленниками тел. Игра, какую бы форму она не приняла, длится только пока живо тело. А настоящая трагедия — это выбор чего-то иного, а не любви.

Флора вела себя так всю свою жизнь, и теперь слишком поздно что-то менять.

Она выбежала из ангара и, тяжело дыша под черным небом, почувствовала, что слова написанной Генри песни рвутся из груди. Без аккомпанемента, без слушателей, не думая ни о чем, кроме смысла этих слов, она запела в пустоту, наполняя мрак всем, в чем себе отказывала, и направляя свою потерянную любовь во внешний мир, зная, что ничто не причинит ей большей боли, чем она уже причинила себе сама.

*Ты — на небе луна,
Я — морская волна.
Меня тянет к тебе,
Где бы ты ни была.*

Даже с музыкой Флора чувствовала себя безмерно одинокой, и одиночество казалось таким глубоким, что в нем можно было утонуть.

Генри никогда не захочет ее вернуть после всего, что она наговорила. Она все разрушила. Нужно положить записки назад в карман, притвориться, что она их не видела, и днем, после полета с Хелен, вернуть ему пиджак. Или, что еще лучше, попросить Хелен передать его Генри. Смерть может прийти за ней сейчас или позже. Флора будет рада его приходу. Вряд ли тогда будет хуже, чем сейчас.

Глава 65

Четверг, 8 июля 1937 года

На то, чтобы дойти домой, у Генри ушли часы. Но даже после долгой прогулки он не мог уснуть. Он сворачивал белье, когда в дверь кто-то постучал. На секунду Генри понадеялся, что это Флора. Она передумала. Уговорила миссис Косински ее впустить, хотя часы приема гостей давно закончились. Генри отбросил волосы со лба и окинул взглядом комнату. Убрал стопку сложенной одежды. Все остальное вроде нормально. Кровать заправлена. Контрабас у окна. На столе порядок.

Генри открыл дверь.

На пороге стояла Хелен в черном пальто, туфлях на каблуке и идеально сидящем красном платье. Она вошла в комнату, сняла шляпку и перчатки и вместе с сумочкой

положила их на кровать Генри.

— Мне нравится, как ты тут обжился, — похвалила она. — Очень уютно.

Генри не понимал, говорит ли она всерьез. Эта комната довольно далека от привычной ей обстановки.

— Хелен, — произнес он, гадая, как же она проникла в дом.

— Язык проглотил? — Она глянула на сумочку, и Генри понял, что сейчас она подойдет, откроет ее и достанет сигарету. Хелен именно так и поступила. В какой-то степени Генри был доволен, что так хорошо знает ее привычки.

— Нет, — ответил он, — просто уже поздно, и район не самый безопасный, да и...

— И что? — перебила Хелен, зажигая спичку и прикуривая. — Задуешь? — Огонь уже подбирался к ее длинным белым пальцам.

Генри наклонился и задул спичку. Взгляд Хелен казался странным, вдобавок она нервничала.

— С тобой все хорошо?

— Просто хотела повидаться. Скажи, что соскучился. Проводить время только с Аннабель весьма утомительно.

Генри оглядел комнату, жалея, что у него нет стула.

— Хочешь присесть? К сожалению, могу предложить только кровать.

Хелен вытянулась на его постели и сбросила туфли на пол. Сердце Генри забилось быстрее. Она посмотрела на пустое место рядом с собой и хлопнула по нему свободной рукой.

— Пожалуй, найду что-то вроде пепельницы, — сказал Генри, притворяясь, что не заметил приглашения.

— Генри, — промурлыкала Хелен и выпустила дым из алых губ. Генри невольно почувствовал, что в груди разгорается жар. Флора его не хотела. Не так, как он хотел ее. И вот здесь Хелен, девушка, которую прочили ему в суженые, и она открыто ему себя предлагает. Даже ради него помогла Флоре. Возможно, в конце концов разумно будет остановить выбор на ней.

Для пепла у Генри не было ничего, кроме полупустого стакана с водой. Он допил воду, вытер губы и предложил стакан Хелен. Когда она его приняла, их пальцы соприкоснулись, и вот Генри, дрожа, уже сидит на кровати рядом с ней. Хелен прислонилась к изголовью, и Генри смотрел прямо на нее, а его рука касалась шелка ее платья и бедра под ним. Генри, покраснев, опустил глаза.

— Генри. — Ее голос походил на шепот смерти, и Генри застыл. — Я могу замолвить за тебя словечко перед отцом Итана. Упросить его дать тебе второй шанс.

Второй шанс. Будет ли у него третий? Он знал, что предлагала Хелен и какова у этого цена. Бывают сделки и похуже. Он слегка наклонился к ней, надеясь, что она не заметит, как его трясет, и учуял аромат ее духов. Лилии. Он тут же вспомнил похороны отца и на нетвердых ногах встал. Хелен умоляюще смотрела на него снизу вверх.

— Генри, — повторила она и потянулась к нему, но он не взял ее за руку.

— В чем дело? — спросила она. — Почему ты меня не хочешь?

Генри стало ее жалко. В глазах Хелен читалось желание, почти голод, и он узнал в нем себя. Но он хотел не ее, и как бы ни желал прикосновения другой женщины, его сердце принадлежало только Флоре. Чем больше времени он проводил с Флорой, смотрел, как она поет, понимал ее любовь к полетам, тем меньше мог представить жизнь с кем-то другим.

Если с Флорой ничего не получится, больше никто ему не нужен.

Долго он стоял у кровати, тяжело дыша и глядя на Хелен, которая закрыла глаза.

— Прости, — прошептал он.

— Не надо, — ответила Хелен. Ее тон резко изменился, но Генри не совсем понял, в какую сторону. В нем послышались капризные нотки, совсем как в начальной школе у детей, не выносящих проигрыши. — Это твоя потеря.

Она затушила сигарету о край стакана и бросила в него окурочек. Поставила стакан на стол, расправила платье и надела туфли.

— Поможешь с пальто?

Радуюсь, что может чем-то услужить, Генри помог ей вдеть руки в рукава. Хелен стояла близко, и он понимал, что если откажет ей сейчас, то никогда ее не получит. Она не станет путем воссоединения с прежней жизнью и краеугольным камнем богатого респектабельного будущего.

Но этот выбор он сделал не в спешке посреди ночи, а давным-давно. Он выбрал Флору. И будет выбирать ее всегда.

Даже если он ей не нужен, она должна жить. Он не позволит Смерти забрать ее без боя. Как только рассветет, он наведается к Джеймсу Буту, который, возможно, поможет. По меньшей мере раскроет личность Смерти. Эта мысль повергла Генри в ужас. Но какой у него выбор? Если Смерть не тот мужчина, с кем можно сразиться, может быть, он согласится взять жизнь Генри и оставить Флору в живых.

Хелен натянула перчатки и коснулась щеки Генри — не ласка, но и не пощечина.

— Увидимся, Генри.

— Позволь мне тебя проводить.

— Нет нужды. — Она смахнула стакан со стола, и он разбился на осколки, усеявшие весь пол. — Мне так жаль. — Хотя это прозвучало фальшиво.

Генри подошел к шкафу, в котором хранил веник и совок. Когда он вновь обернулся, Хелен уже ушла. Генри выглянул в темный коридор, удивленный ее исчезновением. На плачи навалилась усталость. Убрав осколки, он рухнул на кровать, от которой все еще пахло Хелен, и, несмотря на это, провалился в глубокий сон без сновидений, похожий на смерть.

***

Он очнулся утром и хотел сразу же отправиться в Гувервилль. Но, выглянув в окно, увидел на противоположной стороне улицы автомобиль мистера Торна. Час был ранний, и все же, как давно он там стоит?

Генри побледнел, руки отнялись. Это последнее, что ему нужно. Он не хотел выслушивать нотации, равно как не знал, почему Итан ушел добровольцем во флот. Даже возможность обсуждения этой темы ощущалась предательством.

Пойдя через черный ход, он мог бы выскользнуть из дома незамеченным. Генри попытался, но один из жильцов его окликнул, и миссис Косински уже поджидала его на первом этаже.

— Нужно кое-что обсудить, — сказала она. — Никаких гостей до девяти утра. Правила ясны как день. — Она указала на вышивку в рамке на стене. Генри находил невозможным оспаривать то, что вышито зеленой нитью. На секунду он задался вопросом, как же Хелен пробралась мимо строгой хозяйки глубокой ночью, но думать об этом не было времени — мистер Торн ждал.

— Простите, — извинился Генри, понимая, что мистер Торн, скорее всего, ворвался в

дом и потребовал его привести. — Такого больше не повторится.

— Он не говорит ни кто он такой, ни что ему от вас надо, — возмущалась миссис Косински. — И отказывается уходить. Ему как будто плевать на наши правила.

Генри начал было извиняться, но она не закончила:

— Мне кажется, он гангстер. Это так? И что гангстеру от вас нужно? Я не предложила ему кофе, потому что не хочу, чтобы губы гангстера касались моего прекрасного фарфора. У вас неприятности, Генри? Потому что связи с мафией тоже против правил, хотя у меня пока не нашлось времени это вышить.

— Он не гангстер, — улыбнулся Генри. Миссис Косински закрыла французские двери, но за кружевными занавесками он видел мистера Торна, который сидел на диване со шляпой на коленях. Его профиль был как раз из тех, что вырезают в камне.

— Значит, принести вам кофе? Свежезаваренный? — Миссис Косински была убеждена, что кофе можно заваривать дважды, а то и трижды.

— Будет чудесно. Свежезаваренный.

— Включу его в ваш недельный счет. Конечно, кофе стоит денег, как и сливки и сахар.

— Принесите нам все, — попросил Генри, в основном потому, что хотел оградить хозяйку от неизбежного гневного взрыва.

— Печенье? Потому что...

— Все, — кивнул Генри и зашагал к французским дверям. Мистер Торн, все еще держа шляпу, встал. Генри заметил, насколько отец Итана бледен, и его сердце екнуло. Он открыл дверь, зная, что новости будут плохими.

— Что случилось? — спросил он. — Аннабель в порядке? Она не упала с велосипеда?

— Дело в Хелен, — ответил мистер Торн. — Случилось нечто ужасное. Кажется, нас всех обманули, и я подумал, что обязан тебя предупредить.

Глава 66

Телефон зазвонил, когда Флора собиралась уходить. В этот день она надела дерзкое красное платье с черными пуговицами на спине. Она носила его редко — для повседневных выходов платье было слишком нарядным, для выступлений слишком простым, но для такого особенного дня подходило идеально. У нее появился спонсор. Впереди полет, о котором она мечтала всю жизнь. Флора не ощущала абсолютного счастья, как предполагала, но, возможно, эта горечь и есть цена реальности.

Телефон все трезвонил. Странно. Кто бы мог названивать ей в такую рань? Да и вообще, если на то пошло. Флора подумала, а не ответить ли, но нужно было торопиться на встречу с Хелен. Вдобавок ей не хотелось ни с кем разговаривать или соприкоснуться.

Пусть Флора теперь и знала, что тяга к одиночеству подарена ей Смертью, ей не хотелось ничего менять. Забавно, но это стремление пошло ей на пользу. Никто не мог причинить ей боль, так как она никого не подпускала близко, но и она не могла никого обидеть, в особенности Генри. Флора больше никогда и ни у кого не хотела бы увидеть такое выражение лица, как в тот вечер, когда ему отказала.

Она набросила пиджак Генри на руку и прошла к двери. Флора решила прибыть на аэродром за два часа до назначенного полета, чтобы проверить готовность к нему самолета и

своих нервов. После полета Хелен могла бы вернуть Генри пиджак. При этой мысли сердце неприятно кольнуло, но Флора предпочла не обращать внимания.

Хелен. При мысли о ней Флору передернуло. Да, она ценила то, что предлагала ей Хелен: выход. Флора будет держаться подальше от Генри, а Хелен профинансирует ее путешествие. Генри же получит любовь. Весьма разумно. Но видеть рядом с собой Хелен все равно не хотелось. В их предпоследнюю встречу Флора пережила ужасное видение гибели своих родителей. Ее не особенно беспокоило, что это повторится, поскольку такого с ней не бывало ни до, ни после того случая. Но точно так же, как некоторые запахи пробуждают воспоминания, перспектива новой встречи с Хелен и зависимости от нее пугала Флору.

Трезвон все продолжался. Флора заперла за собой дверь, сошла с крыльца на улицу и вскоре была уже далеко, больше не слыша звона и не думая о нем.

***

По крайней мере день для полета выдался удачным. Бледно-голубое небо. Полный штиль. Ни облачка, поэтому вероятность грозы крайне мала, а для обледенения не сезон. О лучших условиях и мечтать не приходится.

Сидя в кабине нового самолета, Флора натерла дерево до блеска. До приезда Хелен оставался еще час, а Флора уже проверила все, что можно, и теперь маялась от безделья. Положила руки на штурвал и огляделась, лишний раз убеждаясь, что все выглядит опрятно. Под ногой что-то блеснуло, и Флора нагнулась, чтобы его поднять. Монета, аверсом вверх. На счастье.

— Да я богачка, — сказала Флора сама себе. Ах, если бы.

Интересно, каково это, жить как Хелен: мгновенно тратить тысячи долларов из бездонного трастового фонда? Надевать платья всего по одному разу? Считаться подходящей парой для такого, как...

Флора решительно подавила эту мысль и сжала монету в кулаке. Подбросила в воздух. Если орел — ее желание сбудется. Если решка — нет. Монета несколько раз перевернулась, Флора ее поймала и на несколько секунд замерла, не решаясь разжать пальцы.

«Чего же я хочу?»

Она посмотрела на небо, зная, что должна желать свободы, которую ей предлагал бескрайний простор, и также зная, что больше не уверена, а хочет ли этой свободы. Зная, что на самом деле она хочет чего-то другого. Вернее, кого-то.

Что, если бы она ждала не Хелен, а Генри? Если бы могла показать ему, каково это — чувствовать себя властелином неба? Сверху не видно, как неприглядна жизнь: ни облупившихся фасадов, ни трещин на тротуаре, никаких признаков несовершенства и упадка. Только ровные линии и яркие цвета. Вдобавок мотор тарахтит слишком громко для разговора ни о чем или даже мыслей. За штурвалом Флора полностью сосредоточивалась на полете, и это ощущение казалось ей безопасным, но все же ей хотелось им поделиться, по крайней мере с Генри. Он показал ей, что любви не стоит бояться, а она могла бы показать ему мир сверху и убедить, что он тоже не страшен.

Флора думала о своем желании, и монета в ее руке согрелась. Флора разжала пальцы. Орел. Она выиграла и от нелепости произошедшего расхохоталась. Сунула монету в карман и решила запустить пропеллеры и проверить масло. Перед взлетом придется проверить его еще раз, но по крайней мере ей будет чем заняться.

Ботинки едва коснулись земли, как до нее донесся его голос. Не желая в это верить, Флора медленно повернулась. Генри стоял прямо перед ней в той же одежде, что и

накануне.

— Вернулся за пиджаком? — спросила Флора. — Он здесь. Я собиралась отдать его Хелен.

— Пиджаком? — озадаченно переспросил Генри, но тут же спохватился: — О, конечно. Мило с твоей стороны.

Что-то с ним было не так: Генри вел себя слишком вежливо и отстраненно, но после всего, что было, это и неудивительно.

Он шагнул к Флоре, и прядь волос упала ему на лоб. Генри не стал его убирать. Он выглядел невыспавшимся — как же ей это знакомо.

— Тогда я сейчас его принесу, — сказала Флора.

— Я хочу полетать, — выдохнул Генри и сделал еще один шаг. — На самолете.

— Уверен? — Флора склонила голову, отчаянно желая верить, что он решил побороть боязнь высоты.

— Да.

Она робко улыбнулась.

— Тогда тебе повезло: я знаю одну летчицу, которой как раз нечего делать в ближайший час.

Генри улыбнулся в ответ. Немного сдержанно, но лучше так, чем никак. Флора горько сожалела о том, что случилось вчера. Если бы она могла взять свои слова назад, она бы так и поступила. Не то чтобы она была готова принять его предложение, готова выбрать его. Но любовь и совместная жизнь — а вдруг однажды это станет возможным.

Голова раскалывалась, а лучшее лекарство от головной боли — взмыть в небеса.

— Готов? — спросила Флора. — Условия сегодня лучше не придумаешь.

Она осеклась, пока не начала нервно тараторить. Лучше просто показать ему то, что она любит. Возможно, это станет началом прощения.

Глава 67

Сразу после ухода мистера Торна Генри попытался дозвониться до Флоры. Нужно было предупредить ее насчет Хелен и ее истинной сущности. Гудки шли и шли, но Флора не брала трубку, и Генри испугался, что она уже уехала на аэродром. Он выскочил за дверь, сбежал по ступенькам и остановился на тротуаре, не зная, куда идти: к дому Флоры, на аэродром, в Гувервилль просить помощи Джеймса или на поиски мнимой Хелен, где бы она ни была.

Не в силах решить, он стоял, как парализованный. Мимо ехали машины, поднимая пыль над мостовой, и спешили люди, бросая на Генри озадаченные взгляды. Генри решил попытаться заключить сделку со Смертью. Она ведь предлагала ему на это пойти, вот только он не понял. Что, если бы он ее поцеловал? Спасло бы это Флору? Если так, он бы сделал это тысячу раз.

Только подумать: он отказал Хелен, потому что жизнь без Флоры казалась ему похожей на смерть. Как же прав он был, только этого не понимал.

В карманах было пусто, поэтому он побежал в сторону аэродрома. Путь предстоял долгий, а рубашка уже прилипла к спине и легкие горели. Он мчался по Двадцать третьей авеню в сторону моста, и в спину его подгонял легкий ветерок. Вдруг рядом остановилась

машина. За рулем сидел Джеймс, только не тот, каким Генри знал его прежде. Этот Джеймс Бут водил «кадиллак» дороже даже, чем машина мистера Торна. Его костюм был новым, с дорогим серым галстуком и белоснежной рубашкой. Генри понял, насколько Любовь тщеславен.

— Садись, — велел Джеймс.

Генри послушался, испытывая одновременно облегчение и гнев на то, что Любовь сделал ему, Итану и всем остальным.

— Надо спешить. Они на аэродроме. Если Хелен доберется туда первой...

— Знаю, — тихо ответил Джеймс.

— Ты должен мне помочь. Я хочу заключить сделку. Занять место Флоры.

Джеймс промолчал, лишь покосился на него, сжимая руль обеими руками.

— Она согласится? Скажи! — закричал Генри.

Джеймс ответил не сразу. Машина повернула к мосту Монтлейк, башенки которого с медными крышами всегда напоминали Генри обиталище Рапунцель. Мигнул светофор, опустился шлагбаум, и мост начали разводить. Ожидание было невыносимым. Наконец мост открыли. Генри и Джеймс миновали Монтлейк-Кат, проехали мимо университета Вашингтона и направились к Сэнд-Пойнт.

Наконец Джеймс заговорил.

— Она никогда на такое не соглашалась.

— Что еще мы можем сделать? — Казалось, будто в желудке у Генри змеиный клубок. — Должно быть что-то. Что угодно. Нельзя, чтобы все закончилось вот так.

— Ты все делал правильно. — Голос Джеймса казался уверенным, но отстраненным, словно у учителя, объясняющего ошибки в контрольной. — Ты играл, совсем как я надеялся. Я тобой горжусь.

Генри хлопнул руками по панели.

— Ты говоришь, как будто все уже кончено, но это не так!

— Так, — возразил Джеймс. — Игра закончилась, мы проиграли.

Горло Генри до боли сжалось.

— Тогда мы ничем не можем помочь? Никому не под силу спасти Флору? А Смерть? Что способно ее убить?

— Ничего, — пожал плечами Джеймс. — Она бессмертна, как и я.

— Тогда что заставит ее страдать? Я хочу, чтобы она мучилась не меньше моего.

— Ожидание. Она страдает постоянно и больше не будет ждать. Я могу повернуть назад, Генри. Никто не станет тебя винить. Зрелище может быть ужасным.

— Может быть?

— Зависит от способа, который она выберет.

Генри сжал кулаки.

— Гони.

Глава 68

Едва самолет оторвался от земли, Смерть откинулась на спинку кресла, испытывая упоение от победы. Ей не терпелось вкусить ее плоды. Голод терзал все сильнее, угрожая

вырваться на свободу и лизнуть мир языком пламени.

За лобовым стеклом простиралось бескрайнее небо. Флора сжимала штурвал. Смерти хотелось коснуться этих рук, взять хоть самую малость, но она заставила себя сдержаться. Она так долго этого ждала, и скоро настанет идеальный момент.

Флора выровняла самолет, небеса устремились вверх, а внизу показались серебристое озеро и зеленые деревья. Она повернулась к Смерти — такая уязвимая и полная надежд. Смерть отвела взгляд. Скоро Флора все поймет, но Смерть все равно стыдилась основополагающей правды о собственном существовании. Ей хотелось скрывать ее как можно дольше. И хотелось, чтобы кто-то хоть один раз посмотрел на нее с любовью.

Внизу мелькала земля — одеяло из лоскутов всех цветов и форм. Природой людям не было предназначено взирать на нее с высоты, но они добились этого упорством и страстью. Смерть никогда не понимала их желания летать. Зачем делать то, для чего ты не предназначен? Зачем тратить время на пустые причуды?

Флора указала на что-то внизу. Возможно, на озеро, гладкое, как стекло и синее, словно сапфир. Оно было прекрасно. И Смерть внезапно осознала, насколько смелая эта девушка. Она знала об Игре и чем ей суждено окончиться, но вместо того чтобы выбрать Генри, остановила свой выбор на ином, для чего и определения-то нет, хотя «принципиальность» близка по смыслу. Принципиальность и, возможно, честность. Такая редкая добродетель среди людей. Какая жалость, что Флора не понимает, как мало времени ей осталось. Но таковы все люди. Они всегда думают, что этот день не последний и дальше будут еще.

Итак, момент истины наступил. Смерть выдохнула, и облик Генри растворился. Она превратилась не в Хелен, а предстала в своем истинном обличье. Флора это заслужила. И ее взгляд Смерть запомнит на века, хотя видела подобные много раз на протяжении своего существования.

Побледнев, Флора вновь уставилась вперед. Самолет устремился вниз, и Смерть поняла, что летчица пытается сесть, вероятно, чтобы уберечь людей внизу, которых может убить горящий обломок самолета. Что ей до них? Все когда-нибудь умрут, от несчастного случая ли или от старости. Смерть потянулась к руке Флоры, гоня несвоевременные воспоминания об испанском продавце цветов и командире дирижабля. Один хотел жить ради любви, другой рисковал жизнью для спасения пассажиров. Не стоило ей щадить эти души.

Глава 69

Генри и Джеймс приехали на аэродром в тот момент, когда Флора садилась в самолет с кем-то, как две капли воды похожим на Генри. Смерть украла его облик от непокорных кудрей до стоптанных ботинок. Генри закричал ей вслед, но его не услышали. Флора и Смерть забрались в кабину. Генри побежал за ними, рукой прикрывая лицо от ветра, поднимаемого пропеллерами. Но Флора не увидела его за хвостовым колесом, и вскоре самолет взлетел и начал удаляться от земли, уменьшаясь с каждой секундой.

Генри остановился и повернулся к Джеймсу. Слова не шли с языка. Тело, казалось, выжгли изнутри. Он чувствовал себя усталым. Разбитым. Словно что-то навсегда сломалось. — Ну почему она не забрала меня? — наконец выдавил он из себя.

Он стоял, глядя на Джеймса, который смотрел в небо, вытянув руки по швам. Спустя несколько секунд, показавшихся вечностью, он повернулся к Генри, пожал плечами и исчез.

Генри остался один под идеальным голубым небом.

Любовь предал его, когда он больше всего в нем нуждался. Понимание этого захлестнуло Генри ледяной волной. Он не мог дышать, ничего не видел и не знал, как жить дальше. Он упал на колени, даже не заметив, что порвал брюки и порезался об острые камешки.

Потом снова встал и всмотрелся в небо. Ему не хотелось за этим наблюдать, но было невыносимо думать, что Флора покинет мир и никто этого не увидит. Поэтому он ждал, не зная чего. Но доверял своему чутью и посылал любовь в небеса, чтобы Флора поняла: он здесь и до последнего отвечает на ее зов.

Глава 70

Вот только что рядом с ней сидел Генри, и вдруг исчез, и внезапно его странное поведение на летном поле обрело смысл. Дело не том, что он злился на нее или боялся полета. Он просто не был Генри.

Рядом с ней теперь сидела женщина неопределенного возраста, с которой Флора никогда не встречалась. Но которую знала. Знала всю жизнь.

Это она ходила в облике Хелен. Она выбрала Флору для этих страданий, когда та была всего лишь спящим младенцем. На ней сейчас были перчатки, которые Флора ошибочно считала материнскими, а на самом деле они изначально принадлежали этой женщине, этому монстру. Такая мелочь, перчатки. Но иногда именно мелочи важнее всего. Флора верила, что перчатки сближают ее с мамой, что в них она осенена материнским благословением.

Теперь она понимала, что все это — красивая ложь. Перчатки вовсе не защищали ее, а мешали чувствовать мир. Мешали жить.

Когда Смерть потянулась к ней, Флора все это осознала. Поняла уроки, которые вынуждена преподавать Смерть. И самое худшее, что она поняла: эти уроки она усвоила слишком поздно. Знай она о них раньше, сделала бы другой выбор. Но это верно почти для всех людей. Смерть — прекрасный учитель. Прекрасный и самый жестокий.

Она потянулась к Флоре, но та отшатнулась. Сначала нужно посадить самолет, а потом уже сдаваться. Если он упадет, погибнут невинные люди, а этого Флора не могла допустить. Она начала снижение, намереваясь обманывать Смерть как можно дольше. Но Смерть отстегнула ремень и устремилась к ней.

— НЕТ! — выкрикнула Флора, уворачиваясь. «Будь смелой, — твердила она себе. — Посади самолет».

Они неслись к полосе гораздо быстрее, чем Флоре бы хотелось. Руки тряслись, и она думала, возможно ли заключить со Смертью хоть какую-нибудь сделку. Она отодвинулась так далеко, как вообще можно, не теряя управления.

Смерть схватила ее за руку. Горизонт пошатнулся. Цвет неба переменился, и самолет затрясся, словно бьющееся в агонии тело. Пальцы Флоры оледенели, тепло покинуло тело. Отчего-то она была этому рада. Холод дарил избавление от того, что должно за ним последовать.

И вдруг внутри словно что-то треснуло. Пальцы на руках и ногах заныли. Какое-то иное чувство начало расползаться по рукам и ногам, как будто сосуды наполнялись не кровью, а чем-то другим. Это быстро распространилось на грудь, шею и лицо. Флора не могла пошевелиться. Шок, непонимание, превращение. Как будто ее тело теперь принадлежало не только ей.

Но ощущение было странным, непохожим на смерть, вернее на то, как Флора ее себе представляла. Смерть была пустой и холодной, как тела родителей, которые медленно засыпал снег.

А она испытывала жар и чувство наполненности. И обрела силу, когда поддавалась этим новым ощущениям.

«Флора», — раздался голос так близко, словно обитал в ее голове.

Этот голос она никогда не слышала, но сразу его узнала.

«И что теперь?» — ответила она.

«В том-то все и дело, — сказал Любовь. — Я не могу дать тебе точного ответа. В моих силах лишь быть рядом, когда я тебе нужен».

Хотелось смеяться.

«А где же ты был раньше? Разве я не всегда нуждалась в тебе?»

«Верно, не я выбрал тебя своим игроком. Но я нашел самое лучшее сердце из всех возможных, зная, что Смерть выберет самого сильного игрока. И ты родилась в любви, Флора. Тебя любили бабушка, родители, Генри. Посредством них я всегда был с тобой».

Истина его слов ударила Флору как обухом по голове.

«У нас нет времени на сожаления, — продолжил Любовь. — Время есть только на то, чтобы жить так, как ты жила бы, с самого начала зная обо всем».

«И что изменится?» — Двигатель самолета заглох.

«Все. Как и должно было быть».

«Я тебе не верю!» — Самолет падал, и вид в лобовом стекле изменился. Теперь снаружи был не день, а темная ночь без луны и звезд, пугающая своей пустотой. Неужели она уже мертва?

«Не в моих силах заставить тебя верить во что-либо. Ты сама делаешь выбор. Я здесь, с тобой, мы — одно целое. Какими ты хочешь увидеть последние мгновения своей жизни?»

Флора знала. Точно так же, как она понимала, какие силы отрывают самолет от земли, как сделать так, чтобы ноты попадали прямо в сердце слушателя, она знала, о чем просит ее Любовь. Действовать не только ради шанса изменить неизбежное, но потому что это самое смелое, что она может совершить.

Конец для всех одинаков.

Продолжает жить лишь выбор, от чистого сердца сделанный перед лицом Смерти.

Флора полностью открыла душу и впустила туда Любовь, чувствуя, что он превращает ее в нового человека, которым она всегда боялась стать: неуверенного в себе, незащищенного. В груди разгорался жар, наполнивший кабину огнем и заливший лобовое стекло ярким светом.

Потрясенная Смерть повернулась к ней.

И тут внезапно изменилось не только небо, но и сам самолет. Они больше не были в кабине падающего «Стэггервинга».

«Самолет? — спросила Флора. — Что с ним случилось?»

«Смерть остановила время и перенесла нас из кабины в другое место».

Флора окинула взглядом то, что перед нею простиралось: вид на мир с огромного расстояния. Галактики растекались живыми акварелями, посылая в бесконечную черноту зеленые, голубые и оранжевые лучи. Флора находилась невообразимо далеко от всего знакомого.

Она повернулась и увидела Смерть такой, какой ее видел Любовь. Увидела неотступное одиночество бытия единственной в своем роде, той, которую все боятся. Также она увидела, что в глубине души Смерть любила каждую поглощенную душу, храня их все в бесконечной памяти. Флора увидела ее истинную суть и поняла, что больше не может ее ненавидеть.

— Слишком поздно, — сказала Смерть. — Игра окончена. Ты проиграл. Она моя.

Чужие мысли захлестывали разум Флоры воздушными потоками.

«Можно я отвечу?» — спросил Любовь у Флоры разрешения воспользоваться ее голосом.

«Конечно».

— Но она выбрала его. Да, на несколько секунд позже, но выбрала. Ты не можешь гордиться такой победой. — Его голос воспринимался как музыка, и хотя казалось странным позволять иному существу вещать из своего тела, Флоре было приятно. У нее осталось так мало времени, что это, вероятно, последнее в ее жизни удовольствие.

— Я в своем праве. — Смерть побледнела, ее руки дрожали.

— Возможно. Но ты не можешь ее забрать, — сказал Любовь. — Во всяком случае пока я здесь.

— Она смертна. Я могу подождать.

— Лжец из тебя никудышный. Посмотри на свои руки.

Лицо Смерти исказилось от гнева, по щекам потекли черные слезы.

— Да что ты вообще знаешь о страданиях? Я самый ненавистный всем персонаж во вселенной. Я не несу человечеству ничего. Я только отнимаю. Я проклятие. В отличие от тебя те, кем я питаюсь, меня презирают. Поэтому я приму свой утешительный приз. Приму!

Она схватила Флору за горло.

«Почему ты меня не спасаешь?» — воззвала Флора.

«Не могу. Я только продлю твои страдания. Мы проиграли и должны с этим смириться».

Флора почувствовала, что он покинул ее тело. Она вмиг похолодела. Она больше не видела, что ее окружало — только лица всех, кого знала и любила. Она услышала музыку и увидела голубое небо. Почувствовала родные руки на своем теле, губы на губах. Генри. Эти воспоминания, особенно о нем, наполнили ее разум, четкие, как на фотографиях, но полные цвета, насыщенные всей полнотой ее чувств. Бисеринки пота на лбу Генри в разгар концерта. Его рука на ее спине в минуты танца на крыше. Его запах, стук его бьющегося живого сердца. Пока она прокручивала все это в уме, Смерть по капле забирала из нее жизнь.

Увидев все это снова, Флора поняла то, что не осознавала раньше. Однажды. Его не только не стоило бояться — оно и существовало не только в будущем. У них с Генри были сотни таких «однажды». Теперь, глядя на них без ослепляющей пелены страха, Флора понимала: они были уникальными и ни на что не похожими.

Смерть не самое худшее, что может случиться в жизни. Самое худшее — то, что она почти упустила чудо любви.

Флора не могла говорить, поскольку Смерть все еще сжимала ее горло, источник ее

пения. Она послала Смерти мысль, надеясь, что она станет прощальным подарком. «Игра имеет значение только потому, что мы проигрываем. Это твой дар людям. Спасибо тебе за него».

Хватка ослабла. Флора медленно вдохнула. Покачнулась, и вот Любовь уже стоит за спиной и бережно ее поддерживает.

— Если бы жизнь не заканчивалась, — сказал он, — во мне не было бы нужды. Выбрать любовь перед лицом смерти — наивысшее мужество. Я радость, но ты смысл. Вместе мы делаем человечество чем-то большим, чем оно было бы само по себе.

Смерть отступила. Ее плечи поникли, на лице чернели дорожки от слез. Она вытащила из кармана конверт, открыла его и вытащила клочок бумаги. Когда она его уничтожит, погибнут оба игрока.

— Нет! — воскликнул Любовь. — Пожалуйста. Подожди.

— Это не то, о чем ты думаешь, — ответила Смерть. — Доверься мне. Просто я не могу сделать это без твоей помощи. — Она напоследок прижала к сердцу листок с именами Генри и Флоры и отдала его своему извечному противнику. — Храни его для меня. И их храни.

— Как долго?

Ответа Смерти Флора не услышала.

Внезапно она перенеслась из космоса обратно в горящий самолет. Жар и дым были невыносимы. Она попыталась высвободиться, и тут почувствовала обнимающие ее две пары рук. Она отдалась Любви, а потом отдалась Смерти, восхищаясь тем, что обе капитуляции показались освобождением. Бессмертные существа несли ее по небу в последнем полете, во время которого ее обожженная кожа разгладилась и зажила, овеваемая порывами ветерка, прохладного, как вода в глубине озера.

Флора почувствовала, как ее положили на землю.

Открыла глаза, и тут же раздался грохот взрыва.

Глава 71

Генри добрался до Флоры одновременно со взрывом «Стэггервинга» и накрыл ее своим телом, пораженный всем увиденным: как самолет упал с неба на летное поле и пропахал в земле дымящуюся черную полосу. Генри побежал спасать Флору, но она каким-то образом выпала из кабины и очутилась на гравии метрах в двадцати от горящего фюзеляжа. На секунду он испугался, что это галлюцинация, но тут Флора под ним зашевелилась, и он понял: неважно, что случилось и что он видел. Имеет значение только то, что сейчас она здесь, с ним.

Генри посмотрел на Флору, красивую и невредимую, словно сделанную из неуязвимого материала.

Она моргнула и сфокусировала взгляд.

— Генри?

— Флора. — Ее имя на вкус было как огонь и музыка. С плеч будто сняли тяжелую ношу, которую он таскал всю жизнь. — Игра. Она закончена?

— Не знаю.

Они сели, и Флора смахнула с его плеч осколки стекла, глядя на него так, словно кроме них двоих в мире не было больше ничего. Генри встал и протянул ей руку. Флора ее взяла, и вот они уже стоят и смотрят, как самолет превращается в пепел. Флора покачала головой и усмехнулась. И вот она уже приникает к губам Генри в поцелуе, подобный которому, как они раньше считали, существовал только в песнях.

Поцелуй ощущался как свет, идущий изнутри. Он был воспоминанием и обещанием, загадкой и чудом. Он был музыкой. Разговором. Полетом. Правдивой историей. И принадлежал только им.

Глава 72

Суббота, 28 марта 2015 года

Смерть много лет не навещала зеленый домик. Мир вокруг него сильно изменился. Машины больше не были элегантными творениями из стали и хрома. Некоторые стали маленькими и компактными и стояли вдоль тротуаров, другие же представляли собой огромные чудовища на разросшихся стоянках. Но дом остался таким же, как в ее воспоминаниях. Аккуратно выкрашенный, приятно небольшой, с тюлевыми занавесками на освещенных желтым светом окнах.

Для этого визита Смерть выбрала старое красное платье, каким-то образом вновь вернувшееся в моду. Она поднялась по ступенькам, в которых время и подошвы протерли небольшие полумесяцы, но они все равно оставались крепкими, ухоженными и готовыми помочь людям войти и выйти.

В доме было тихо, лишь звучала музыка — старомодный джаз, сразу же перенесший Смерть в те дни, когда эту песню еще играли живьем.

*Давным-давно мечтала я,
Что станется в жизни со мной...*

Смерть повернулась посмотреть на заходящее солнце. Она ждала Любовь, совсем как он ждал ее в Венеции весенним днем много лет назад. Пролетевшее время отчасти казалось сном: местами ярким, но не запомнившимся.

*Как смогу в одиночку я целый мир
Облететь под яркой луной.*

Любовь появился под когда-то молодым дубком, который теперь отбрасывал тень на половину улицы. Как обычно, соперник надел дорогой серый костюм и поприветствовал Смерть меланхоличной улыбкой.

Долгие годы после окончания Игры он сидел рядом с ней, держа за руку, пока наконец она не поняла, что может продолжать одна. Так всегда бывает с неутоленным голодом. Он утихает, и это кажется исцелением.

Но это еще не все. Смерти было невыносимо видеть, как страдает Любовь. Он испытывал не меньший голод, но утолить его можно было иначе. И потому что Смерть его любила — теперь она знала, что такое любовь и как она всех преобразует, — она его отпустила.

В тот день, когда встретились мы с тобой,
То не сразу влюбилась я.

— Скучала по мне? — спросил Любовь. Он выглядел таким же старым, как она себя чувствовала.

— Нет, — отозвалась она. — Ни секунды.

Она солгала, и они оба это знали. Но иногда крошечная ложь — это игра. Вернее, отголосок игры, в которую больше не нужно играть.

— Готова?

Смерть кивнула и хриповато произнесла:

— Всегда.

Ей не понравился звук собственного голоса, и поэтому, невзирая на свою слабость, она в последний раз превратилась в Хелен. Ей тут же стало легче, как будто она вернулась домой, хотя никогда не думала, что будет скучать по этой личине.

— Это лицо, — удивился Любовь. — Рад снова его видеть.

Он тоже изменил внешность и снова стал молодым и сияющим неотразимым светом. Противники посмотрели друг на друга. Голод Смерти разворачивался, словно бесконечный космос. Осталось недолго. Она подняла руку, чтобы постучать, но вдруг заколебалась.

Любовь прочитал ее мысли, теперь умея ее понимать. Встал рядом с ней и обнял за талию, согревая своим теплом и даря уверенность. Музыка продолжала играть.

Но теперь прошу лишь об одном:

Пожалуйста, рядом иди.

Смерть постучала. После недолгой паузы послышалось шарканье тапочек по деревянному полу. Дверь приоткрылась. Флора, чье лицо изменилось под натиском прожитых лет, стояла на пороге, словно ждала гостей.

Она распахнула дверь.

— Я думала — надеялась, — что это будешь ты. Хотя я бы не возражала, если бы ты явилась в обличье кошки.

У Смерти перехватило дыхание. Все эти годы она питалась другими душами, но давным-давно мечтала именно об этой и не знала, чем та ее встретит. Смерть никогда бы в этом не призналась, но приветствие Флоры значило для нее больше, чем она представляла все эти годы ожидания. Ее редко встречали с радостью, а улыбка от любимого человека... слов нет, чтобы выразить ее чувства.

— Можно нам войти? — спросил Любовь.

Флора впустила их в дом. Песня приближалась к концу.

Но теперь прошу лишь об одном...

— Генри там, — прошептала Флора, указывая на дверь спальни, где когда-то жили ее родители.

Пожалуйста, рядом иди.

Пожалуйста, рядом иди.

Пока инструменты выводили последние ноты, Флора подошла к проигрывателю — древнему устройству, собратьев которого люди давно заменили маленькими цифровыми приборами, превращающими в звук нули и единицы. Это значило, что песня звучала всегда одинаково, и Смерти это казалось одновременно волшебным и страшным. Старушка аккуратно подняла иглу, чтобы не оцарапать пластинку. В старости она стала бережной, даже когда знала, что это неважно. Таким образом она проявляла заботу.

Любовь кашлянул:

— Мне подождать здесь?

Он положил руку на спинку дивана, принадлежавшего еще бабушке Флоры. За десятилетия, прошедшие после ее смерти, обивку много раз меняли, и сейчас она была цвета молодых листьев папоротника. Но Смерть узнала бы этот диван, даже если бы время превратило его в груды опилок. Деревянные подлокотники, все еще поющие о душе дерева, из которого сделаны. Что-то в них пело и о Марион.

Хочет ли она, чтобы Любовь видел ее в самом уязвимом состоянии? Когда ее ненавидят больше всего? Можно с легкостью оставить его здесь и избежать стыда. Но для такого в их отношениях не осталось места. Только не после всего, что они пережили вдвоем.

— Идем с нами, — сказала Смерть.

Любовь взял Флору за руку. Смерть последовала за ними в спальню.

***

В окне виднелось заходящее солнце, окрашивавшее небо в красный, оранжевый и золотой. Осенние цвета, хотя вечер был весенним, и это рождало ощущение начала и конца, как и должно было.

Смерть не нуждалась в свете, но он ей всегда нравился. Меркнущие лучи падали на Генри, который лежал в постели с закрытыми глазами. Лицо его сморщилось от времени и усталости. Время изменило Генри, но Смерть всегда бы его узнала. Возможно, не так быстро, как своего игрока, но достаточно, чтобы выхватить его лицо из миллионов, хранящихся в ее памяти.

Генри сохранил кудри, и сейчас они все так же, как в юности, падали ему на лоб. Флора села рядом с ним и приложила руку ко лбу, будто проверяя температуру. Она сдвинула непослушные кудри назад, туда, где, как она знала, они должны лежать.

— Они пришли, — прошептала Флора на ухо любимому. — Вдвоем.

Генри не пошевелился, уйдя слишком далеко в мир воспоминаний и снов наяву. Его руки дернулись, пальцы задвигались, словно он играл на своем контрабасе. Губы пошевелились, и Смерть прочитала по ним единственное слово.

Однажды.

Оно наступило. «Однажды» являлось Генри и Флоре в разных ипостасях, и теперь пришел черед последней.

— Как это происходит? — спросила Флора, беря Генри за руку. — Если это не важно,

лучше бы ты его не целовала.

Смерть посмотрела на Любовь. Неужели Флора не понимает, что Смерть пришла за ними обоими? Что она откладывала этот визит как могла? Смерть победила в Игре. Всегда побеждала. Но на этот раз все было по-другому. Из-за любви она согласилась подождать. Но срок подошел к концу.

— Флора, — выдохнул Любовь. Подошел к ней и коснулся щеки.

Флора прижалась к нему и заплакала.

— Пусть она заберет и меня. Не хочу жить без него.

На Смерть накатила волна облегчения.

— Тебе и не придется, — прошептал Любовь.

Флора легла рядом с Генри и обняла его. Положила руку ему на грудь. Генри открыл глаза, нащупал ее руки и повернулся к ней.

— Уверен, что хочешь присутствовать? — спросила у Любви Смерть.

Тот кивнул.

Планета медленно вращалась, за окном лиловели сумерки. Смерть села рядом с влюбленными. Посмотрела на Любовь, и он протянул ей клочок бумаги, который она доверила ему давным-давно.

— Прошу, — тихо сказала она, — пусть еще немножко у тебя побудет. Я лучше без него.

Любовь держал бумагу, как самую драгоценную вещь в мире. Смерть потянулась к рукам Генри и Флоры, все еще сомкнутым на груди Генри. Сердце уже почти не билось. Его сердце, избранное Любовью, хромало, словно раненый солдат, но его слабый ритм по-прежнему радовал Смерть. Она посмотрела на Любовь и про себя поблагодарила его за этот выбор. И вот она уже держит руки Генри и Флоры, и их жизни перетекают в нее — все эти «однажды», на которые они надеялись и которые получили.

Смерть ахнула, увидев всю их красоту. Закаты, превращавшие Пьюджет-Саунд в сверкающую медную чашу. Вкус теплых имбирных пряников холодным осенним вечером. Две пары отпечатков маленьких мокрых ног на полу после купания детей. Спящие сын и дочь, раскинувшие пухлые ножки и ручки, разбросанные по постели, словно упали туда прямоком из рая.

И еще были звуки: рев двигателей взлетающих самолетов, шум машин, несущихся по набережной Гудзона в Нью-Йорке, концерты в Сиэтле, Сан-Франциско и Шанхае, сын, играющий на пианино, первые ноты тромбона дочери.

Была и тишина, которую дарил луна. Она висела в небе над островом в Тихом океане. Сверкала, как чаша с медом, над древним римским храмом. Отражалась в забитой мусором сточной канаве.

О, луна.

Одна и та же, но всегда разная, которую всегда искали в ночном небе после тягот дня.

Во всем этом потоке жизни Смерть чувствовала странную боль любви, которая когда-то казалась ей невыносимой, а теперь стала неотъемлемой ее частью. Она кое-что поняла, пока в нее перетекали жизни Флоры и Генри. О любви, которая всегда имела силу.

А эта любовь между Флорой и Генри... Сначала она была незаметной и неуверенной, будто первые рассветные лучи на горизонте. Потом превратилась в дикое животное, которое боролось против всего и всех, что ему угрожало — такое горячее, что могло вспыхнуть, и иногда так и случалось. А потом стала тихой, как падающий снег, покрывающий все, уверенный в своем месте в мире и так же уверенный в том, что не останется здесь навечно.

И вот все вокруг и внутри нее замерло. Сердца Генри и Флоры остановились. Смерть не могла сказать, на кого пришелся последний удар. Казалось, будто они перестали биться одновременно. Смерть надеялась, что так оно и было, что никому из них не пришлось жить лишнюю секунду без любимого.

Она отпустила руки Генри и Флоры, аккуратно, пусть это больше и не имело значения, положив их на прежнее место.

В комнате было темно. Чиркнула спичка, зашипел фитиль, и вот пространство озарилось светом. Любовь зажег свечу.

— Нет двух одинаковых языков пламени, — сказал он.

— Есть, — прошептала Смерть. — Некоторые точь-в-точь похожи.

Он протянул ей листок. Тот, на котором они давным-давно написали кровью и слезами имена. Эти чернила выцвели, и надпись стала почти неразличимой. Но Смерть помнила, что там написано, и всегда будет помнить.

Флора.

Генри.

Она потянулась к бумаге. Когда их руки соприкоснулись, Смерть одарила Любовь всеми своими воспоминаниями о Флоре, чтобы ее игрок продолжила жить в его памяти. Она надеялась, что Любовь не станет возражать, если она оставит себе память о Генри и его добром сердце. И впервые в жизни, несмотря на то, что Игра была проиграна, ее одновременно выиграла и Любовь, и Смерть. Потому что игроки продолжали жить.

Любовь поднес краешек листка к свече и подкинул, едва бумага занялась. Она вспыхнула, распалась пополам и упала на пол лепестками огненной розы. От нее пахло дымом и лилиями, кровью и пеплом, и от этого запаха Смерть снова заплакала слезами черными, как бескрайний космос. Но на этот раз она не трудилась утирать слезы, потому что чувствовала себя полной не просто жизни, но и любви.

— Идем? — Любовь протянул ей руку. Смерть взяла ее, и вместе они прошли в гостиную.

— Не хочу уходить вот так, — сказала Смерть, чувствуя, что силы возвращаются.

— У нас есть все время в мире. — Любовь нашел пластинку и положил ее на проигрыватель. Заиграла музыка, пусть потрескивающая от времени, но все еще красивая и глубокая.

«Однажды».

И там, в темноте, Любовь, Смерть и все в их памяти танцевали до конца песни.

А потом, когда мелодия закончилась и стало тихо, они исчезли.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Кубок Бендикса (Bendix Trophy) — соревнования для самолетов в США Трансконтинентальная гонка, организатором которой являлся промышленник Винсент Бендикс, основатель Bendix Corporation, началась в 1931 году в рамках национальных воздушных гонок. Сначала призовой фонд для победителей составлял \$ 15000. Последние соревнования на кубок Бендикса состоялись в 1962 году.

Цель состояла в том, чтобы заинтересовать инженеров в создании более быстрого и надежного самолета. Участники вылетали из Бербанка, штат Калифорния, в Кливленд, штат Огайо, за исключением двух лет, когда соревнования начались в Нью-Йорке и завершились в Лос-Анджелесе.

Известными участниками этой гонки были Джеймс Гарольд Дулитл, который выиграл первую гонку, и несколько женщин. Амелия Эрхарт стала первой женщиной, участвовавшей в кубке Бендикса, заняв пятое место в 1935 году. В 1936 году Луиза Тэйден и ее штурман Бланш Нойес выиграли гонку, а Лаура Инголлс заняла второе место. В 1938 году Жаклин Кокран, возможно, величайшая женщина-летчик всех времен, забрала домой этот трофей. Пол Мантц был единственным пилотом, который когда-либо выигрывал кубок три года подряд, с 1946 по 1948.

Первую часовню, посвящённую апостолу, начали строить в Венеции ещё в 829 году. В ней хранились мощи святого Марка, похищенные венецианскими мореплавателями из египетской Александрии. Узнав, что мусульмане рушат христианские храмы для возведения мечетей, венецианцы решили спасти останки евангелиста от осквернения. По легенде, чтобы перевезти реликвию на корабле, купцы прибегли к хитрости: они засыпали мощи святого свинными тушами и сказали таможенникам-сарацинам, что везут свинину. Сарацины, исповедующие ислам, не могли прикасаться к нечистому животному, и груз проверять не стали.

Галерея Академии (итал. Gallerie dell'Accademia), называемые также Музеем Академии в Венеции — художественный музей, в котором хранится самая большая коллекция венецианской живописи XIV–XVIII веков. Академия и музей расположены на южном берегу Большого канала, что даёт название одному из четырёх мостов через этот канал.

Вариации на собственную тему «Загадка» (англ. Enigma Variations; от др. — греч. αἴνιγμα — загадка), — музыкальное произведение Эдуарда Элгара, написанное в 1898 — 1899 гг в виде 14 вариаций для оркестра на собственную тему. «Загадка» произведения состоит в том, что в каждой из вариаций зашифрованы имена друзей композитора. Кроме того, по признанию самого композитора, в произведении есть еще одна зашифрованная тема.

Произведение написано в виде темы с последующими 14 вариациями. Варьируются мелодические, гармонические и ритмические элементы темы, а расширенная четырнадцатая вариация представляет собой грандиозный финал.

Элгар посвятил произведение «моим друзьям, изображенным здесь» (англ. «to my friends pictured within»), и в партитуре каждой вариации предшествуют инициалы или имя друга, которому она посвящена. Каждая часть передает не только общее впечатление от личности, но и содержит музыкальную отсылку на конкретную характеристику или событие, такие, как смех, особенности речи и т. п.

Амелия Мэри Эрхарт (24 июля 1897 — пропала без вести 2 июля 1937) — известная американская писательница и пионер авиации. Она была первой женщиной-пилотом, перелетевшей Атлантический океан, за что была награждена Крестом Лётных Заслуг. В 1937 году при попытке совершить кругосветный полёт на двухмоторном легком самолёте Эрхарт пропала без вести в центральной части Тихого океана в районе острова Хауленд.

Чарльз Линдберг (4.02.1902, Детройт — 26.08.1974 Гавайи) — американский лётчик, ставший первым, кто перелетел Атлантический океан в одиночку.

26 апреля 1937 года немецкий «Легион Кондор» в ходе гражданской войны в Испании совершил воздушный налет на город Герника — исторический и культурный центр Страны Басков. Там находится дерево, под которым в старину проходили народные собрания и приводились к присяге представители власти. В 1937 году находился в руках республиканцев, которые вели оборону Бильбао.

LZ 129 «Гинденбург» — жёсткий дирижабль, построенный в 1936 году в Германии. Был самым большим в мире из созданных до того времени дирижаблей. Своё название получил в честь рейхспрезидента Германии Пауля фон Гинденбурга.

Зал для поцелуев (The Grand Central Kissing Room)

Зал Билтмор, расположенный в главном зале вокзала, был известен, как «зал поцелуев» в период с 1930-го по 1940-й года. Именно в этом зале встречали и провожали пассажиров знаменитого в 20-м веке роскошного поезда «West Coast».

Потолок главного зала украшен фреской с изображением знаков Зодиака и 2500 звездами, 60 из которых подсвечены. Эта фреска красива и завораживает зрителя. Хотя есть в ней один значительный изъян: Вселенная на этой фреске изображена в зеркальном отражении. Вина в этом полностью лежит на плечах французского художника Поля Элле, который во время создания своего шедевра сверялся с эскизом, глядя на него сверху вниз, что и стало причиной ошибки. Однако семья Вандербильт (заказчики) не приняла данный факт за ошибку, изящно заявив, что замыслом было показать вид на Вселенную глазами бога. Сверху вниз.

23 апреля 1936 — Джо Бауэрс, работая у печи для сжигания отходов, неожиданно полез на забор. Охранник из западной башни сделал предупредительный выстрел. Джо его проигнорировал и следующими выстрелами был ранен. Он свалился за ограду и, пролетев 15–30 метров, скончался от полученных повреждений.

Шекспир «Ричард II» (пер. М. Донского)

Испокон веков для сохранения тайны применялись шифры. Одной из самых древних систем шифра, сведения о которой донесла до нас история, является скиталь. Он применялся древними греками еще в пятом веке до нашей эры. В те времена Спарта, поддерживаемая Персией, вела войну против Афин. Спартанский полководец Лисандр начал подозревать персов в двойной игре. Ему срочно была нужна истинная информация об их намерениях. В самый критический момент из персидского стана прибыл раб-гонимец с официальным письмом. Прочитав письмо, Лисандр потребовал у гонца пояс. Оказывается, на этом поясе верный друг (сейчас бы мы сказали «тайный агент») Лисандра написал зашифрованное сообщение. На поясе гонца в беспорядке были написаны различные буквы, не складывавшиеся ни в какие слова. Более того, буквы были написаны не вдоль пояса, а поперек. Лисандр взял деревянный цилиндр определенного диаметра (скитала), намотал на него пояс гонца таким образом, чтобы края витков пояса смыкались, — и на поясе вдоль образующей цилиндра выстроилось сообщение, которое он ждал. Выяснилось, что персы замыслили нанести спартамцам неожиданный удар в спину и убили сторонников Лисандра. Получив это сообщение, Лисандр неожиданно и скрытно высадился неподалеку от расположения персидских войск и внезапным ударом разгромил их. Это один из первых известных истории случаев, в котором исключительно важную роль сыграло шифро сообщение.

Эфы — звуковые прорези в верхней деке инструментов семейства скрипок: похожи на рукописную лат. букву f [эф].